КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ЮСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА".

I.

Послѣ Брестскаго собора 1596 г. только двѣ южно-русскія епархіи,—львовская и перемышльская, остались въ православіи. Только со времени реорганизаціи православной митрополіи въ Кіевѣ православіе начало подниматься и въ другихъ епархіяхъ, начало отнимать у уніи захваченныя ею церкви, а съ 1632 г. возвратилась вновь къ православію самая большая епархія—луцкая, съ изъятіемъ архимандріи жидичинской съ шестью монастырями и 100 приходскими церквями[1]). Но римская іерархія зорко слѣдила за каждымъ шагомъ, который дѣлало православіе, стараясь парализовать успѣхи его. Съ разныхъ сторонъ, систематически и неусыпно, велись подкопы подъ православіе; воспитаніе юношества, фанатизирующія толпу іезуитскія проповѣди, теологическія сочиненія и диспуты, печатные и рукописные памфлеты и пасквили и въ концѣ концовъ протекція могущественныхъ пановъ, распоряженія правительства, все пускалось въ дѣло, все должно было служить одной цѣли. Что конечной цѣлью этой дѣятельности было не столько обращеніе православныхъ въ унію, сколько полное окатоличеніе и ополяченіе южноруссовъ, на это мы имѣемъ множество доказательствъ на протяженіи 200 лѣтъ, начиная съ жалобы Велямина Рут-

---

[1]) Ed. Likowski, Geschichte des allmaeligen Verfalls der unirten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert. Posen. 1885. Bd. I, 1.

скаго, уніатскаго митрополита, котораго папа Урбанъ VIII называлъ „Atlas unionis“ и который въ 1624 году писалъ римской конгрегаціи propagandae fidei, между прочимъ, слѣдующее: „Потерявъ дворянство вслѣдствіе его перехода въ латинство, лишенные всѣхъ украшеній, начали мы примѣчать, что мы лишены всякой человѣческой помощи, что корни зла расширяются и растутъ изо дня въ день; какъ будто пробужденные отъ сна, мы чувствуемъ наше глубокое паденіе и, сравнивая прошлое состояніе съ теперешними обстоятельствами, чувствуемъ боль при одномъ воспоминаніи о своихъ бѣдствіяхъ и принуждены стараться, чтобъ зло и впредь не увеличивалось“ [1]).

Но даже и для такой persona gratissima, какой былъ Рутскій, и въ Римѣ, и у польскаго короля, оказалось невозможнымъ поставить преграду подпольной работѣ іезуитовъ и возрастающему подъ ихъ вліяніемъ католическому фанатизму и нетерпимости къ „диссидентамъ“ всего польскаго общества. Самое главное, на что опирались всѣ антиправославныя дѣйствія, всѣ происки столицы римской, ея легатовъ и агентовъ и въ чемъ польское общество находило обильную пищу для своего неблагожелательства по отношенію къ православію и особенно къ православному и даже уніатскому духовенству, было право патроната, самый глубокій и злой недугъ, который подтачивалъ православіе въ Польшѣ. Право это, которое въ отношеніи къ православнымъ въ Польшѣ еще въ началѣ XVI стол. превратилось въ *обязательную симонію*, было главной причиной глубокаго паденія православной церкви, вызвавшей и сдѣлавшей возможной брестскую унію,—оно представляло главный рычагъ для окончательнаго упраздненія православія и въ тѣхъ епархіяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ еще держались православія.

---

[1]) Praecipuis amissis per transitum ad latinos, exspoliati omnibus ornamentis coepimus advertere, omni humano auxilio nos destitui, radices malorum pullulare, incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti sentimus, unde excidimus et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur, et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat“. *M. Malinowski*, Kirchen-und Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg, 1861, стр. 33.

Какъ безцеремонно эксплоатировалось это право во вредъ православію въ XVII вѣкѣ, это, какъ нельзя лучше, показываетъ исторія избранія православнымъ епископомъ львовскимъ Іосифа Шумлянскаго въ 1667 году. Это одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ въ исторіи южно-русской церкви подъ польскимъ владычествомъ; онъ былъ разсказанъ въ 1888 году обстоятельно молодымъ польскимъ ученымъ Жигмонтомъ Лисевичемъ [1]). Считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ почтеннаго труда г. Лисевича.

Въ началѣ 1667 года умеръ епископъ львовскій Аѳанасій Желиборскій. Еще при его жизни выдвинули латиняне и уніаты кандидатомъ на его мѣсто Яна Шумлянскаго, товарища панцырной роты королевской. Молодой, свѣтскій „паничъ", онъ успѣлъ уже неоднократно отличиться на военномъ поприщѣ: сражался въ битвѣ при Чудновѣ, ходилъ съ королемъ Яномъ Казиміромъ въ разрушительный походъ на лѣвобережную Украину и вообще имѣлъ всѣ качества пригодныя болѣе хорунжему или поручику, но никакъ не святителю православному. Въ это время онъ даже не былъ православнымъ. Происходя изъ православной, русской и довольно зажиточной шляхетской семьи, онъ еще въ юности перешелъ въ унію [2]). Но то, что въ нормальныхъ обстоятельствахъ было бы для него непреодолимою преградой, при польскихъ порядкахъ было самой лучшей рекомендаціей, и заставило большинство ополяченной червоннорусской шляхты, а также латинское духовенство и многихъ польскихъ сановниковъ съ гетманомъ коороннымъ Яномъ Собѣсскимъ во главѣ оказывать Шумлянскому протекцію. Являлась надежда повторить ту же самую исторію, которая продѣлана была съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, и съ помощью этого кандидата нанести рѣшительный ударъ православію въ его послѣдней, до сихъ поръ непобѣдимой крѣпости. И вотъ, очевидно по указаніямъ свыше, Янъ Шумлянскій отрекается отъ уніи,

---

[1]) Dr. Żygmunt Lisiewicz, Walka o biskupstwo, episod z dziejów kościoła wschodniego. Lwów, 1888.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., подъ годами 1667 стр. 150, 1669 ст. 155 и т. д.

дѣлается вновь православнымъ и разъѣзжаетъ по странѣ, собирая себѣ приверженцевъ на случай смерти Желиборскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ Собѣсскій дѣйствовалъ въ пользу Шумлянскаго при королевскомъ дворѣ, такъ что въ моментъ смерти Желиборскаго Шумлянскій могъ разсчитывать на сильную протекцію, которой, повидимому, ничто не могло противустоять.

Нечего и говорить, что православные, узнавъ о кандидатурѣ Шумлянскаго, уніата, еретика и апостата, пришли въ ужасъ. Братство ставропигійское, самое могущественное и вліятельное, и слышать не хотѣло о немъ. У братства былъ, кромѣ того, свой кандидатъ, тоже шляхтичъ, хотя и не столь зажиточный, какъ Шумлянскій, человѣкъ, впрочемъ, ничѣмъ не выдающійся, „homo ineptus", какъ говорили о немъ, Свистельницкій. Сторону послѣдняго принялъ и Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій, назначенный временнымъ администраторомъ львовской епархіи. Когда въ концѣ января 1667 г. приверженцы Шумлянскаго собрались въ церкви св. Юрія во Львовѣ, чтобъ избрать его въ епископы, Винницкій воспротивился его избранію и распустилъ собраніе. Но приверженцы Шумлянскаго этимъ не устрашились; они вышли изъ церкви, пошли въ частный домъ и тамъ совершили актъ избранія и составили протоколъ, съ которымъ Шумлянскій немедленно отправился къ королю. Само собою разумѣется, что въ Варшавѣ не встрѣтилъ онъ никакихъ препятствій, и уже 27 февраля имѣлъ въ рукахъ королевскую привилегію, назначавшую его епископомъ львовскимъ: „Имѣя in consideratione заслуги шляхетнаго Яна Шумлянскаго, какія онъ оказывалъ намъ доброхотно въ военныхъ оказіяхъ, служа подъ панцырной хоругвью, именно при Чудновѣ, гдѣ принялъ много поврежденій на тѣлѣ, и еще болѣе въ заднѣпровской Украинѣ, и желая, чтобъ онѣ не остались безъ достойной ремунераціи и нашей королевской милости, мы рѣшились, согласно съ единодушной элекціей людей духовныхъ и мірскихъ, гражданъ воеводства русскаго, дать и конферовать ему владычество львовское, галицкое и Каменца Подольскаго". Эти слова привилегіи, говоритъ польскій исто-

рикъ [1]),—открываютъ намъ всю глубину паденія восточной церкви въ Польшѣ въ то время. Король назначаетъ епископомъ человѣка мірского, и для оправданія не можетъ привести ничего лучшаго, какъ только то, что кандидатъ умѣлъ хорошо драться съ врагомъ".

Но далеко не такъ легко было Шумлянскому управляться въ своей епархіи, которую нужно было завоевывать систематически. И вотъ онъ, названный епископъ, при саблѣ и шпорахъ, разъѣзжаетъ по селамъ и мѣстечкамъ, вербуя приверженцевъ. Апрѣля 12 подтвердили его избраніе духовные и мірскіе люди, собравшіеся въ Гошевскомъ монастырѣ, а 12 мая тоже сдѣлали православные, собравшіеся въ Сварычевскомъ монастырѣ.

Только теперь вспомнилъ Шумлянскій, что онъ еще совсѣмъ мірской человѣкъ. Обратился онъ къ епископу Антонію Винницкому, чтобы тотъ посвятилъ его въ духовное званіе, но получилъ отказъ. Тогда съ толпой своихъ приверженцевъ онъ напалъ на монастырь въ Креховѣ, требуя отъ игумена постриженія въ монахи. Но и сюда Винницкій прислалъ письмо, запрещая игумену слушаться этого еретика и измѣнника. Игуменъ Винницкаго не послушался, постригъ Шумлянскаго и назвалъ его Іосифомъ [2]), послѣ чего луцкій епископъ Гедеонъ Четвертинскій посвятилъ его въ діаконы и въ іереи. Но отсюда до посвященія въ епископы было еще далеко. Митрополитъ Винницкій ни за что не соглашался рукополагать его. Шумлянскій отправился въ Яссы, чтобы тамъ добиться своего. Но приверженцы Свистельницкаго, узнавъ объ этомъ, послали въ Яссы письма, въ которыхъ Шумлянскій представленъ былъ отступникомъ отъ православія и чуть ли не польскимъ шпіономъ. Поэтому не только молдавскіе епископы отказались рукополагать его, но даже господарь хотѣлъ его арестовать и отправить въ Константинополь. Шумлянскому не оставалось ничего, какъ уходить тайкомъ изъ Молдавіи.

Между тѣмъ во Львовѣ приверженцы Свистельницкаго собрались въ церкви св. Юрія, избрали его въ епископы и тоже

---

1) Żygm. Lisiewicz, Op. cit., стр. 4.

2) *А. С. Петрушевичъ.* Сводная лѣтопись 1600—1700 гг., стр. 150.

отправили въ Варшаву искать королевскаго утвержденія. Но избраніе это было далеко не блестящее и происходило при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ Шумлянскому, еще передъ отъѣздомъ въ Молдавію, посчастливилось перетянуть на свою сторону львовское ставропигійское братство и большинство львовскаго православнаго духовенства. И въ Варшавѣ встрѣтилъ Свистельницкій большія препятствія. Надежду его поддерживало только то обстоятельство, что благосклонный къ нему перемышльскій епископъ Антоній Винницкій съ августа 1667 года сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ. Но все-таки Свистельницкому пришлось ждать довольно долго. А между тѣмъ Шумлянскій на обратномъ пути изъ Молдавіи познакомился съ греческими изгнанниками: филиппопольскимъ митрополитомъ Софроніемъ, хіосскимъ Ѳеофаномъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Даніиломъ. Они, конечно за хорошее вознагражденіе, оказались готовыми посвятить его въ епископы, и дѣйствительно, 1 февраля 1668 года, въ деревнѣ Высочкѣ, Шумлянскій получилъ епископскую хиротонію [1]).

Теперь Шумлянскій чувствовалъ себя побѣдителемъ и съ толпою своихъ приверженцевъ отправился во Львовъ, совершая по дорогѣ разныя безчинства, грабежи и насилія надъ приверженцами Винницкаго и Свистельницкаго. Въ началѣ марта онъ былъ уже во Львовѣ и готовился овладѣть епископской каѳедрой, какъ вдругъ пришло изъ Варшавы извѣстіе, что его соперникъ Свистельницкій 5 марта получилъ королевскую номинацію на мѣсто львовскаго епископа.

Какимъ образомъ произошла эта номинація, неизвѣстно. Кажется, не обошлось тутъ безъ обмана, такъ какъ король позже утверждалъ, что привилегію эту подписалъ онъ, не прочитавши и не зная, что подписываетъ. Эта двойная номинація

---

[1]) Посвященіе это представляетъ, впрочемъ, много сомнительнаго. Въ грамотѣ Софронія, митрополита филиппопольскаго, писанной въ Высочкѣ 1 февраля 1668 года, говорится о хиротоніи Шумлянскаго, совершенной имъ однимъ. (Акты, отн. къ исторіи западной Россіи, т. V, № 7); въ грамотѣ митрополита Тукальскаго, признающей Шумлянскаго епископомъ, говорится, что онъ посвященъ митрополитами Софроніемъ и Ѳеофаномъ (Акты, т. V, № 72); въ грамотѣ же іерусалимскаго

сдѣлала неизбѣжной упорную и скандальную борьбу между двумя обладателями одной епископіи. Борьба эта длилась цѣлыхъ 6 лѣтъ и кончилась побѣдой Шумлянскаго. Въ апрѣлѣ 1668 г., когда Свистельницкій пріѣхалъ во Львовъ и приготовлялся къ хиротоніи, приверженцы Шумлянскаго сговорились съ комендантомъ львовскаго замка, напали на монастырь св. Юрія, гдѣ находились въ то время митрополитъ Винницкій и Свистельницкій, избили и перевязали ихъ слугъ и хотѣли убить самого Винницкаго, который на копьѣ спустился черезъ окно изъ монастыря, былъ раненъ въ руку и едва успѣлъ спрятаться въ дупло дерева. Приверженцы Шумлянскаго овладѣли монастыремъ и церковью и разграбили до чиста всѣ пожитки митрополита и Свистельницкаго.

Винницкій 2 мая предалъ Шумлянскаго анаѳемѣ и рукоположилъ Свистельницкаго въ епископы въ львовской Успенской церкви. Но Шумлянскій не обращалъ на это никакого вниманія; 12 іюля 1668 года онъ успѣлъ исходатайствовать у короля кассацію назначенія Свистельницкаго. Съ этимъ документомъ въ рукахъ и съ многочисленной вооруженной свитой онъ отправился въ Галичъ, гдѣ жилъ Свистельницкій, считавшій себя единственнымъ настоящимъ епископомъ. Приверженцы Шумлянскаго захватили Свистельницкаго въ расплохъ, связали его, но Шумлянскій велѣлъ его немедленно освободить. Въ Галичѣ народъ и слышать не хотѣлъ о Шумлянскомъ, въ него бросали камнями и однажды бросились даже на него, „чтобъ Іосифа сдѣлать Іосафатомъ", т. е., чтобъ убить его, какъ злополучнаго Кунцевича. Въ концѣ концовъ Свистельницкій съ толпой своихъ родственниковъ 20 іюля напалъ на домъ Шумлянскаго въ Крылосѣ вблизи Галича. Шумлянскаго стащили съ постели, зять Свистельницкаго выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ, потомъ пустилъ въ него стрѣлой и ранилъ въ правую сторону груди. Шумлянскій упалъ въ обмо-

патріарха Досиѳея, писанной въ Яссахъ въ 1670 г., говорится, что Шумлянскій „иной Искаріотъ" рукоположенъ былъ „отъ двухъ изверженныхъ архіереевъ, иже за своя велика беззаконія изгнаны быша отъ архіерейскаго чина" (*А. С. Петрушевичъ.* Іосифъ Шумлянскій. „Галичанинъ", 1862, вып. I, стр. 119—120).

рокъ. Враги били его уже безчувственнаго, ранили его брата и многихъ слугъ, убили на смерть одного слугу, который хотѣлъ его защищать, и, ограбивъ дворецъ, увезли съ собою епископа и его брата, связанныхъ, почти голыхъ. Кажется, что тутъ бы пришлось Шумлянскому и голову сложить, когда бъ одинъ изъ слугъ Свистельницкаго не разрѣзалъ веревки и не выпустилъ плѣнниковъ, которые успѣли спрятаться въ тростникахъ болота.

Шумлянскій не простилъ своему врагу этого насилія. Въ началѣ августа, когда Свистельницкій пришелъ въ церковь и началъ въ епископскомъ облаченіи отправлять богослуженіе, Шумлянскій съ толпой своихъ приверженцевъ ворвался въ церковь, велѣлъ отвести Свистельницкаго отъ алтаря, обругалъ его крайне грубыми словами и, въ виду собравшагося народа, вытолкалъ изъ церкви вонъ. Церковь велѣлъ запереть, запечаталъ и наложилъ на нее интердиктъ. Свистельницкій жаловался въ судъ, но это ни къ чему не повело, и вотъ онъ разослалъ посланіе къ духовенству, представляя Шумлянскаго, какъ еретика, богохульника и жестокаго человѣка. Посланіе это попалось въ руки Шумлянскому, и онъ обжаловалъ Свистельницкаго передъ каптуровымъ судомъ (существовавшимъ во время безкоролевья по случаю отреченія отъ престола Яна Казиміра), какъ бунтовщика, возбуждающаго духовенство противъ законной власти. Свистельницкій на судъ не явился и былъ осужденъ. Конечно, это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ Свистельницкій путемъ протестацій и новыхъ жалобъ умѣлъ затянуть дѣло до безконечности.

Шумлянскій, между тѣмъ, объѣзжалъ свою епархію, повсюду посвящалъ новыхъ пресвитеровъ, которые дѣлались его приверженцами, и такимъ образомъ подготовлялъ для себя почву не только въ воеводствѣ русскомъ, но и въ Подоліи. Но вотъ королемъ польскимъ избранъ былъ безсильный и слабоумный Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій, и началась новая неурядица. Прежде всего Шумлянскій, съ помощью своего личнаго друга, Яна Собѣсскаго, получилъ подтвержденіе своей привилегіи на львовское епископство отъ 3 октября 1669 г. Кромѣ того, онъ получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ патріарха

александрійскаго. Такъ какъ въ это время проѣзжалъ черезъ Молдавію патріархъ іерусалимскій, то Свистельницкій хотѣлъ при помощи драгоцѣнныхъ подарковъ, добиться отъ него признанія единственнымъ легальнымъ епископомъ, но Шумлянскій перехватилъ его слугъ и подарки. Но вотъ Свистельницкій 20 сентября 1670 г. съумѣлъ получить изъ королевской канцеляріи новую королевскую привилегію, которая утверждала его на епископскомъ престолѣ. Осуществленія этой привилегіи Свистельницкій, конечно, не могъ добиться, такъ какъ духовенство стояло на сторонѣ Шумлянскаго, а король письмомъ отъ 4 ноября 1671 г. призналъ за Шумлянскимъ достоинство епископа, и привилегіей отъ 30 октября 1672 года призналъ его единственнымъ легальнымъ епископомъ львовскимъ. Въ отвѣтъ на это Свистельницкій въ половинѣ марта 1673 года добылъ себѣ новую королевскую привилегію, устраняющую Шумлянскаго отъ епископіи, послѣ чего Шумлянскій въ половинѣ апрѣля добылъ привилегію для себя, а Свистельницкій 19 мая опять привилегію для себя. Эта постыдная комедія съ королевскими привилегіями, упраздняющими то одного, то другаго епископа львовскаго, вѣроятно, продолжалась бы до безконечности, еслибы король Михаилъ не умеръ скоропостижно.

Только избраніе Яна Собѣсскаго въ короли положило конецъ этой тяжбѣ. Собѣсскій былъ личный другъ Шумлянскаго; только теперь полная побѣда послѣдняго была прочной и несомнѣнной. Универсаломъ отъ 4 іюля 1673 года новый король утвердилъ Шумлянскаго въ санѣ и правахъ львовскаго епископа, и Свистельницкій теперь даже не помышлялъ о дальнѣйшей борьбѣ. Онъ умеръ въ Галичѣ 1676 года, совершенно забытый.

Еще одного не доставало Шумлянскому для полной побѣды — признанія его со стороны митрополита кіевскаго. Но и этого онъ вскорѣ добился. Привилегіей отъ 10 марта 1675 года король назначилъ его администраторомъ кіевской епархіи, „чтобы вмѣсто больнаго и престарѣлаго отца митрополита управлялъ кіевской епархіей такъ долго, покуда будетъ живъ этотъ о. митрополитъ“. Винницкій понялъ, что Шумлян-

скій, до сихъ поръ не признанный имъ, теперь сила, съ которой задираться опасно. Онъ помирился съ нимъ и призналъ его легальнымъ епископомъ львовскимъ, галицкимъ и каменецкимъ.

Шумлянскій вполнѣ оправдалъ надежды, какія возлагали на него латинники и уніаты. Какъ только онъ почувствовалъ, что позиція его вполнѣ обезпечена, сейчасъ, 7 марта 1677 г., написалъ папѣ Иннокентію XI письмо, въ которомъ отрекается отъ православія и объявляетъ готовность принять унію подъ условіемъ, чтобъ это его заявленіе до поры до времени оставалось тайной, чтобъ уніатскіе епископы были допущены въ сенатъ, чтобъ церковныя братства подчинены были епископской юрисдикціи и проч.[1]). Въ тотъ самый день онъ произнесъ уніатское исповѣданіе вѣры въ Варшавѣ въ присутствіи короля и уніатскаго митрополита Кипріана Жоховскаго.

Но папа, хотя и очень обрадовался обращенію львовскаго православнаго епископа, все таки 11 сентября написалъ ему, что не позволитъ того, „ut sit occultus unitus", и что ежели хочетъ онъ отречься отъ православія, пусть сдѣлаетъ это сейчасъ и совсѣмъ гласно. Шумлянскій не согласился на это предложеніе: онъ зналъ, что его время еще не пришло и рѣшился подождать, оставаясь „occultus unitus" еще цѣлыхъ 12 лѣтъ. Впрочемъ, онъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу уніи, и, вѣроятно, его вліянію должно приписать то, что 26 марта 1681 г., епископъ перемышльскій Иннокентій Винницкій также заявилъ въ Варшавѣ негласно, въ присутствіи кіевскаго уніатскаго епископа Станислава Витвицкаго, гетмана литовскаго Станислава Яблоновскаго и еще трехъ сановниковъ, что отрекается отъ православія и готовъ принять унію [2]). И дѣйствительно, онъ началъ въ своей епархіи оживленную агитацію въ пользу уніи посредствомъ увѣщаній на помѣстныхъ соборахъ, и спустя 10 лѣтъ, 1692 г. онъ могъ уже дерзнуть открыто перейти въ унію съ цѣлымъ своимъ капитуломъ. За нимъ послѣдовали мно-

[1]) А. С. Петрушевичъ. Op. cit., стр. 185.
[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Op. cit. 199.

гіе шляхетскіе роды, а въ 1694 г. также игумены монастырей Лавровскаго, Добромильскаго, Лишнянскаго, Дерижицкаго, Щеплотскаго, Черниловскаго, Углицкаго и др. [1]), такъ что уже 16 марта 1694 г. Винницкій могъ писать папскому нунцію кардиналу Барберини, что болѣе чѣмъ 800 церквей, 3,000 шляхты и нѣсколько сотъ тысячъ душъ его епархіи присоединилось уже къ уніи [2]).

Этотъ крупный фактъ не могъ не остаться безъ вліянія и на львовскую епархію. Шумлянскій работалъ усердно, чтобы обезпечить себѣ возможность безпрепятственной измѣны православію. Для этой цѣли ему казалось необходимымъ расторгнуть и ту небольшую зависимость, которая до сихъ поръ соединяла его съ кіевской митрополіей. Онъ пожелалъ самъ сдѣлаться митрополитомъ, и въ 1689 г. выслалъ своего довѣреннаго, игумена Плесниско-Подгорецкаго монастыря Парфенія Ломиковскаго, въ Москву къ патріарху Іоакиму съ просьбой возобновить древнюю галицкую митрополію и сдѣлать его митрополитомъ, зависимымъ только отъ патріарха, но не отъ митрополита кіевскаго. Онъ хорошо зналъ, что при увеличивающемся соперничествѣ Польши съ Москвой зависимость это будетъ равняться нулю точно такъ же, какъ зависимость русской православной церкви отъ патріарховъ греческихъ была фактически уничтожена конституціей короля Іоанна III, запрещавшей подданнымъ польскаго государства всякія религіозныя сношенія съ Царьградомъ и другими восточными престолами [3]). Но патріархъ московскій, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло и отослалъ Ломиковскаго ни съ чѣмъ.

Эта неудача не озадачила Шумлянскаго, тѣмъ болѣе, что и король Іоаннъ III не переставалъ побуждать его, чтобъ онъ скорѣе дѣлалъ то, что обѣщалъ. Въ 1694 году Шумлянскій рѣшился, наконецъ, созвать синодъ духовныхъ и мірскихъ лю-

---

[1]) *Петрушевичъ*. Op. cit., 241.

[2]) Тамъ же, 674 и Likowski, Op. cit., I, 2.

[3]) Науковый Сборникъ Гал. русск. Матицы, 1868, стр. 82—85, гдѣ напечатанъ отвѣтъ патріарха Іоакима Шумлянскому. О посольствѣ Ломиковскаго въ Москву, см. тамъ же стр. 85—87, его-же Сводную лѣтоп. 1600—1700, стр. 222—

дей своей епархіи для совѣщаній по дѣламъ уніи. На этотъ синодъ король прислалъ своего посланника, Христофора Скарбка, который долженъ былъ представить собраннымъ соображенія о пользѣ перехода въ унію. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ съ его стороны было то, что „народъ русскій, несмотря на то, что отличается своей вѣрностью, дѣльностью и храбростью, изъ за своей религіи не можетъ быть допущенъ въ городахъ и мѣстечкахъ къ высшимъ должностямъ. Поэтому король, по своей врожденной добротѣ, желая сравнять его cum similibus sibi, заявляетъ, что, принявъ унію, русскіе на основаніи общихъ правъ будутъ имѣть свободный доступъ ко всѣмъ почестямъ и повышеніямъ“ [1]).

Изъ православныхъ явился рьянымъ защитникомъ уніи одинъ только Шумлянскій, а когда большинство собранныхъ объявило свое несогласіе на унію, онъ сказалъ рѣшительно, что „я самъ пойду этимъ путемъ, который указываетъ мнѣ король. Кто хочетъ идти за мной пусть идетъ, а кто не хочетъ— его воля“ [2]). Но хотя одна часть бѣлаго духовенства изъявила свою готовность идти съ Шумлянскимъ, онъ все таки и на этотъ разъ угрозы своей не исполнилъ и рѣшился еще ждать.

Но вотъ въ 1696 году умеръ Янъ Собѣсскій, тотъ король, который при своемъ вступленіи на престолъ польскій писалъ папѣ Иннокентію IX: „Ежели когда нибудь буду въ состояніи соединить многія русскія церкви моего государства съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ Римомъ), то это дѣло буду считать самымъ значительнымъ изъ всего сдѣланнаго мною во славу Христа“ [3]). Шумлянскій, лишенный своего могущественнаго покровителя, струсилъ. Православные считали его уже открытымъ уніатомъ; большинство чернаго духовенства въ его епархіи и братство ставропигійское были противъ уніи; будущій король

---

223 и изданную мною „Лѣтопись Подгорецкаго монастыря“ „Кіевская Старина“, 1690 г., іюль, стр. 127. О запрещеніи православнымъ сношеній съ Царьградомъ, см. Likowski Op. cit. t. II., Annexe, стр. 288.

[1]) Likowski, Op. cit., t. II, Annexa, стр. 286.

[2]) Тамъ же, 289.

[3]) *Theiner*, Monumenta Poloniae historica, т. III, стр. 696.

польскій могъ оказаться приверженцемъ религіозной терпимости. И вотъ Шумлянскій спѣшитъ оправдать себя въ глазахъ православныхъ. Вскорѣ послѣ смерти Собѣсскаго онъ отправляетъ письма кіевскому митрополиту и бѣлгородскому воеводѣ, боярину Борису Петровичу Шереметеву, заявляя въ нихъ, что „умеръ король, умерла и унія; я якомъ былъ неотмѣнно православнымъ церкви святой сыномъ, такъ естемъ, и неотмѣнно въ православіи святомъ зоставатиму“. Что было, то дѣлалось подъ давленіемъ покойнаго короля, который „опуталъ“ будто бы Шумлянскаго и былъ „такъ тяжелъ“ для православныхъ, что „нельзя было и головы поднять“ [1]).

Но тревога была непродолжительна. На польскій престолъ взошелъ саксонскій курфюрстъ Августъ II, который совсѣмъ не думалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и реформировать ихъ. Онъ предоставилъ все естественному теченію; вліяніе католическаго духовенства во время его правленія скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло. Унія и латинизація южноруссовъ дѣлали быстрые шаги впередъ. Въ 1698 году приняло унію ставропигійское православное братство въ Замостьѣ [2]). Это придало храбрости и Шумлянскому, и потому 14 апрѣля 1700 г., въ недѣлю Мироносицъ, онъ созвалъ второй мѣстный синодъ своей епархіи во Львовъ въ церковь св. Юрія. Подробности совѣщаній этого синода намъ не извѣстны. Извѣстно только его рѣшеніе, чтобы Шумлянскій самъ ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ то время происходили совѣщанія сената, и чтобъ тамъ именемъ духовенства принялъ унію и объявилъ это универсалами всему духовенству. Изъ кого состояло большинство собранныхъ, принявшихъ такое рѣшеніе, мы не знаемъ; должно быть, Шумлянскому удалось перетянуть на свою сторону игуменовъ всѣхъ болѣе важныхъ монастырей за изъятіемъ Скитскаго. Изъ мірскихъ людей рѣшенію этому воспротивилось братство ставропигійское львовское, но Шумлянскій, очевидно, чуялъ за собой

---

[1]) *Самоила Величка* Лѣтопись, Кіевъ 1855, т. III, стр. 389, 393; *Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1700, стр. 253—255.

[2]) *Петрушевичъ*, Op. cit. 258

силу, когда рѣшился пренебречь этимъ сопротивленіемъ. Не теряя времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ, по словамъ современной записки, „sub auspiciis короля Августа II, счастливо привелъ къ концу это дѣло съ помощью Яблоновскаго. Въ сенатѣ о. Шумлянскій получилъ изданный уже дипломъ, гарантирующій духовныя вольности и исповѣданіе вѣры по греческому обряду, и, увѣрившись въ дальнѣйшей благосклонности короля и сената, въ присутствіи того жъ короля, всего сената и собранныхъ въ большомъ количествѣ сановниковъ коронныхъ и литовскихъ и шляхты произнесъ исповѣданіе вѣры 16 мая 1700 г. въ костелѣ оо. капуциновъ, послѣ же, 1 іюля того же года, возобновилъ это исповѣданіе съ своимъ клиромъ и именемъ клира во Львовѣ“ [1]).

Однакоже, во Львовѣ дѣло не пошло такъ гладко, какъ бы могло казаться, судя по словамъ этой реляціи. Напротивъ, Шумлянскій встрѣтилъ здѣсь неожиданное, упорное сопротивленіе преимущественно со стороны братства ставропигійскаго. Въ самый праздникъ свв. Петра и Павла Шумлянскій задумалъ отслужить уніатское богослуженіе въ братской церкви Успенія Богородицы. На это богослуженіе пригласилъ онъ множество высокихъ польскихъ сановниковъ, духовныхъ и мірскихъ. Но когда они собрались, то нашли дверь въ церковь наглухо запертой. Братство наотрѣзъ отказалось ее отпереть. Тогда Шумлянскій топорами приказалъ вырубить дверь, вошелъ такимъ образомъ въ церковь и отслужилъ литургію, несмотря на громкія порицанія со стороны православныхъ. Но братство не отступило, а король Августъ II подтвердилъ его привилегіи. И вотъ началась новая тяжба. Шумлянскій, по своему обыкновенію, не разбиралъ средствъ: гдѣ увѣщанія и угрозы не помогали, пускалъ въ дѣло палки и сабли. Но когда и это вѣрное средство не могло сломить упорныхъ братчиковъ, Шумлянскій письмомъ отъ 10 іюля 1704 года изъявилъ готовность подтвердить всѣ привилегіи братства, только бы оно подчинилось римскому престолу [2]). Нашествіе шведовъ въ томъ же 1704 году и со-

---

[1]) Likowski, Op. cit. т. II, Annexa, стр. 289—290.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Сводная лѣтопись 1700—1771 г. Львовъ, 1887, стр. 23.

вершенное разграбленіе ими Ставропигіи, которой потери современники оцѣнили въ 120,000 злотыхъ, надломили бодрость и неустрашимость братчиковъ. Они нуждались во всемъ, и борьба съ могущественнымъ епископомъ была имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что тотъ еще прежде значительно подорвалъ главный источникъ ихъ силы, основавъ у себя въ Свято-Юрьевскомъ монастырѣ типографію. Типографія ставропигійская была самымъ значительнымъ источникомъ доходовъ братства. Оно имѣло на нее королевскія привилегіи и ревниво оберегало свою монополію печатанія книгъ для церковнаго употребленія [1]). Но съ Шумлянскимъ ничего не могло оно подѣлать, тѣмъ болѣе теперь, послѣ перехода въ унію всей львовской епархіи. Книги ставропигійскаго изданія, значитъ православныя, преслѣдовались и истреблялись церковной властью, и намъ кажется, что это было главной причиной, склонившей братство къ переходу въ унію. И дѣйствительно, „сообразивъ непріязненныя отношенія епископа І. Шумлянскаго къ львовской ставропигіи и также запрещеніе подъ страхомъ смертной казни всякихъ сношеній съ царьградскимъ патріархомъ... при совершенномъ ополяченіи русскаго дворянства“, какъ пишется въ ставропигійской лѣтописи, братство въ началѣ 1708 года приняло унію съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно подчинено было не львовскому епископу, но непосредственно куріи римской [2]). Это была послѣдняя и самая крупная побѣда Шумлянскаго.

Послѣ перехода львовской ставропигіи въ унію православіе совершенно пало въ его епархіи. Въ православіи остался только единственный Скитскій монастырь въ Карпатскихъ горахъ, который непоколебимо былъ вѣренъ православію даже до австрійскихъ временъ. Послѣ одержанія этой побѣды Шумлянскій умеръ 16 іюля 1708 г. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ записалъ щедрыя дотаціи Свято-Юрьевской каѳедральной церкви и митрополичьему престолу. Страхъ смерти и глубокое раскаяніе—вотъ

---

[1]) *Władysław Łoziński*, Lwów starożytny, t. II. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów 1890 г., стр. 256—260.

[2]) *А. С Петрушевичъ*, Сводная лѣтопись 1700—1771 г. стр. 40.

основныя ноты этого интереснаго документа, составленнаго на польскомъ языкѣ, которымъ Шумлянскій, очевидно, пользовался всегда въ обычной жизни [1]).

II.

Анализируя разсказанные нами факты,—а они далеко не исчерпаны,—мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое, хотя далеко не лестное, понятіе о характерѣ послѣдняго православнаго епископа львовскаго. Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемѣрія—вотъ самыя выдающіяся черты его характера. Военный по внутреннему влеченію, онъ 24 лѣтъ отъ роду иронiей судьбы поставленъ былъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ православной іерархіи, поставленъ среди обстоятельствъ, которыя заставляли его продолжать военное ремесло и подъ епископской митрой. И онъ продолжаетъ его съ безалаберностью кондотьера, издѣвается надъ побѣжденными противниками и обогащаетъ на ихъ счетъ своихъ приверженцевъ. Вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ Іоанномъ Собѣсскимъ онъ участвуетъ въ битвѣ съ турками подъ Журавномъ 1676 г., гдѣ направленная въ него пуля убила стоявшаго сзади пѣвца, и подъ Вѣной 1683 г., гдѣ былъ раненъ въ лѣвое плечо [2]). Его переходы изъ православія въ унію, изъ уніи въ православіе, и опять обратно, показываютъ, что религіозные вопросы были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемѣрія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Ни благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, ни вѣрности

---

[1]) Науковый сборникъ гал. р. Матицы, 1868 г., стр. 87—104.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 181, 204.

своему государю у него какъ бы не существовало. Не успѣлъ Іоаннъ III закрыть глаза, какъ онъ первый бросаетъ камнемъ въ его память. Какъ видимъ, полнѣйшій типъ человѣка второй половины XVII в., той грубой эпохи непрестанныхъ жестокихъ войнъ и глубокаго упадка того, что называлось польской культурой, и что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно представляло значительную культурную силу.

Но характеристика наша была бы неполна и несправедлива, еслибы мы ограничились этими фактами и не приняли во вниманіе цѣлаго ряда обстоятельствъ и фактовъ, значительно смягчающихъ эту характеристику. Прежде всего нужно обратить вниманіе на труды Шумлянскаго по упроченію матеріальнаго благосостоянія львовскихъ епископовъ. Имѣніе епископское Перегиньско отдано было его предшественникомъ во владѣніе панамъ Малаховскимъ, которые начали считать его своимъ. Шумлянскій отнялъ его у гетмана Малаховскаго въ 1689 г.[1]), и ввелъ тамъ собственную администрацію. Онъ украсилъ каѳедральныя церкви львовскую св. Юра и крылосскую и завѣщалъ имъ богатую церковную утварь; имѣлъ попеченіе о монастыряхъ и даже о бѣломъ духовенствѣ. По его просьбѣ король Михаилъ издалъ привилегію, въ которой духовенство православное поставлено было на равнѣ съ латинскимъ, освобождено отъ юрисдикціи мірскихъ людей и подчинено исключительно власти своего епископа. Въ той же привилегіи рѣшенъ вопросъ о т. наз. *куничномъ*, которое православные священники до сихъ поръ обязывались платить панамъ, а съ тѣхъ поръ должны были въ суммѣ 6 зол. польс. платить епископу[2]). Все это должно было содѣйствовать укрѣпленію русской іерархіи—все равно православной или уніатской. Нельзя забывать, что между условіями, на какихъ Шумлянскій приступилъ къ уніи, были и такія: 4) духовенство должно подлежать юрисдикціи и визитаціи епископа, 11) мѣщане въ городахъ должны, по примѣру Литвы, имѣть дома in circulo civitatis (вопреки польскому обычаю, вы-

---

[1]) *А. С. Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 221, 226, 227.

[2]) *Ž. Lisiewicz*, Op. cit. 29—30.

тѣснявшему русскихъ православныхъ мѣщанъ изъ рынка въ предмѣстья), 16) въ коронныхъ владѣніяхъ священниковъ долженъ назначать епископъ (ограниченіе права патроната); для нихъ должны быть основаны семинаріи, а мірскіе люди, окончившіе школы, должны быть допускаемы къ студіямъ философскимъ и богословскимъ; 18) король долженъ напомнить папѣ, чтобы тотъ запретилъ переходить изъ одного обряда въ другой (т. е. изъ православія или уніи въ латинство); чтобъ епископы латинскіе не вмѣшивались въ дѣла уніатовъ и не давали защиты отлученнымъ отъ церкви" [1]). Конечно, другіе пункты условій обезпечивали значительныя выгоды для самого Шумлянскаго лично и для русской іерархіи вообще, такъ что договоръ его съ польскимъ правительствомъ на счетъ уніи нельзя назвать свободнымъ отъ эгоистическихъ побужденій. Но все таки нужно признать, что условія поставлены были умно и продиктованы довольно широкимъ, практическимъ взглядомъ на вещи. Самымъ большимъ ихъ недостаткомъ было то, что они не были исполнены; польское правительство было для этого слишкомъ безсильно, а польское общество слишкомъ низко пало, было слишкомъ близоруко, чтобъ сообразить собственную пользу и принять во вниманіе такія настоятельныя потребности русской церкви, какъ духовныя семинаріи и т. д. Конечно, это не уменьшаетъ вины Шумлянскаго, который, зная все это, долженъ бы былъ на собственныя средства помочь бѣдѣ, вмѣсто того чтобъ покупать золотые кресты съ дорогими каменьями и то множество драгоцѣнной утвари, о которой подробно говоритъ его духовная. Но когда мы сообразимъ, что Шумлянскій не былъ Петромъ Могилой, и что онъ былъ едва ли не первымъ православнымъ архіереемъ, который ясно и опредѣленно поставилъ польскому правительству на видъ его обязанности относительно православнаго духовенства, особенно низшаго, то мы все таки должны будемъ признать за нимъ нѣкоторую заслугу.

Самыя интересныя и даже симпатичныя черты характера и дѣятельности Шумлянскаго мы открываемъ въ тѣхъ письмен-

---

[1]) *А. С. Петрушевичъ*, Свод. лѣтоп. 1600—1700 г., стр. 199—300.

ныхъ произведеніяхъ, какія остались послѣ него. Произведеній этихъ, несомнѣнно принадлежащихъ Шумлянскому, мы имѣемъ два: упомянутое выше его духовное завѣщаніе, продиктованное имъ 12 ноября 1707 года секретарю Александру Корендовичу, и изданная имъ въ 1686 году „Метрика", о которой рѣчь впереди. Правда, въ текстѣ „Метрики" Шумлянскій неоднократно упоминаетъ еще объ одномъ своемъ сочиненіи, изданномъ имъ въ типографіи Уневскаго монастыря въ 1680 г., подъ заглавіемъ „Зерцало" или „Зверцадло", въ которомъ, по его словамъ, „описалася наука о седми сакраментахъ святыхъ, о десятеромъ бозскомъ приказаню и о артикулахъ вѣры св. православно-каѳолической". Сочиненіе это, неизвѣстно даже на польскомъ или на русскомъ языкѣ составленное, кажется, не дошло до насъ, по крайней мѣрѣ библіографы о немъ ничего не упоминаютъ [1]).

Духовное завѣщаніе Шумлянскаго, какъ юридическій документъ, конечно, литературной цѣнности не имѣетъ, но оно чрезвычайно важно для характеристики личности львовскаго епископа въ послѣднюю эпоху его жизни. Оно составлено на языкѣ польскомъ, по тогдашнему обычаю щедро пересыпанномъ латинскими фразами. Подлинникъ его на пяти листахъ хранится въ архивѣ львовскаго митрополичьяго капитула при церкви св. Юрія; текстъ изданъ А. С. Петрушевичемъ въ „Науковомъ сборникѣ Гал. русской Матицы" 1868 г., стр. 87—104. Изъ него мы узнаемъ, что Шумлянскій родился въ 1643 году и вступилъ на епископскій престолъ 24 лѣтъ отъ роду.

Въ началѣ своей духовной Шумлянскій разсуждаетъ о скоромъ увяданіи всего земного, упоминаетъ о своей первой духовной, составленной и закрѣпленной въ актахъ гродскихъ въ 1704 году; эту духовную онъ уничтожаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ Богу, который, его „недостойнаго возвысилъ на это церковное достоинство, въ жизни столько разъ щедро надѣлялъ его благодѣяніями и милостями, всю жизнь охранялъ его въ

[1]) Извѣстны только два уневскія изданія „Зерцала Богословіи" Кирилла Транквиліона Ставровецкаго 1692 и 1696 годовъ. (Максимовичъ. Сочиненія т. III, стр. 686—7). Можетъ быть, то же сочиненіе издано было и въ 1680 г., издержками Шумлянскаго, что и дало ему поводъ упомянуть о книгѣ, какъ о своемъ изданіи.

стольких опасностях и случайностях, и никогда не попустилъ врагамъ его торжествовать надъ нимъ", онъ заявляетъ, что „живетъ и умереть хочетъ въ той вѣрѣ, которая имѣетъ въ себѣ всеобщее согласіе, любовь и единство христіанское древнее св. отцовъ, церкви Восточной и Западной". Онъ кается въ своихъ грѣхахъ, хотя, конечно, въ самихъ общихъ выраженіяхъ, и горячо проситъ Бога, „чтобы при послѣднемъ исходѣ души изъ тѣла, когда уже силы, умъ и всѣ чувства будутъ слабѣть и прекращаться, когда ужасный моментъ приближающейся смерти отниметъ чувства и рѣчь", Онъ бы „не попустилъ ядовитому врагу душъ нашихъ, который особенно въ тотъ моментъ набрасываетъ свои проклятыя сѣти, вредить ему". Онъ проситъ похоронить его въ епископской церкви св. Юрія „absque omni pompa, но при возможно большемъ участіи духовныхъ монаховъ, бѣдныхъ и увѣчныхъ".

Всю богатую церковную утварь онъ отказываетъ епископской церкви св. Юрія, замѣчая притомъ, что, вступая на престолъ, не обрѣлъ при этой церкви ничего подобнаго, но нашелъ церковь и епископію „multis calamitatibus temporum разоренною". Кромѣ того, онъ завѣщаетъ 6000 зол. святоюрьевскимъ монахамъ „ad victum et amictum" (на пропитаніе и одѣяніе), 10000 зол. на епископскую церковь въ Крылосѣ близъ Галича, 600 зол. на окончательное обновленіе древней церкви св. Иліи въ Крылосѣ, „qua nihil vetustius videtur" и которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, есть памятникъ древне русскаго зодчества еще княжеской эпохи, 3000 зол. монастырю въ Гошевѣ (близъ Стрыя), 1000 зол. *православному* монастырю Скитскому въ воспоминаніе его матери, которой бренные останки погребены въ томъ монастырѣ, 1000 зол. монастырю Креховскому, которому онъ уже прежде достойно заплатилъ за оказанную ему въ 1679 году услугу. На свои похороны онъ завѣщалъ 2000 зол., да кромѣ того 1000 зол. для бѣдныхъ, 1000 для монаховъ святоюрскихъ, 800 зол. архидіакону Пареенію Ломиковскому, 400 зол. о. Паковскому, который много лѣтъ служилъ ему очень усердно и полезно, 300 зол. о. Жуковскому, 100 зол. о. Никодиму. „Малое то возмездіе за ихъ услуги—добавляетъ

Шумлянскій,—но пусть и это примутъ какъ знакъ моей благодарности".

Интересно въ высшей степени отношеніе Шумлянскаго къ прислугѣ и крестьянамъ. „Прислугу разсчитайте, говоритъ онъ исполнителямъ своей духовной,—а ежели который взялъ ливрею, которой еще не заслужилъ, таковому ее оставить. Тоже самое должно относиться и до моихъ „покоевыхъ", которымъ отдаю въ даръ лошадей, на которыхъ мнѣ служатъ". Упоминая о епископскомъ имѣніи Перегинскѣ, которое онъ „съ большимъ трудомъ и затратами отобралъ" изъ рукъ мірскихъ людей, онъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ „чтобъ имѣли неусыпное попеченіе о подданныхъ, удержали ихъ при данныхъ имъ правахъ и ни въ чемъ ихъ не обижали. Въ случаѣ же какого нибудь притѣсненія per succeda neós meos тѣмъ-же подданнымъ или нарушенія правъ мною утвержденныхъ, оставляю имъ свободу жаловаться ubi de jure venerit, даже на епископа, причемъ духовная власть должна принять ихъ сторону". Изъ одного пункта этой духовной мы узнаемъ, что когда панцырная хоругвь брацлавскаго воеводы Конецпольскаго какъ то наѣхала на Перегинскъ и ограбила тамошнихъ крестьянъ, Шумлянскій началъ искъ противъ Конецпольскаго, велѣлъ оцѣнить убытки, понесенные крестьянами, которые составили громадную въ то время сумму 20,000 зол., и выигралъ дѣло въ судѣ гетманскомъ, на который онъ явился самолично и подтвердилъ присягой эту претензію. Мы не знаемъ, когда это было, но за то узнаемъ, что, несмотря на рѣшеніе суда, во время составленія духовной деньги не были еще получены Шумлянскимъ. „Такъ какъ ограбленные крестьяне, говоритъ Шумлянскій,—этой несносной аггравацією изведены были ни во что и не имѣли даже средствъ пропитанія, потому я долженъ былъ для ихъ поддержанія расходоваться proprio aere и издержать собственныя деньги на ихъ содержаніе, не дожидаясь выигранной въ судѣ суммы". Кажется, что Шумлянскій не много имѣлъ надежды получить эту сумму, и потому онъ завѣщалъ ее на галицкую каѳедральную церковь.

Изъ другаго пункта духовной мы узнаемъ, что Шумлянскій за сумму 2000 зол. выкупилъ изъ львовской замковой тюрьмы нѣкоего Стефана Перевозника Надѣйчицкаго, подданнаго пани Выговской, вмѣстѣ съ его женой. За что они попали въ тюрьму—неизвѣстно; выкупную сумму пани Выговская въ моментъ составленія духовной еще не возвратила Шумлянскому. Въ концѣ Шумлянскій, попрощавшись съ шляхтой своей епархіи, своими родными и всѣмъ клиромъ мірскимъ и монастырскимъ, опять обращается къ Богу, „жалѣя о всѣхъ своихъ грѣхахъ, молясь, чтобъ въ послѣднюю страшную минуту, когда духи смертные будутъ въ немъ состязаться и чувства прекращаться, когда смерть снимать будетъ бренное облаченіе, Богъ помиловалъ его душу и принялъ ее до своей святой хвалы".

Какъ ни думать объ этихъ словахъ, диктованныхъ въ виду близкой смерти, въ приступахъ болѣзни, но, во всякомъ случаѣ, они обнаруживаютъ въ Шумлянскомъ живую вѣру въ загробную жизнь и непрестанный страхъ передъ переходомъ въ эту жизнь. По обычаю богатыхъ пановъ, онъ завѣщаетъ богатыя даянія на церкви и на бѣдныхъ, но все таки совѣсть его не можетъ успокоиться, и ему все мерещатся „враги души", вспоминаются обрывки пѣсни, рисующей въ грандіозныхъ словахъ и картинахъ весь ужасъ суда Божія.

Еще болѣе интереса, и притомъ болѣе широкаго, представляетъ другое сочиненіе Шумлянскаго, написанное на довольно чистомъ южнорусскомъ, или собственно томъ литературномъ малорусскомъ языкѣ, какой выработался было въ южной Руси трудами полемистовъ XVI и начала XVII в., и цѣлой плеяды писателей, стоявшихъ въ связи съ Петромъ Могилой и его коллегіей. Это и есть упомянутая уже нами „Метрика", къ разбору которой мы теперь и обратимся.

Хотя о „Метрикѣ" Шумлянскаго упоминали уже Зубрицкій, Максимовичъ, а за ними прочіе русскіе библіографы, но подробнаго описанія этой въ высшей степени интересной книги до сихъ поръ, кажется, нигдѣ не было. Такъ какъ полные экземпляры ея попадаются довольно рѣдко (напр. на археологической и библіографической выставкѣ Ставропигійскаго института 1888

года, столь богатой старопечатными изданіями, не было ни одного экземпляра этой книги), то предлагаемъ здѣсь ея точное описаніе и обзоръ ея содержанія. Экземпляръ, который имѣется у насъ подъ рукою, есть собственность учителя львовской реальной школы, г. Володиміра Шухевича; прежде онъ принадлежалъ церкви въ селѣ Кричкѣ надворнянскаго уѣзда, въ Карпатскихъ горахъ. Это книга въ старинномъ, кожанномъ переплетѣ, въ четвертую долю листа, напечатанная на толстой сѣрой бумагѣ, нѣкоторые листы имѣютъ какіе то неразборчивые водяные знаки. Ни страницы, ни листы не нумерованы, а только внизу тѣхъ страницъ (да и то не всѣхъ), на которыхъ есть текстъ печатанный, есть типографскія помѣты тетрадямъ. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая имѣетъ 13 тетрадей по 4 и 6 листовъ, всего листовъ 62; два листочка при концѣ вырѣзаны. Только первыя 19 страницъ имѣютъ текстъ печатный; на 20-й страницѣ (на оборотѣ 10-го листа) начинаются метрическія записки, которыя идутъ до конца, обнимая періодъ времени отъ 1688 до 1776 года. Типографскія помѣтки находимъ въ этой части: на 3 страницѣ Ад҃ (значитъ, передъ теперешнею первой страницей былъ еще одинъ листокъ, можетъ быть бѣлый), на стр. 7 помѣта Б, стр. 9 н҃б, стр. 15 В. Далѣе никакихъ помѣтокъ нѣтъ.

Вторая часть имѣетъ 8 тетрадей, изъ коихъ 5 первыхъ по четыре листа, а 3 послѣднія по 6; самая послѣдняя имѣла ихъ болѣе, но они вырѣзаны. Текстъ печатный обнимаетъ 9 первыхъ страницъ: на 10-й начинаются записки съ дня 18 января 1689 и кончая годомъ 1776. Типографская помѣта имѣется только одна А на 3 страницѣ. Третья часть имѣетъ 16 тетрадей въ четыре листа. Къ первой тетрадкѣ приклеенъ листъ заглавный, въ нѣкоторыхъ тетрадкахъ, гдѣ была бѣлая бумага, по нѣскольку листовъ вырѣзано. Всѣхъ листовъ 61, изъ коихъ 38 вмѣщаютъ печатный текстъ. Типографскія помѣтки имѣются въ этой части внизу стр.: 3 А, 11, Б 13 ББ, 19 В, 23 Вг, 27 F, 29 ГБ, 31 опять ГБ, 35 f, 37 ДБ, 39 Дг҃, 43 Є҃, 45 ЄБ, 47 опять ЄБ. 51 Ж, 55 Жг҃, 57 ЖБ (sić), 59 Ѕ҃, 61 ЅЪ. 63 Ѕг҃, 67 з, 69 ЗБ, 71 зг҃, 75 Н.

Печатный текстъ во всѣхъ трехъ частяхъ обведенъ черными линейками съ верху и съ одной стороны двойными какъ будто рубриками. Въ верхней рубрикѣ идетъ такъ называемая живая пагинація, въ боковыхъ дѣлаются выноски. Внизу справа есть кустодіи. Текстъ печатанъ четкимъ красивымъ шрифтомъ, похожимъ на древнюю рукопись, и отчасти на шрифтъ изданій острожскихъ. Заглавія и нѣкоторыя слова и строки въ текстѣ всѣхъ трехъ частей напечатаны красными чернилами. Начальныя буквы текста большія въ орнаментахъ и въ каемкѣ, въ третьей части онѣ тоже напечатаны красными чернилами.

Вотъ заглавіе, начала и концы печатнаго текста всѣхъ трехъ частей, причемъ подчеркнутыя слова означаютъ, что они напечатаны краснымъ.

„Мéтрика.

Котóраѧ що̀ значи́тъ, длѧ чого̀, и ꙗ҆къ давно̀ є҆стъ в҆ црквѣ Бжой, ту́тъ вкоро́тцє описуєтсѧ.

Іосифъ Шумлѧнскїй

Мл̃тїю Бжїєю провосла́вный є҆пп̃ъ Лвовскїй, Га́лицкїй, и Каме́нца-Подолскаго. Администра́то҆р Мүтропо́лїєй Кієвскои. Архїмандрыта Печéрскїй.

Ва́мъ Пречтнымъ намѣ́стнико̑, а҆́лбо протопо́по̑, чтным ї҆еρео̑м, благоговѣ́нны дїа́коно̑ и всєму̀ осщєнному д҆у́ховному цркоҡному кли́ру“. Въ концѣ первой страницы начинается текстъ, который продолжается до страницы 19, гдѣ подъ заставкой читаемъ: „А ꙗ҆къ то́й папѣ́ръ запи́шєш, мо́жешъ собѣ̀ зно́ву є҆го̀ причини́ти а҆́лько и҆́нную книгу го́лого папе́ру увѧза́ти, и тїн Ме́трики з҆ аппара́тами црковными хова́ти, а пото́мъ пред на́съ є҆ппа на събо́рахъ помѣ́стны порѧдне презентова́ти. В҆ пи́суй же ту́тъ зара́зъ в҆ Бжїй ча́съ“.

Часть вторая имѣетъ заглавіе, помѣщенное въ широкой архитектонической рамкѣ. Внизу посрединѣ мы видимъ изображеніе брака въ Канѣ Галилейской съ цитатой „Іо(аннъ) Зачало ꙁ“; съ двухъ сторонъ этого рисунка гербы подъ коронами, одинъ съ изображеніемъ вола, другой, кажется, колокола.

Выше обозначенъ годъ изданія: ҐѺ БѺ, а съ другой стороны ахпz. Все это составляетъ какъ бы нижній этажъ рисунка. Въ среднемъ этажѣ, представляющемъ колонны, окаймляющія заглавіе, изображено Благовѣщеніе, но довольно оригинально, такъ какъ архангелъ изображенъ на колоннѣ съ лѣвой стороны заглавія, а святая Дѣва на другой колоннѣ съ правой стороны. Въ концѣ, въ верхней части рисунка, на архитектоническихъ полулукахъ сидитъ съ каждой стороны по одному ангелу; тотъ, что справа, держитъ въ одной рукѣ епископскій жезлъ, а другой опирается на щитъ подъ епископской митрой съ гербомъ (три поперечныя бревна неодинаковой длины); тотъ, что слѣва, держитъ длинную булаву и тоже опирается на щитъ съ гербомъ подъ короной. Посерединѣ въ сіяніи вензель IХѲ. Слѣдующее заглавіе напечатано безъ употребленія красныхъ чернилъ: „Метрика или вторая книга. Въ супружество вѣнчаны для снадиѣйшой інформаціи духовныхъ свѣцкихъ. З' тоей Типографіи Епископ Лвовской, и за того его Мл. Отца Еппа Лво: Благеніе выдана в лѣто тое ,ахпз". Оборотъ этой страницы весь занятъ рисункомъ, представляющимъ обрядъ вѣнчанія. На фонѣ церковной архитектуры (колонны, въ глубинѣ на высотѣ перваго этажа галлерея, въ которой помѣщенъ хоръ пѣвчихъ съ нотами въ рукахъ и съ регентомъ, дающимъ тактъ поднятой вверхъ рукой) іерей съ сіяньемъ вокругъ головы вѣнчаетъ молодую пару; за молодой двѣ дѣвушки, за молодымъ два парня съ зажженными свѣчами и два старика. На двухъ церковныхъ плитахъ опять читаемъ ҐѺ ахпz. Надъ хоромъ пѣвчихъ изображена лента съ надписью: „Тайна Σ супружества", а внизу подъ рисункомъ подписано: „Чтна женитка, и ложе не скверно. Евр: Гла. гт". На слѣдующей страницѣ заглавіе: „Наука албо способъ іереом мірски о тайнѣ стго супружества". Такстъ печатный кончается на 9 стр. слѣдующими словами: „Писаніе же отъ пастыря Твоего которое будешъ мѣти іерею или от его намѣстника должен еси все пораду в писати в Метрику сію".

Заглавіе третьей части вставлено тоже въ архитектоническій рисунокъ, на которомъ внизу изображена, кажется,

проповѣдь св. Іоанна въ пустынѣ съ цитатой вверху Мѳ: зл. є, и съ подписью внизу ро ахпз На колоннахъ съ обѣихъ сторонъ заглавія изображены св. Георгій и св. Прокопій, надъ ними два ангела держатъ ленту съ надписью: „Иже сотвори и научитъ сей велій наречется". Въ серединѣ рисунка читаемъ: „Книга третаіа в которой описуюся оурочистіе ста, которіе должни сщенници в нлю по Бж: литур: свои пароханом заповѣдати и от роко хранити мсю. З тоежъ Тв: еппской лвовской, и затогож его мл оца еппа лвовскаго, блвеніемъ выдана. Року ахпз. На оборотѣ той же страницы изображенъ деисусъ церковный, въ царскихъ дверяхъ стоитъ священникъ въ полномъ облаченіи, справа отъ него въ церкви стоятъ мужчины, слѣва женщины и какой то калѣка. Внизу подписано: „Проповѣдуй слово Бжіе часто благовремеинѣ, и безвремеинѣ, облічи запрѣти оумли, съ всяким долготерпѣніем и оученіе. К Тімо: в. гла д. за: слз". Текстъ печатный этой части имѣетъ три статьи. Прежде всего имѣется: „Предмова до сщенниковъ мірскихъ, о стахъ", затѣмъ на страницѣ 9 слѣдуетъ „Ста урочистіе, которіе конечне належит пароханом от сщенника пароxіалного в неделю по службѣ Бжой оповѣдати начинши от септеврія, ажъ до дне остатного августа". Въ концѣ на стр. 21 начинается „Нравоученіе от насъ еппа, вамъ мірскимъ їереом таковое преподается". Текстъ нравоученія вмѣстѣ съ добавленнымъ къ нему „Супплементомъ" кончается на стр. 76 слѣдующимъ postscriptum'омъ, положеннымъ подъ заставкой: „Ажебысте присмотрѣлися. Священническому образу, и на него взираючи, и сами себе до того аплѣковали ото выставляем вамъ образ свщнический.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСАНКИ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментаціи сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментаціи: геометрическій, солярный, растительный, животный, предметно-бытовой и религіозный. Солярная орнаментація близко подходитъ къ геометрической, почти сливается съ нею.

Въ археологическомъ отношеніи наиболѣе любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментація, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментаціи существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментаціей стоитъ уже растительная, весьма развитая.

Родиной геометрической орнаментаціи считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрическій стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхожденіе и развитіе геометрическаго стиля орнаментаціи (*Павлуцкій*, Греч. расписн. вазы, 61—64). Первоначальныя,

[1]) „Кіевская Старина“, 1891, 5.

формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполнѣ возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрическій орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ народовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Іерусалимѣ и въ Куюнджикѣ въ Ассиріи (*Павлуц.*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительные рисунки разбросаны по всей поверхности яица, обыкновенно поверхность яица раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у. харьк. губ.) называется пояскомъ, а самая писанка поясныцей или безпоясныцей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда присоединяются косыя и ломаныя линіи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣкающихся продольныхъ и косыхъ линій могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ *„сорокаклынци“*. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольниковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волыни, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „клынци“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ

писанки прямыми и косыми линіями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видимъ надобности выводить ее преемственно изъ того архаическаго троеграна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троегранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Странечки и Ванклевой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троегранъ изъ писаночной орнаментаціи.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*. Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментацій, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ, глиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (энохое, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментаціи вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлуцкій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ *Ванклевой*, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тожественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ *Ванклевой* подъ № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ.

Точечная орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѳскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обиліи на писанкахъ (въ атласѣ *Ванклевой* №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34,

35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ-рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линіямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ пояскѣ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполнѣ въ растительный орнаментъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ к.-подольской губ. писанки съ точечными украшеніями называются капанками (накапано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножки, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаичное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ трезубецъ обозначалъ при положеніи остріями вверхъ мужа, человѣка, мѣсяцъ, при положеніи внизъ—небо, облако, независимо отъ письменъ финикійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ трезубецъ появляется въ концѣ линій, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки яица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуется на оконечности линій.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискелъ или *триквитръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ народными названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевой рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и миѳическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финикіянъ триквитръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даніи на

древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ, фибулахъ, въ курганныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ трикветръ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

Въ геометрической орнаментаціи на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнутыми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклевой см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкеля рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волыни и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волынская писанка вся состоитъ изъ такихъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполнѣ самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаки по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носитъ „сосенка“. Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лучами солнца. Этотъ знакъ съ его варіантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклевой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 25, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ Tygodnik illustr. dla dzieci 1889 г.

№ 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и к.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четыреугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкихъ продольныхъ сторонахъ яица, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграмъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграмъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антіохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграмъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пиѳагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остріемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остріемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski*, Lud. ukr. I, 185). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментаціи принадлежитъ также *меандръ* или Меандръ встрѣчается въ орнаментаціи на край немъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле былъ извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментаціи, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ (1889, стр. 970) было также указаніе, что *свастика* встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религіозно-мистическимъ и символическимъ знакомъ. Самое слово svastika древне-индійское (sv—asti) и означаетъ добро есть, на здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскелъ“ (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусковъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этруски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастику отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака су-

ществуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впослѣдствіи стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослаго человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wisła*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колецъ или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ" Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волынской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполнѣ сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волынской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядо-мистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или покутній улей, называемый у заднѣпровцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тожественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у., харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшныки кладутъ пидъ вулій и бережутъ іи, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суща правда! Безконешною вона зветця потому, шо стики іи ни розглядай, а начала и кинця въ неи не найдешь: одни вылюжки та карлючки" (сообщ. А. А. Склобинская). Безконечники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религіозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментаціи. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито и въ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подъ силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацію. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорокаклинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подъ названіемъ „плащаница" въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линій. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головчиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подъ названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка", „дзвинъ" и „поповы ризы". (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанской орнаментикой, вполнѣ доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ

четырехконечный и равносторонній, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ, иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы X. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклевой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востокѣ. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣяніяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ *(Гликъ* въ Гласник. зем. Музеа 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говоритъ въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четырехконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равносторонних четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ вставленъ въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклевой подъ № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подъ № 19), подъ № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подъ № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непремѣнно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ клинцивъ“, „безконечникъ“, „повна рожа“ и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ к.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки малярской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ“, съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшой поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновый листъ, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологію. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленныя мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитріевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по tремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно:

Вишневый листъ.

1) Вишневый листъ безпоясныця;
2) Вишневый листъ на 8 листьевъ;
3) Вишневый листъ на 4 листа по желтому полю;
4) Вишневый листъ на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
2) Дубовый листъ безпоясныця;
3) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа;
4) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа съ желудями;
5) Дубовый листъ на 2 листа;
6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

1) Рожевка на 6 квитокъ;
2) Рожевка на 4 рожи (пивквитки);
3) Рожевка на 2 рожи (пивквитки);
4) Рожевка на 2 рожи шелудывка (не повна квитка);
5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудывка;
7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудывка;
8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи“ означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ пояска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бываютъ меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудивка“—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка [1]). Писанка „боковая рожа шелудывка“ встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также рожа—malva) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Екатеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ.

---

[1]) Эта сложная терминологія, отмѣчена только въ слободѣ Анниной лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изрѣдка двухъ (бараньи роги, курячи лапы), смотря по рисунку.

И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) рожа на усе яице и не упысалася, такъ вже и лысть-тячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы“. Формы листьевъ часто бываютъ настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева рожа“ изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевкѣ сторчевой на дви рожи шелудывкѣ“ лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна рожа“ (Tygod. illustr. dla dzieci 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцями“ (роза на серединѣ яица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита рожа“ съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружками, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яица) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: козодрисъ (польск. kosodrzew, kosówka—pinus mughus), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листъ, попову мудь (цвѣточки), орѣховый листъ. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подольской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница“ (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анниной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновый листъ“ оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ).

Въ Темрюкѣ одна писанка носитъ названіе „огирки" (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы" или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziela*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метёлки", „въ мачки"—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растеній. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего яица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія гіацинтовъ (сумбулъ), тюльпановъ, яблокъ (Гласник земальског музеја, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячи лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскрашиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣзанныя фигуры или яица. Путешественники по Австраліи, за

ходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы на стѣнахъ фрески, изображающія кенгуру, эму и пляску туземцевъ (*Тайлоръ*, Антропологія, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древнимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка, имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Отъ тоби и скарбъ"—„Орышка напысала вышневыхъ пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усёго яица та пидпысала слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и спысавъ на бумазци:

Христосъ воскресе вельце!
Поцилуймося мое серце!

такъ Орышка зъ тіи бумажкы сама спысовала, та тильки, не вміючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тиеи рукы, якъ треба, такъ хто письменный, то ничого и не розбере и не скаже, що воно и е, чи то слова, чи такъ що надряпано". Подобное обыкновеніе бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купянскомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлующихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животнаго орнамента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванклевой (№№ 29, 30 и 48). Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48 добавлены еще солнечные символическіе знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ (*Гласник* зем. музеја, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой—на-лету. Породу, птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ

пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидыть пивень на верби, спустывъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила: демоны, мертвецы, упыри исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладины такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя человѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка— ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яица, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „шарпаньская муха“, нѣсколько напоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобра-

зивъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ Tygodn. illust. dla dzieci, 1889, № 15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающейся линіей по яицу, и называется такая писанка ужемъ (ib.).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ катакомбахъ рыба—символъ Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи роги", „курячьи лапы", „качачьи лапы", „гусячьи лапы", „утиныя шейки", „заячьи ушки", съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четырьмя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узорочій (Глинскій, Довгирдъ); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментику оригинальной, во многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободнаго эстетическаго творчества, причемъ матеріалъ даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ *бытовое* содержаніе. Таковы писанки „гребень", „грабли", „сокира", „свитая лента", „зонтикъ" (въ Галиціи), „люлька" (трубка, въ к.-подольской губ.), „вовчи зубы" (принадлежности ткацкаго станка, тамъ же), „човныки", „саквы" (мѣшки), „чоботы", „крутые рукава", „бак-

лажокъ", „скрыпка", „боченочекъ", „мотовыльце" (въ Темрюкѣ [1]).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ к.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги", на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziela, 9).

Писанки „калыткы" (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки" Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка" встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской губ. (с. Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло". Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

[1]) Съ черноморской писанкой „мотовыльце" вполнѣ сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

даютъ; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать— вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не приготовляютъ теперь писанокъ". Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крашанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и послѣдній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Анниной лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Акулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на яицо прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Эстетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолько малъ въ коли-

чественномъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце"), по присутствію позолоты и по надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатыя художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Дополненія.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщеніе учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не приготовляютъ, однѣ крашанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; приготовляютъ крашанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линій по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами", изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносецъ за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки", и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ битьѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дьячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.", переп. въ „Днѣ" 1891 № 1032).

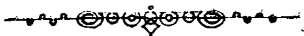
Въ I кн. „Вислы" за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы" приведена выдержка изъ соч. Миличевича „Живот срба селяка" о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи" по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ bisaccium встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. Х.).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 183, 4 строка снизу должно читать: „правобережкой", вмѣсто „лѣвобережной".

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.[1]

(1754—1766 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

VIII.

ж) Свое *пользованіе земельными угодьями* и работою жителей Преорки, Сырца и Кореніовщины Сычевскій основывалъ на привилегіяхъ королей Владислава IV 1644 г., мая 20 и Яна Казимира 1659 г., апрѣля 3 д., по которымъ де и предшественникамъ его тѣ угодья на рангъ принадлежали, а подгородніе жители у нихъ же находились „въ послушаніи“. По словамъ Сычевскаго, преорскіе, сырецкіе и кореневскіе жители, по тѣмъ привилегіямъ, „дѣйствительно принадлежали къ послушанію прежнимъ войтамъ, какъ до отнятія оныхъ селъ, Преорки, Сырца и Кореневщины, кіевскими козаками, такъ и послѣ привернения оныхъ же селъ по прежнему подъ магистратъ, по силѣ высоч. грамоты императора Петра Первого 7207 г. апрѣля 10 д., по прошенію войта Быковского съ урядниками, оному войту и по немъ наступившимъ войтамъ Полоцкому и Войничу послушны были беспеременно“.

Магистратскіе повѣренные доказывали, что Сычевскій неправильно толковалъ самыя грамоты, которыми названныя подгородья даны были вовсе не на рангъ войтовскій, а „въ помощь магистрату“. Что же до прежнихъ войтовъ, то, по ихъ увѣ-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“. 1891 г., № 5.

ренію, подгородніе жители войту Быковскому „никакова послушанія не чинили", а Войничу добровольно „оказывали вспоможеніе толокою" на заведенномъ имъ, Войничемъ, хуторѣ; сѣнокосы же всегда отдавались войтами жителямъ „съ копици". Сычевскій въ своемъ оправданіи, настаивая на правильности своего толкованія упомянутыхъ выше грамотъ, не отрицалъ, что прежнимъ войтамъ подгородніе жители разныя работы „исправляли толокою, т. е. обществомъ охочихъ людей," но объяснялъ, что это „въ волѣ оныхъ прежнихъ войтовъ состояло: употреблять оныхъ людей вдругъ всѣхъ, т. е. толокою или по очереди", а что всѣ эти жители и прежнимъ войтомъ „послушны были *по должности* за панщину, яко то въ плетеніи огородовъ, въ паханіи на огородину земли, въ посѣяніи, полотьи и въ снятіи оной огородины или овощей и въ прочихъ по экономіи войтовской разныхъ надобностяхъ"—это Сычевскій отдавалъ на присягу тѣмъ же свидѣтелямъ, на которыхъ ссылались и истцы. При этомъ самъ онъ признавалъ, что количество этой работы подгородныхъ жителей дѣйствительно при немъ значительно увеличилось сравнительно съ прежнимъ временемъ и объяснялъ это такъ: „и яко за прежнихъ войтовъ въ Преоркѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ весьма малое поселеніе людей имѣлось, такъ оные по меншей части прежнимъ войтамъ послушны были, а нынѣ населились уже села и размножились люди далеко болшею частію противъ прежняго, коихъ нынѣ находится до *трехсотъ дворовъ*, для того и послушаніе противъ прежняго, т. е. привозомъ до винокурни колодокъ и въ рубкѣ оныхъ, тако жъ въ паханіи огородной земли и въ дачѣ отъ себя трехъ сторожей". На наемъ этихъ трехъ сторожей по 11 р. въ годъ каждому, какъ видно изъ дѣла, собирались съ подгородныхъ жителей деньги.

Увѣряя, что отъ него подгороднимъ жителямъ „противъ прежнихъ ни малѣйшей обиды не происходило", Сычевскій подачу ими въ апрѣлѣ 1763 г. жалобы въ магистратъ объяснялъ однимъ лишь подстрекательствомъ бурмистра Семена Козельскаго и другихъ урядниковъ, которые де хотя и заявляли ему словесно, что онъ подгородними людьми „непалежно владѣетъ", но письменно никуда не представляли, никогда нигдѣ не протесто-

вали, а только уже послѣ ссоры съ нимъ послали канцеляриста Ивана Виткевича въ подгородья собрать жалобы на войта и составить отъ обывателей доношеніе въ магистратъ. Въ виду же того, что магистратскіе урядники „съ начала принятія оныхъ людей войтомъ въ свое послушаніе чрезъ всѣ прошедшіе года умолчали", то, по мнѣнію Сычевскаго, и теперь, „по праву о томъ молчать должны уже были", и вопросъ этотъ долженъ быть изъятъ изъ слѣдственнаго производства. Что же касается перечисленныхъ истцами разнаго рода обидъ и грабежей, произведенныхъ въ подгородьяхъ дворникомъ войта и старостою, то „онъ, войтъ, за дворника своего винности за собою не чувствуетъ" и готовъ утвердить присягою лишь то, что онъ дворнику своему „ни у кого напрасно забирать скота и никакихъ обидъ никому причинять" не приказывалъ.

Не такъ легко, какъ относительно „послушанія" преорскихъ обывателей, можно было Сычевскому доказать законность своего владѣнія Осетщиной и поселившимися въ ней людьми. Какъ указали магистратскіе повѣренные, онъ и самъ хорошо зналъ, что Осетщина жалованными грамотами укрѣплена за кіевскими мѣщанами, а не за войтомъ, почему самъ и доносилъ, когда это нужно было, въ 1761 году въ полковую кіев. канцелярію (и въ кіев.-губернскую тоже), что „оные осетскіе люди не какіе либо его собственные или ранговые, но суть единственно утвержденные кіевскому магистрату".

Нѣкоторою частью сѣнокоса въ Осетщинѣ, дѣйствительно, владѣли прежніе войты, но съ особаго каждый разъ дозволенія магистрата. Войтъ Полоцкій первый, когда еще въ Осетщинѣ никакого поселенія не было, построилъ тамъ, съ разрѣшенія магистрата, для содержанія скота „хуторецъ" на собственный свой счетъ. Сычевскій тоже владѣлъ тамъ небольшою частію сѣнокоса, но утверждалъ, что поселившіеся именно на этой части жители „были послушны" и раньше не магистрату, а войту; „что онъ, Сычевскій, во ономъ островѣ Осетщинѣ имѣющимися людьми владѣетъ и собственную свою горѣлку на продажу производитъ съ прибытія своего въ Кіевъ"—объ этомъ никто изъ магистратскихъ раньше „не искалъ, ниже протесто-

валъ", и потому теперь „по праву и молчать уже должны", Сычевскій кромѣ того утверждалъ, что въ Осетщинѣ всегда существовала продажа горѣлки войтовской собственно, а не магистратской; если же это было не такъ въ тѣ годы, на которые ссылаются истцы, въ 1752—1754, то это потому, что тогда совсѣмъ не было въ Кіевѣ войта.

Если Сычевскій пользовался лишь небольшою частью сѣнокосовъ въ Осетщинѣ и работою поселившихся на этой части обывателей по праву, на основаніи грамотъ, какъ онъ ихъ понималъ, и по примѣру прежнихъ войтовъ, то остальною частью завладѣлъ уже самъ безъ всякаго права. Этому завладѣнію онъ далъ такое объясненіе: когда жители Осетщины заявили ему, что они, не имѣя ни пахатной, ни сѣнокосной земли, не въ состояніи будучи „выстатчать указанные порціоны и прочіе общенародные повинности", вынуждены будутъ разойтись, если имъ не будетъ предоставлена хоть небольшая часть сѣнокоса по другой сторонѣ Осетецкаго озера, тогда онъ дозволилъ имъ пользоваться указанными сѣнокосами съ третьей копны, т. е. одну они получали себѣ, а двѣ доставляли войту.

Между тѣмъ, по словамъ магистратскихъ урядниковъ, прежде изъ этихъ то сѣнокосовъ, между прочимъ, довольствовались и магистратскія почтовыя лошади. Сычевскій же утверждалъ, что раньше этими магистратскими сѣнокосами, по обѣимъ сторонамъ осетщинскаго озера, пользовались магистратскіе урядники, какъ собственными, безъ всякаго опредѣленія и утвержденія, а рочные бурмистръ и райца, по своему усмотрѣнію, отводили ихъ, кому хотѣли, не представляя никакой отъ того прибыли въ магистратъ.

Выгодной статьей ранговыхъ „принадлежностей" войта былъ сѣнокосъ подъ самымъ городомъ на Оболоньи. Въ первые три года своего войтовства Сычевскій отдавалъ этотъ сѣнокосъ съ половины преорскимъ жителямъ, которые „косили и убирали сѣно на собственныхъ харчахъ, взимая на себя половинную часть". Но затѣмъ онъ нашелъ, что осетщинскіе и другіе подгородніе жители должны и этотъ сѣнокосъ ему косить и убирать „безъ заплаты и безъ харчей, *за панщину*, по примѣру

другихъ ранговыхъ селъ жителей", и только де по „респекту его, войта, дабы они въ томъ обиды признавать не могли", онъ установилъ такъ, что на Оболоньи сѣнокосъ его косили осетскіе жители „за панщину", а убирали—подгородніе жители „за заплату". Не отрицалъ Сычевскій и того, что при уборкѣ и перевозкѣ сѣна въ городской дворъ его или въ преорскій хуторъ взимались съ работавшихъ по наряду „заклады, дабы безъ окончанія не оставили должности своей", но увѣрялъ, что „въ томъ никакой обиды имъ не послѣдовало, ибо оные заклады въ цѣлости имъ возвращеваны".

Что касается до обвиненій въ „здырствѣ" денегъ за спашъ травы и т. п. ущербы, то Сычевскій, предоставляя требовать отвѣтовъ по всѣмъ подробностямъ этихъ обвиненій отъ его дворника и старостъ, самъ заявилъ, что вообще онъ въ случаяхъ нарушенія его хозяйственныхъ интересовъ „за прямыя обиды скотъ, по правамъ, удерживать и награжденіе, по порядку, безъ обиды обывательской требовать по праву дозволялъ". Видно, что въ этихъ случаяхъ дѣятельное участіе въ управленіи его хозяйствомъ принимала жена, на которую особеннно и жаловались подгородніе жители, указывая примѣры взиманія несоразмѣрнаго съ причиненнымъ убыткомъ денежнаго штрафа [1]). Сычевскій въ своихъ оправданіяхъ по этому пункту, между прочимъ, увѣрялъ, что „во взятіи оныхъ денегъ съ обывателей поступала она, жена войтова, *съ разсмотрѣніемъ*, дабы никакой обиды признавать не могли", при чемъ ссылался на слова самихъ же истцовъ, упомянувшихъ, что у одного изъ обывателей, нѣкоего Забуги, она „взяла было по разсмотрѣнію спаши денегъ два рубля, однако на прошеніе его, Забуги, опослѣ возвратила тридцать копѣекъ"...

---

[1]) Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Сычевскій, настаивая на томъ, что такъ какъ объ этомъ раньше никакихъ жалобъ не было, а еслибы ему самому кто либо изъ обывателей жаловался, то, конечно, былъ бы удовлетворенъ,—заявлялъ, что вообще на его ранговомъ сѣнокосѣ на Оболоньи „неточію мѣщанской скотъ причинялъ не малой убытокъ травы, но и сами мѣщане, пріѣзжая на возахъ, выкашиваютъ траву тайно, и какъ оной скотъ или мѣщане на томъ сѣнокосѣ пойманы бываютъ, то по добровольному ихъ уговору, съ разсмотрѣніемъ обиды, учиня награжденіе, отпускались, а по большей части отпущаемы были и безъ всякаго награжденія".

Видно, Сычевскіе достаточно широко пользовались обычными пріемами устрашенія обывателей, которые сами или скотомъ своимъ могли по сосѣдству причинять малѣйшій ущербъ войтовскому хозяйству. Любилъ, должно быть, войтъ и „добровольные подарки“ отъ обывателей. Такимъ подаркомъ призналъ онъ и того приблудившагося въ его хуторъ вола, вопросъ о которомъ возникъ при слѣдствіи. Однажды мѣщанинъ Хоменко, цехмистеръ рѣзницкій, опозналъ своего вола во дворѣ войта и сталъ требовать его возвращенія. Войтъ же, „сторговавъ оного за шесть рублей, ни денегъ, ни вола Хоменку по сіе время не отдалъ“. Сычевскій же на слѣдствіи показалъ, что вола этого Хоменко продалъ ему „по добровольной склонности“ за 6 р., тогда же получилъ четыре рубли, а остальные якобы, „доброхотствуя ему, войту, подарилъ“ и никогда послѣ не требовалъ.

Владѣлъ еще войтъ на Осетскомъ островѣ „рыбнымъ уходомъ“, который повѣренные называли озеромъ. (По словамъ войта, этотъ „уходъ издавна, по простому нарѣчію, названъ *панское озеро,* для того что всегда во владѣніи прежнихъ войтовъ находилось“). Во время весенняго разлива сюда заходила изъ Днѣпра рыба, а при спадѣ водъ она „закочивается, и ежели бы не была закочена, то-бъ обратно въ Днѣпръ ушла; и по изловленіи оной рыбы единожды въ годъ во время осенное болѣе никакой рыбы въ томъ уходѣ не остается“. Магистратскіе повѣренные, основываясь на грамотѣ Петра Великаго, по которой предоставлено рыбными ловлями владѣть „мѣщанамъ кіевскимъ“, оспаривали исключительное право войта владѣть этимъ озеромъ и утверждали, что прежніе войты „обще съ магистратскими урядниками на всѣхъ рыбу раздѣляли“. Сычевскій же, толковалъ упомянутую грамоту по своему и на основаніи ея спорнымъ рыбнымъ уходомъ „самъ пользовался и въ продажу отпускалъ“, ничего не удѣляя кіевскимъ мѣщанамъ. Это спорное озеро представляло, какъ видно, не маловажную статью дохода въ общемъ бюджетѣ войта[1]).

---

[1]) По поводу пользованія этимъ озеромъ въ слѣдственныхъ показаніяхъ упоминается одинъ мелкій случай, не лишенный интереса для характеристики хозяйничанья войтовскаго. Когда въ отсутствіи войта въ 1762 году жена его объявила

з) Къ числу излишнихъ и незаконныхъ „пользованій“ Сычевскаго магистратскіе урядники относили и то, что онъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, навязывалъ свою горѣлку покупать для магистратскихъ шинковъ, о чемъ было упомянуто уже выше (гл. II).

На преорскомъ своемъ хуторѣ Сычевскій имѣлъ винокурню, на которой почти всѣ работы производились „прислушающими“ людьми безплатно. Это была несомнѣнно одна изъ выгоднѣйшихъ хозяйственныхъ статей. Продажа хлѣбнаго вина изъ магистратскихъ шинковъ составляла тогда самую крупную статью городскихъ доходовъ. Такъ въ 1761 году въ общей суммѣ этихъ доходовъ 6464 р. 13 коп. значится—съ шинковъ за хлѣбное вино 5059 р. 92 к.[1]). Магистратскими шинками, конечно, не ограничивался сбытъ вина, куреніемъ котораго занимались тогда многіе изъ состоятельныхъ кіевлянъ. Для храненія выкуреннаго вина Сычевскій пользовался обширными магистратскими погребами „съ вѣдома и дозволенія“, какъ онъ заявлялъ, годовыхъ бурмистровъ и райцовъ, которые де не только сами дозволяли, но, когда вновь выстроенные погреба стояли пустыми, просили даже яко бы войта, чтобы онъ ставилъ въ нихъ свою горѣлку, „ибо де чрезъ содержаніе го-

---

кварталовому урядннку Николаю Леонтовичу и мѣщанину Чишиничу, что хочетъ отдать уходъ рыбный въ откупъ, тогда они отправились туда и тайно наловили рыбы, учинивъ при этомъ „слѣдъ“, о которомъ и донесли войтовой женѣ осетскіе жители. „Имѣется же тамо испрежде подлогъ таковъ, что ежели хотя единожды въ въ уходъ слѣдъ учинится, то всю рыбу городскіе рыбалки и тамошніе жители воровски выловлятъ и оберечь никакимъ образомъ уже невозможно“. Узнавъ объ этомъ, жена войта позвала Леонтовича и Чишинича и „пеняла“, говоря, что намѣрена „за учиненной ими слѣдъ просить сатисфакціи“. Тогда сошлись на томъ, что когда войтова жена отъ себя выловитъ всю рыбу, если окажется убытокъ противъ цѣны прежнихъ годовъ, то они его обязываются пополнить. Изловивши рыбу, Сычевская приказала мелкую распродать на базарѣ, а „большую и средственную извялить“. Леонтовичъ и Чишиничъ, „видя что извяленной рыбы явилось добротою хорошею, остава свой прежній договоръ, просили уступить имъ оную извяленную всю рыбу за цѣну и торгуясь отъ 14-ти, за 10 рублей купили и тѣ деньги добровольно уплатили“. Повѣренные же заявляли, что названные мѣщане принуждены были уплатить 10 рублей за трухлую и негодную рыбу.

[1]) См. Истор. мат. „Изъ архива кіевск. губ. пр“. вып. 8, стр. 167, „Свѣдѣнія о городскихъ доходахъ и расходахъ г. Кіева въ 1761 году“.

рѣлки погребъ лучше выстаиваться будетъ". Конечно, еслибы и не было со стороны войта „усилованій" въ сбытѣ своей горѣлки магистрату, то уже самый „респектъ" къ нему и „труды по магистрату", какъ онъ самъ признавалъ, побуждали рочныхъ урядниковъ предпочитать при покупкѣ для магистрата горѣлку войтовскую, при чемъ, вѣроятно, не обходилось и безъ „подвышенія цѣны" сравнительно съ назначенною другими продавцами.

IX.

Однимъ изъ главныхъ своихъ „недоброхотовъ", возбудившихъ противъ него и все мѣщанство, Сычевскій признавалъ магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго, о разнаго рода „неисправностяхъ" котораго онъ и включилъ при слѣдствіи въ своихъ показаніяхъ многія „постороннія рѣчи", затягивавшія лишь слѣдствіе.

Яковъ Давыдовскій, сынъ козачій, родомъ изъ м. Ични, служилъ сначала полковымъ канцеляристомъ въ прилуцкой полковой канцеляріи пять лѣтъ, а съ 1747-го года, въ званіи войскового канцеляриста, въ генеральномъ судѣ, отъ котораго и выданъ ему въ январѣ 1757 г. аттестатъ о „безпорочной и трудолюбной" службѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Давыдовскій здѣсь женился, пріобрѣлъ домъ и въ мартѣ 1757 года, во время бывшей „публичной элекціи", избранъ магистратскимъ писаремъ, очевидно, съ согласія и даже по рекомендаціи самого войта Сычевскаго.

По всей вѣроятности, Давыдовскій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ не былъ искусенъ „въ тонкомъ знаніи правъ магдебургскихъ". По словамъ войта, онъ „и читать оныхъ правъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ совершенно не умѣетъ, выписки же, по дѣламъ магистратскимъ, съ правъ магдебургскихъ справляютъ магистратскіе канцеляристы Лукьяновичъ, Виткевичъ и Слюсарскій". Объ этомъ незнаніи Давыдовскимъ правъ еще въ 1761-мъ году подано было въ магистратъ особое

доношеніе [1]), которымъ подписавшіе его шесть урядниковъ просили объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ должности и объ избраніи на его мѣсто кого либо изъ мѣстныхъ мѣщанъ „ученыхъ людей“, при чемъ указывали на то, что онъ сынъ козачій и уже по этому одному не долженъ занимать уряда въ магистратѣ.

Большая часть „неисправностей“ писаря, заявленныхъ Сычевскимъ при слѣдствіи, заключалась въ неподписаніи имъ магистратскихъ опредѣленій и доношеній, по которымъ, случалось, магистратскіе урядники подвергались отъ в. генер. суда штрафу или выговору. Такъ, уже послѣ злополучной исторіи съ освидѣтельствованіемъ копій, генеральный судъ въ январѣ 1764 года оштрафовалъ войта и урядниковъ, подписавшихъ приговоръ по одному исковому дѣлу: они уплатили по 12 р. 14 к. каждый, а писарь „за неподписаніе приговора отъ взысканія на немъ штрафа обойденъ“. По словамъ Давыдовскаго, подписываться писарю на магистратскихъ опредѣленіяхъ „за прежнихъ писарей обыкновенія не было“; Сычевскій же утверждалъ, что Давыдовскій въ упомянутомъ случаѣ не подписывался единственно „для способнѣйшаго извиненія себе въ случаѣ по дѣламъ отвѣта и штрафа удаленія“. Но изъ всѣхъ этихъ объясненій можно заключить лишь, что Давыдовскій былъ человѣкъ осторожный и устранялся отъ отвѣтственности, которая при зависимости судебной дѣятельности магистрата отъ войскового генеральнаго суда являлась крайне неопредѣленною и часто неожиданною.

Еще въ 1760-мъ году особыми опредѣленіями магистрата 13-го мая и 21-го декабря постановлено было, чтобы писарь магистратскій подписывался на всѣхъ приговорахъ выше райцовъ и засѣдалъ за однимъ столомъ съ войтомъ и урядниками. Такое опредѣленіе, по словамъ Сычевскаго, состоялось именно потому, что Давыдовскій „по многократнимъ его, войта, словеснимъ приказаніямъ на дѣлахъ и приговорахъ магистратскихъ

[1]) Доношеніе это указываетъ, между прочимъ, на то, какъ тяготились кіевляне тою неурядицею въ судѣ, какая происходила отъ примѣненія разныхъ законовъ. Оно же свидѣтельствуетъ и о томъ живомъ интересѣ, какой возбуждалъ во всемъ населеніи вопросъ о совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

по одному упрямству своему не подписовался, усиловуясь засѣдать за судейскимъ столомъ и вишше райцевъ подписываться". При этомъ Сычевскій отдавалъ на присягу самимъ урядникамъ, что они дѣйствительно сами просили его, чтобы писарю подписываться на всѣхъ приговорахъ магистратскихъ и дѣлахъ, чтобы „какова по дѣламъ отъ него, писаря, подлогу, а онимъ всѣмъ урядникамъ штрафу и отвѣту слѣдовать впредь болѣе не могло".

Что Давыдовскій, по должности своей писарской, подводилъ магистратскихъ урядниковъ, кромѣ штрафа, къ другимъ непріятностямъ, на это въ объясненіяхъ Сычевскаго находимъ два указанія. Въ 1763-мъ году, въ отсутствіи войта изъ Кіева, бригадиръ молд. гус. полка Иванъ Подгоричанинъ жаловался г. Разумовскому на „причиненные отъ магистрата письменными сношеніями неучтивства и на всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ порицанія". Это обидѣвшее гг. офицеровъ сношеніе сочинялъ Давыдовскій; ордеромъ же гетмана приказано было подписавшимъ урядникамъ всѣхъ офицеровъ „публично о прощеніи просить и удовольствовать", что и было ими исполнено. Затѣмъ, когда мѣщанинъ Іосифъ Козельскій подалъ въ магистратъ жалобу на постояльца своего, того же молд. гус. полка майора Якима Бедрягу за причиненныя имъ обиды, то Давыдовскій, въ отсутствіи войта, сочинилъ по поводу этой жалобы особое отъ всего магистрата представленіе въ пр. Сенатъ, за что и послѣдовалъ изъ пр. Сената указъ 12 февраля 1764 г. съ строгимъ выговоромъ всему магистрату, чтобы впредь, „низшей команды по порядку не прося, вышней командѣ представлять не дерзалъ подъ неупустительнымъ штрафомъ".

Изъ приведенныхъ уже раньше свѣдѣній о первой поѣздкѣ войта съ депутаціей въ столицу въ 1762 году видно, въ какихъ явно враждебныхъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Сычевскій и Давыдовскій. Естественно поэтому, что Сычевскій, когда представилась къ тому возможность, позаботился объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства, изобразивъ въ своемъ донесеніи гетману въ надлежащемъ свѣтѣ и его „упрямство и непослушаніе" при составленіи и отправкѣ къ гетману копій съ магистратскихъ крѣпостей, а затѣмъ и его подстрекатель-

ство и руководительство народнымъ „смятеніемъ" при злополучномъ ихъ освидѣтельствованіи 12—15 декабря 1763 г. Но при этомъ Сычевскому почему то хотѣлось изобразить отрѣшеніе Давыдовскаго отъ писарства результатомъ не только одного его, войта, донесеній, но также и жалобы нѣкоторыхъ мѣщанъ, тогда же поданной гетману.

Дѣйствительно, мѣщанинъ Өедоръ Доброгорскій [1]),—по наущенію самого войта, какъ утверждали магистратскіе повѣренные,—составилъ къ гетману прошеніе объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства за причиненныя яко бы имъ обиды, при чемъ просилъ и о томъ, чтобы гетманъ ходатайствовалъ объ удержаніи навсегда города Кіева въ своей командѣ. Однако

---

[1]) Этотъ Доброгорскій въ 1758 году былъ асауломъ „реестровой хоругвы", какъ это видно изъ даннаго ему 22-го іюля того года ордера, подписаннаго Петромъ Тихоновичемъ и Козьмой Кулешемъ. Этотъ ордеръ представилъ въ коммиссію Сычевскій, какъ доказательство того, что сами магистратскіе урядники добровольно яко бы наряжали для него мѣщанъ въ поѣздки. Вотъ этотъ ордеръ: „По полученіи сего имѣете вы з состоящихъ ввѣдомствѣ вашемъ реестровыхъ товарищей, добрихъ и надежныхъ людей, двоихъ человѣкъ, для поѣздки з его высокоблагородіемъ господиномъ войтомъ въ нѣкоторіе малороссійскіе мѣста снарядивъ, его в—дію представить немедленно, и асаулу Доброгорскому учинить по сему".

Это, вѣроятно, былъ тотъ же Өедоръ Доброгорскій, который въ 1748 году возбудилъ памятное для кіевлянъ дѣло противъ общаго ихъ врага козацкаго сотника Павла Гудима, обвинивъ его въ политическомъ преступленіи, въ оскорбленія величества, за что этотъ злостный корчемникъ и „обидитель" мѣщанства кіевскаго и понесъ тяжкое наказаніе—битъ батогами, по указу Тайн. канц. (см. „Кіевскія смуты прошл. ст.". „Кіевская Старина" 1886 г. Декабрь).

Въ жалобѣ на писаря Давидовскаго, поданной гетману 15-го ноября 1763 г. и подписанной, кромѣ самого Доброгорскаго, еще 13-ю лицами, говорится, что Давидовскій „отъ времени принятія его въ ту должность войтомъ И. Сычевскимъ, надъ волю и согласіе всѣхъ насъ, по входящимъ въ оной магистратъ отъ насъ дѣломъ въ разныхъ претенсіяхъ, поступаетъ въ отмѣну майдебургскихъ правъ, которые напечатаны на латинскомъ діалектѣ; ибо когда каковы приговоры ни пишетъ, всегда зъ своей головы составляетъ, а для того, что онъ ихъ читать не умѣетъ и потому совершеннаго приговора составить не можетъ, съ насъ же единственно затѣмъ многіе пришли до обиды и убытковъ; а хотя кто изъ судящихъ и чинили поводъ о привмѣщеніи тѣхъ правъ какъ должно въ дѣло, то помянутый Давидовскій, чрезъ незнаніе оныхъ правъ, ту ихъ присидящихъ у магистратѣ сентенсію усиловно отводитъ и тѣмъ наши иски неосновательными дѣлаетъ, норовя сторонѣ того, кто больше ему даровъ посулитъ, да и во всемъ нѣбы партикулярную какъ надъ подданными его чинитъ расправы".

очень скоро подписавшіе это прошеніе мѣщане, явившись въ магистратъ, „принесши повинную, показали, что они на томъ прошеніи подписались чрезъ подлогъ его, ибо онъ, Доброгорскій, сказывалъ имъ, что оное доношеніе написано о сводѣ съ мѣщанскихъ квартиръ молдавскаго гусарскаго полка“. Другіе же изъ подписавшихся уже въ слѣдственной коммиссіи просили исключить ихъ имена, заявляя, что они никогда ничѣмъ не были обижены Давыдовскимъ, а подписались на сочиненной Доброгорскимъ жалобѣ „по подъустительству и обману, иные пьяные, а другіе по малолѣтству отъ неразумія“. Оказалось, что дѣйствительно Доброгорскій собиралъ на своемъ доносѣ подписи самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Между подписавшимися былъ, между прочимъ, одинъ ученикъ академіи „школы богословіи“, который письменно въ слѣдственную коммиссію заявлялъ послѣ, что де онъ подписалъ вмѣсто своего отца упомянутый доносъ, увѣренный Доброгорскимъ, что это прошеніе отъ мѣщанства къ гетману именно о выводѣ изъ города гусаръ и вообще объ освобожденіи отъ постоевъ[1]) и что везетъ это прошеніе самъ Добро-

---

[1]) Что гусары были крайне непріятны не только для мѣщанъ-домовладѣльцевъ, но причиняли разныя непріятности вообще кіевлянамъ, въ томъ числѣ и студентамъ академіи, это можно видѣть, между прочимъ, изъ одного дѣла, напечатаннаго мною въ 10-мъ вып. „Историч. матер. изъ архива кіевск. губ. правл.“. (стр. 71) о столкновеніи студентовъ академіи съ гусарами. Не мудрено поэтому, что въ числѣ подписавшихъ такого рода прошеніе, какъ о выводѣ изъ города гусаръ молдавскаго полка, подписалъ вмѣсто отца своего Прохора Лукьянова и студентъ Кириллъ Прохоровичъ. Само начальство академіи жаловалось, что расположившіеся въ 1763 году въ Кіевѣ полки артиллерійскій и гусарскій „студентомъ и ученикомъ той академіи такія начали причинять обиды и утѣсненія, что не только своего ученія производить имъ, студентамъ, нельзя, но и на квартирахъ жить въ Кіевѣ не безопасно“. Особенно досаждали гусары, выгоняя зачастую учениковъ изъ квартиръ, издѣваясь надъ ними различными способами; а въ день Рождества Христова они напали было на самую бурсу и избили многихъ бурсаковъ, при чемъ даже „одному богослову руку саблею пробили, поэтѣ правую щеку разрубили“ и т. п., а когда по этому поводу начальство послало жалобу къ бригадиру Подгоричани, то онъ, „понося всѣхъ студентовъ бранительными и укорительными словами, таковыя произнеслъ похвалки: я де велю этихъ плутовъ, мошенниковъ, пьяницъ, разбойниковъ всѣхъ выколоть и выстрѣлять“. Тотъ же Подгоричани 31-го декабря послалъ графу Разумовскому жалобу на студентовъ, яко бы тѣ 25 го декабря сами напали на троихъ гусаръ, ѣхавшихъ мимо бурсы, избили ихъ дубьемъ и, затащивъ во дворъ, посадили на цѣпь.

горскій по порученію магистрата на магистратскій же счетъ. При этомъ студентъ заявлялъ, что Доброгорскій показывалъ ему „подлинный универсалъ его сіятельства о уволненіи дома его отъ постоевъ [1]), притомъ хвалился при дворѣ его сіятельства имѣючимися патронами", а кромѣ того „придополнилъ и сіе, яко бы отъ его сіятельства опредѣленъ уже сюда другой на мѣсто Давидовскаго писарь, только де надобно и отъ мѣщанъ, во угожденіе таковой е. с. воли, письменное о томъ прошеніе, которое де нимъ, Доброгорскимъ, уже изготовлено и многіе изъ мѣщанъ подписались".

Магистратъ, полагая, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Доброгорскій, „не только магистрату и мѣщанству здѣшнему, но и ни единому честному человѣку, по книги Порядка части 3-й на стр. 123 напечатанному, судиться не должно", просилъ генералъ-губернатора, чтобы разрѣшилъ и не „вступать въ судной процессъ" съ Доброгорскимъ по жалобѣ его на писаря Давыдовскаго. А между тѣмъ, еще въ августѣ м-цѣ, послѣ отрѣше-

Очевидно, отношенія къ этимъ гусарамъ у всѣхъ кіевлянъ были крайне обостренныя, а потому Доброгорскій, собирая подписи среди малограмотнаго мѣщанства на своемъ доносѣ на писаря, придумалъ для обмана самый подходящій для даннаго момента мотивъ прошенія къ гетману.

[1]) Копія такого ордера, даннаго 13-го октября 1763 г., дѣйствительно встрѣтилась мнѣ въ одномъ изъ дѣлъ о Доброгорскомъ. Привожу ее цѣликомъ:

„Маг—та кіев. войту зъ урядниками, сотнику кіевскому зъ сотенною старшиною, проѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и состоящимъ тамо великорос. гг. офицерамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется: кіевск. маг—та реестровой корогви асаулъ Өедоръ Доброгорскій подалъ намъ доношеніе, представляя, что отецъ его, оставя въ Польшѣ шляхетскіе свои добра, вышелъ съ нимъ Өедоромъ и меньшимъ его братомъ Иваномъ въ Малую Россію и служилъ Е. И. В. по смерть свою, а по немъ де оставшійся онъ Өедоръ и Иванъ Доброгорскіе отправляютъ службу—Иванъ въ венгерскомъ гусарскомъ полку вахмистромъ, а онъ, Өедоръ, въ магистратѣ чрезъ немалое уже время; но недавно де выстроенной его жилой домъ отъ маг—ту кіевск. отводимъ бываетъ во всечастые постои и тѣмъ ему, Доброгорскому, причиняется обида, а оной его домъ отъ того постою приходитъ къ разоренію; для чего просилъ онъ Доброгорскій о уволненіи отъ постоевъ оного дому нашего разсмотрѣнія, чего ради мы, респектомъ службъ, отцемъ его и имъ самимъ, Доброгорскимъ, отправленныхъ, оной его въ Кіевѣ имѣючойся жилой домъ отъ постоевъ увольняемъ впредь до нашего разсмотренія и приказываемъ войту маг—та кіевск. зъ урядомъ, сотнику кіевскому зъ сотенными старшинами оного просителева дому въ постои не отводить никому, а тѣ, кои постои имѣть въ Кіевѣ

нія Кузьминскаго, магистратъ вновь избралъ Давидовскаго писаремъ и просилъ генералъ-губернатора объ утвержденіи его въ этой должности. Глѣбовъ уважилъ ходатайство магистрата и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не дождавшись изъ войск. генер. канцеляріи отвѣта на сдѣланный имъ запросъ о причинѣ лишенія чиновъ вообще магистратскихъ урядниковъ, предписалъ „впредь до имѣющаго быть о вышеписанномъ разсмотрѣнія, бывшему писарю Давидовскому быть въ ономъ кіевскомъ магистратѣ *за писаря* въ исправленіи писарской должности по прежнему“.

Такое возстановленіе энергичнѣйшаго и, очевидно, наиболѣе дѣловитаго изъ войтовскихъ „недоброхотовъ“, который являлся при производившемся слѣдствіи повѣреннымъ магистрата, было крайне непріятно для Сычевскаго, всячески усиливавшагося стать обвинителемъ этого „недоброхота“.

Магистратъ, видя, что слѣдствіе можетъ надолго затянуться, благодаря именно этимъ усиліямъ войта, вносившаго въ свои оправданія „стороннія и дѣлу сему непринадлежащія рѣчи“, главнымъ образомъ обвиненія противъ писаря, просилъ генералъ-губернатора, чтобы онъ приказалъ коммиссіи не принимать этихъ излишнихъ войтовскихъ рѣчей.—Генералъ-губернаторъ предписалъ выдѣлить всѣ такія уже данныя „рѣчи“ въ особую тетрадь, а больше ихъ не принимать и поскорѣе оканчивать слѣдствіе.

Хотя, какъ уже было сказано, въ началѣ декабря всѣ существенныя показанія были даны; но дѣло затянулось потому, что въ это время была препровождена въ коммиссію полученная генералъ-губернаторомъ изъ пр. Сената третья жалоба ма-

---

долженствуютъ, занимать сами оного дому не имѣютъ; для чего и сей нашъ открытый ордеръ за подписомъ нашимъ и при войсковой печати ему, Доброгорскому, давъ, который онъ, Доброгорскій, долженъ объявить въ кіевскомъ магистратѣ и сот. тамош. правленіи ко исполненію и снятію копіи. Въ Глуховѣ 1763 году октября 13 д.“

Въ прошеніи своемъ объ освобожденіи отъ постоевъ Доброгорскій жаловался на весь кіевскій магистратъ, заявляя, что съ самаго поселенія его въ Кіевѣ урядники магистрата, „возненавидѣвъ его, затвердили ко мнѣ и къ домишку моему злобственныя примѣтки, употребляя меня въ неудобосносныя, случающіяся по магистрату, исправленія и наряды“.

гистрата, заключавшая въ себѣ, исключительно злополучную исторію съ освидѣтельствованіемъ копій и послѣдовавшими затѣмъ злоключеніями магистратскихъ урядниковъ. Въ сущности и по этому вопросу даны уже были Сычевскимъ „отвѣты" и, послѣ „доказательствъ" магистратскихъ повѣренныхъ, „оправданія". Но Сычевскому почему то вновь хотѣлось возвратиться къ этому вопросу и, требуя выдачи себѣ на „правный срокъ" копіи съ поступившей въ коммиссію жалобы, онъ просилъ, чтобы по ней вновь былъ продѣланъ „полный судъ". Когда коммиссія ему въ этомъ отказала и особымъ своимъ опредѣленіемъ предоставила ему просто продолжить свои оправданія по жалобѣ магистрата, не требуя особыхъ „доказательствъ", въ сущности уже данныхъ магистратскими повѣренными, тогда онъ заупрямился и не позволилъ своему повѣренному подписывать опредѣленія коммиссіи. Повѣреннаго задержали подъ карауломъ и продержали недѣли двѣ. Только лишь послѣ энергическаго приказанія генералъ-губернатора, къ которому обратился было Сычевскій съ жалобой на коммиссію, онъ началъ „чинить оправданія" (вторичныя) по тому же пункту, что и продолжалось съ 22 декабря по 14 января слѣдующаго года, причемъ взводилъ новыя обвиненія на писаря Давидовскаго.

X.

Когда въ январѣ 1765 г. возобновилось производство слѣдствія, обѣ стороны стали добиваться пополненія своихъ рѣчей. Генералъ-губернаторъ, потребовавъ къ себѣ все слѣдственное дѣлопроизводство и лично разсмотрѣвъ его, нашелъ, что оно должно быть закончено, и предписалъ коммиссіи, не давая уже ни одной изъ сторонъ новыхъ сроковъ для письменныхъ отвѣтовъ, требовать лишь словесныхъ объясненій по каждому пункту отдѣльно.

Сычевскій, находя это распоряженіе стѣснительнымъ для себя, сталъ уклоняться отъ „хожденій" въ коммиссію. Повѣренный его Ивановъ, испытавши „принужденіе" въ подписаніи опредѣленій, а также и продолжительный арестъ, отказался отъ

дѣла, и Сычевскій вмѣсто него представилъ своимъ повѣреннымъ значковаго товарища Григорія Политанскаго. Недовольный дѣйствіями коммиссіи, находя, что опредѣленія ея, утвержденныя уже генералъ-губернаторомъ, „учинены въ обиду ему“, Сычевскій—явился 2 марта къ Глѣбову и просилъ отпуска къ „вышней командѣ для поднесенія апелляцій“. Такъ какъ ему было въ этомъ отказано, то онъ выѣхалъ изъ Кіева безъ отпуска, и генералъ-губернаторъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія магистрата, далъ знать „о сыску“ сбѣжавшаго войта въ Глуховъ въ в. генеральную канцелярію и въ обѣ столицы въ полицейскія конторы.

Изъ донесенія магистрата видно, что Сычевскій въ тотъ же день, когда являлся къ генералъ-губернатору съ прошеніемъ объ отпускѣ, выѣхалъ вмѣстѣ съ Павломъ Гудимомъ на его саняхъ въ с. Вигуровщину и тамъ уже, попрощавшись со своимъ спутникомъ, пересѣлъ въ свою кибитку, туда заранѣе отправленную, и уѣхалъ „невѣдомо куда“. Магистратъ на другой же день избралъ въ помощь правящимъ годовымъ бурмистру и райцѣ еще одного бурмистра Василія Балабуху, „чтобы въ теченіи дѣлъ магистратскихъ остановки быть не могло“. Тогда же генералъ-губернаторъ, очевидно, благоволя къ тогдашнему составу магистратскихъ чиновъ [1]), ордеромъ отъ 28 того же марта опредѣлилъ Якова Давыдовскаго по прежнему писаремъ, а не „за писаря“.

---

[1]) Вообще, надо замѣтить, Глѣбовъ въ борьбѣ кіевскаго магистрата съ „малороссійской командой“, какъ и съ мѣстными козаками, былъ на сторонѣ магистрата. Въ одной изъ черновыхъ его реляцій къ императрицѣ 1765 г. онъ, упомянувъ о послѣдовавшемъ было въ 1760 г. указѣ о выводѣ кіевскихъ козаковъ изъ Кіева, что подтверждено было затѣмъ и грамотою коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1762 г., выражаетъ сожалѣніе, что „и до нынѣ они никуда не выведены“, почему де и происходятъ постоянныя на нихъ жалобы. При этомъ онъ такъ объясняетъ самую исторію поселенія въ Кіевѣ козаковъ: „Сколь же давно и коими случаями помянутые козаки на Подолѣ жить стали? о томъ письменнаго доказательства ни по губ. канц., ниже по магистрату не находится, только старожилы объявляютъ, что по присовокупленіи Малой Россіи къ Россійской имперіи, когда г. Кіевъ отъ разныхъ военныхъ случаевъ, мороваго повѣтрія и пожаровъ великое претерпѣлъ разореніе, то изъ присыланныхъ отъ тогдашнихъ гетмановъ на станціи и для другихъ исправленій въ оной городъ компанейскихъ козаковъ нѣкоторые, поженясь на

Только лишь въ іюнѣ возвратился Сычевскій въ Кіевъ съ паспортомъ, выданнымъ ему изъ пр. Сената, а въ іюлѣ возобновилось слѣдствіе, къ которому онъ представилъ опять новаго отъ себя повѣреннаго войскового канцеляриста Илью Бажанова. Новый повѣренный, однако, не долго „стряпалъ“ по дѣлу войта, и уже 17 августа былъ замѣненъ какимъ то хорольскимъ козакомъ Андреемъ Данилевскимъ. Такъ какъ обѣ стороны вновь включали въ свои письменныя и устныя объясненія „стороннія рѣчи“, объ исключеніи которыхъ одна у другой затѣмъ настаивали передъ коммиссіей, то генералъ-губернаторъ далъ новое подтвержденіе объ окончаніи слѣдствія „въ самой скорости [1])“.

мѣщанскихъ дочеряхъ и вдовахъ, пустыя мѣщанскія земли занявъ, поселились, а потомъ у тѣхъ же гетмановъ испрося себѣ сотника, жительство свое тамъ утвердили, однако изъ всѣхъ сихъ козаковъ никто донынѣ никакихъ пахатныхъ земель или другихъ угодій ни на городской землѣ, ниже въ другихъ мѣстахъ, не имѣлъ и не имѣетъ“. Въ виду причиняемыхъ козаками обидъ мѣщанству кіевскому, главнымъ образомъ незаконнымъ шинкованьемъ, Глѣбовъ и находитъ справедливымъ совершенное удаленіе ихъ изъ Кіева съ предоставленіемъ имъ земель и угодій гдѣ либо въ Малороссіи, полагая, что только этою мѣрою „кіево-подольскіе мѣщане отъ излишнихъ хлопотъ и убытковъ избавлены быть могутъ. А буде нѣкоторые изъ тѣхъ козаковъ, или и всѣ они, какъ имѣющіе въ Кіевѣ на мѣщанскихъ земляхъ собственные свои дворы, заведенные по состоянію каждаго, домашнею экономіею, для избѣжанія убытка, по причинѣ высылки приключиться могущаго, пожелаютъ остаться въ Кіевѣ мѣщанами, то имъ въ томъ всемилостивѣйше дозволить, ибо они и безъ того отъ большой части изъ тамошнихъ мѣщанъ своевольно въ козаки записались“.

[1]) Генералъ-губернаторъ Глѣбовъ находилъ необходимымъ, чѣмъ бы слѣдствіе ни кончилось, избраніе новаго войта, о чемъ писалъ въ своей реляціи къ императрицѣ такъ (привожу эту выдержку по черновой реляціи, бывшей у меня меня въ рукахъ—безъ обозначенія мѣсяца и числа):

„Но какъ сей войтъ (Сычевскій) съ протчими магистратскими членами въ несогласіе и ссоры вступилъ, по коимъ слѣдствіе по указамъ пр. Сената уже болѣе года производится, а за упорствомъ и нерѣдко съ обоихъ сторонъ предъявляемыми оправданіями и доказательствами оное донынѣ не окончено, то хотя бы по производству войтъ иногда въ чемъ либо и правымъ нашелся, однако къ правленію способнымъ уже не признавается, ибо прочіе сочлены такъ его поступками огорчены, что, кажется, въ одномъ судебномъ мѣстѣ имъ, безъ всегдашнихъ другъ на друга недовѣрокъ и нареканій, быть уже невозможно, а между тѣмъ общество въ потребныхъ росправахъ великое претерпѣть можетъ утѣсненіе. По симъ обстоятельствамъ не соизволите ль В. И. В. указать на мѣсто Ивана Сычевскаго выборъ но-

Коммиссія, обязанная руководиться, какъ при слѣдственномъ процессѣ, такъ и при постановленіи приговора, магдебургскими правами, каждый разъ требовала изъ магистрата присылки выписей тѣхъ статей, на которыя ссылались истцы или отвѣтчикъ, а 7-го сентября потребовала всего сборника этихъ правъ „къ сочиненію по доношеніямъ обоихъ сторонъ надлежащаго опредѣленія“. Магистратъ прислалъ „книги Порядокъ и Саксонъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ, тако жъ Саксонъ въ трехъ томахъ состоящій“ съ реентомъ Мих. Лукіяновичемъ, которому и просилъ „при выпискѣ изъ тѣхъ книгъ каковихъ нынѣ потребно правъ вѣрить безсумнительно“, по минованіи же надобности прислать книги обратно, „ибо и въ магистратѣ единыя токмо тѣ правныя книги состоятъ“.

Такъ какъ слѣдственная коммиссія приступила все таки къ производству дѣла и по жалобѣ мѣщанина Доброгорскаго на писаря Давыдовскаго, то въ дѣло вступилъ и новый повѣренный, представленный Доброгорскимъ, кіевскій козакъ Никифоръ Дубовскій, а затѣмъ потребовался вызовъ значительнаго числа лицъ собственно по этому дѣлу и, наконецъ, пришлось допустить и Сычевскаго „къ сказанію оправданія по дѣлу о

вому войту, по общему кіев. мѣщанъ согласію, учинить, при чемъ командующій въ Кіевѣ можетъ пристойно внушить и стараться между тѣми четырмя кандидатами и такого представить, который В. И. В. угоденъ. Мнѣ видится, что не безъ пользы было бъ, когдабъ В. И. В. въ сей чинъ хотя и штабъ-офицера изъ великороссіянъ опредѣлить изволили, ибо знатность чина главнаго члена привела бы сочленовъ къ лучшему оного почитанію и къ наблюденію точной должности, для доставленія обществу спокойной жизни и высоч. интересу надлежащей пользы. В. И. В. такимъ образомъ привилегію ихъ о выборѣ обществомъ четырехъ кандидатовъ подтвердить изволили бъ, а удостоеніе изъ оныхъ одного войтомъ отъ монаршаго Вашего зависитъ благоволенія.

Сей примѣръ служить могъ бы и для будущихъ временъ, паче же полезнымъ былъ бы интересмъ В. И. В., ибо опредѣленной изъ великороссіянъ войтомъ могъ бы исподоволь вникнуть во внутренность всѣхъ ихъ обрядовъ и разобрать всѣ въ противность правъ и съ вредомъ общества производимыя дѣла.

А нынѣшнему войту Ивану Сычевскому не соизволитель по окончаніи слѣдствія всевысоч. милость показать опредѣленіемъ его въ комисары въ учрежденную съ польскимъ кіевскимъ воеводствомъ пограничную коммиссію, къ которой онъ по знанію польскаго языка и обыкновеній, способнымъ признавается, дабы и онъ, яко заслуженой В. И. В. рабъ, безъ пропитанія остатся не могъ“.

неисправностяхъ писаря Давидовскаго“, что и тянулъ онъ до 25-го октября. Видно, не легко было работать повѣреннымъ войта при всѣхъ этихъ „сказаніяхъ“: такъ, недавно еще взявшійся за это Данилевскій „безвѣстно куда бѣжалъ“, и войтъ вновь просилъ коммиссію принять, въ качествѣ его повѣреннаго, подканцеляриста кіев. дух. консисторіи Матвѣя Лысенка, а черезъ два мѣсяца опять представилъ новаго повѣреннаго—миргородскаго козака Алексѣя Дуброву.

Сычевскій былъ крайне обиженъ тѣмъ, что коммиссія обязывала его представить дворника Гунку для допросовъ его въ коммиссіи по магистратскимъ обвиненіямъ: онъ находилъ, что „ежели отъ магистратскихъ чиновниковъ на него, Гунку, какіе имѣютъ прошенія, то бъ о удовольствіи просили его, Сычевскаго“, и жаловался на постановленіе коммиссіи генералъ-губернатору, который, однако, приказалъ, чтобы Сычевскій представлялъ своего дворника въ коммиссію „неотмѣнно“. Тогда Сычевскій представилъ довѣренность этого Гунки на имя того же своего повѣреннаго Дуброву, который и долженъ былъ давать за него отвѣты. По отвѣтамъ же этимъ пришлось вызывать для доказательствъ массу подгородниxъ жителей. что могло бы до безконечности затянуть дѣло, еслибы не послѣдовалъ ордеръ оберъ-коменданта Ельчаникова, вступившаго тогда въ управленіе губерніей, о томъ, чтобы доказательства отъ подгородниxъ жителей коммиссія получила на мѣстѣ отъ всѣхъ и не вызывала каждаго порознь. Это было уже въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. послѣ отъѣзда генералъ-губернатора Глѣбова, которому, какъ онъ ни торопилъ коммиссію окончаніемъ слѣдствія, такъ и не удалось дождаться этого окончанія. Тѣмъ не менѣе, надо думать, что, благодаря именно мнѣнію Глѣбова обо всемъ этомъ дѣлѣ, магистратъ кіевскій избавленъ былъ отъ войтовства Сычевскаго: еще на имя Глѣбова, данъ былъ именной высоч. указъ о выборѣ новаго войта, „а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто *для спокойствія* того же магистрата“, почему и предписано было магистрату произвести выборы, причемъ рекомендовано было, согласно тому же указу,

поставить въ число кандидатовъ и прокурора кiев. губ. канцеляріи Григорія Пивоварова[1]).

Уже по отъѣздѣ Глѣбова магистратъ 21-го марта произвелъ выборъ четырехъ кандидатовъ на должность войта, но, несмотря на надлежащія внушенія, Пивоваровъ въ число кандидатовъ включенъ не былъ. Для представленія результатовъ выбора въ Петербургъ командированъ былъ магистратомъ медовый шафарь Илья Скребицкій[2]). Но, видно, магистратъ потерпѣлъ неудачу. Въ іюнѣ прибылъ въ Кіевъ новый генералъ-губернаторъ Ф. М. Воейковъ, при которомъ и произведены были новые выборы кандидатовъ[3]), при чемъ избранъ былъ уже и Пивоваровъ, а 1-го ноября генералъ-губернаторъ сообщилъ магистрату о полу-

---

[1]) См. „Исторія Россіи" С. Соловьева, т. 27, стр. 29. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а Мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кіевск. губег. канц. прокурора Пивоварова". Ельчаниковъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города.

[2]) „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.", вып. 8, стр. 81. Приведенныя здѣсь свѣдѣнія и заставляютъ думать, что Глѣбова тогда уже не было въ Кіевѣ и что къ нему, какъ своему доброжелателю, могъ посылать кіевскій магистратъ депутата вмѣстѣ съ представленіемъ выборовъ, ходатайствуя объ утвержденіи того, а не другаго изъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ лично „внушить" магистрату о выборѣ Пивоварова Глѣбовъ не могъ (у Соловьева сказано: „Глѣбовъ внушалъ", надо полагать письменно).

[3]) Объ этомъ выборѣ у Соловьева разсказывается такъ: „Воейковъ началъ тѣмъ, что собралъ привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наслѣдникѣ камердинеромъ Андріевскій и кіевскаго магистрата медовый шафарь Дмитровичъ". См. „Исторія Россіи", т. 27, стр. 29.

Пивоваровъ до назначенія своего въ 1764 году іюня 9 прокуроромъ былъ коммиссаромъ пограничной съ брацлавскимъ воеводствомъ коммиссіи (См. „Ист. мат. изъ арх. кіев. губ. пр." вып. 1-й стр. 174).

ченномъ указѣ пр. Сената, утверждавшемъ Пивоварова въ должности кіевскаго войта.

Теперь для магистрата потеряло всякій интересъ продолженіе слѣдствія по жалобамъ его на Сычевскаго. Представленіе требуемыхъ въ коммиссію лицъ, преимущественно подгородныхъ жителей, соединено было съ крайними затрудненіями, причиняло и магистрату не мало безпокойства, вызывая въ этихъ лицахъ невыгодныя для него нареканія. Сычевскому же, какъ ни желательно было обличить „непорядочное" веденіе магистратскими урядниками городскаго хозяйства, теперь уже, потерявши мѣсто, не выгодно было тянуть это дѣло. Надо думать, что это и побудило обѣ стороны, какъ только состоялось назначеніе новаго войта, подать генералъ-губернатору прошеніе о прекращеніи слѣдствія. 11-го ноября и было подписано такое „мировое доношеніе", въ которомъ стороны заявляли: „какъ нынѣ мы всѣ истцы, также и я, отвѣтчикъ Сычевскій, согласясь добровольно, помирились съ тѣмъ, что мы, истцы, всѣ претенсіи, какіе ни были, оставляемъ, равнымъ образомъ и я, отвѣтчикъ, на бурмистровъ, цехмистровъ и протчихъ гражданъ доношеніе, состоящее въ 25 пунктахъ, совсѣмъ уничтожаю и оставляю съ тѣмъ, чтобъ впредь съ обоихъ сторонъ по тѣмъ произшедшимъ другъ на друга доношеніямъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ и претекстомъ отнюдь не искать и не возобновлять: того для вашего высокопревосходительства нижайше просимъ сіе наше мировое доношеніе принять и къ дѣламъ обосторонныхъ претенсій сообщить, и чтобъ по онымъ болѣе производства никакова чинено не было, о томъ куда надлежитъ предложить". Подписали: Сычевскій и 53 человѣка кіевскихъ гражданъ, разнаго рода урядниковъ [1]).

Этимъ документомъ, въ копіи сообщеннымъ въ слѣдственную коммиссію, и заканчивается ея дѣлопроизводство: коммиссія фак-

[1]) Бурмистровъ 5, писарь, райцъ 2, шафарей 17, инстигаторовъ 5, лавника 3 и рочные цехмистеры цеховъ: кравецкаго, кушнерскаго, шевскаго, ковальскаго, бондарскаго, рѣзницкаго, ткацкаго, гончарскаго, музицкаго, рыбальскаго, перепечайскаго и собранія малярскаго, сотники, урядникъ преварскихъ реестровыхъ людей и староста преварскій.

тически, такъ сказать, прекратила свое существованіе[1]). Но генералъ-губернаторъ Воейковъ, какъ видно, не считалъ себя въ правѣ прекратить производство слѣдствія, касавшагося не личныхъ какихъ-либо интересовъ, а чисто городскихъ, притомъ же начатаго по указу пр. Сената, а потому и представилъ „мировое доношеніе" въ пр. Сенатъ. Но прошелъ почти цѣлый годъ, пока получился отвѣтъ по этому поводу. Въ послѣдовавшемъ 25-го октября 1767 года на имя Воейкова указѣ сказано было, что пр. Сенатъ „и по поданному отъ нихъ мировому доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить по законамъ поручаетъ вамъ, г. генералъ-губернатору, тѣмъ паче что вамъ всѣ произшедшіе по тому дѣлу обстоятельствы найлучше свѣдомы и что кіевское мѣщанство, по именному Е. И. В. высоч. указу, состоитъ подъ единственною вашею аппелляціею, а пр. Сенатъ съ своей стороны предписать вамъ болѣе не находитъ, какъ токмо что если вы по приходнымъ и расходнымъ кіевскаго магистрата тѣхъ годовъ книгамъ усмотрите, что изъ ежегодного ихъ приходу дѣйствительно употреблено куда либо въ непозволенной расходъ или же остатками отъ прошедлого года кто изъ нихъ собственно интересовался, въ такомъ случаѣ имѣете вы то издержанное, взыскавъ съ кого надлежитъ, присовокупить къ магистратской суммѣ, да и впредь наблюдать, чтобъ какъ записка приходу ведена была исправно, такъ и расходъ чинимъ былъ на одни только городовые и другіе позволенные нужные исправленія".

Получивъ этотъ указъ, Воейковъ потребовалъ отъ магистрата обстоятельнаго репорта о томъ, за какіе именно годы войтовства Сычевскаго книги прихода и расхода не были свидѣтельствованы и если таковыя окажутся, то представить ихъ къ нему. Для свидѣтельствованія же вообще книгъ магистратскихъ онъ назначилъ надворнаго совѣтника Ефремова, причемъ, согласно мнѣнію этого послѣдняго, магистратъ обязывался на

---

[1]) За все время своего существованія коммиссія 8 разъ требовала и получила изъ магистрата разныя канцелярскія принадлежности и свѣчи, на что и израсходовалъ магистратъ за два года 5 руб. 47 коп. Изъ этихъ счетовъ видно, между прочимъ, что бумага стоила тогда бѣлая 7 коп., а сѣрая 4 к. за десть, 1/4 ф. сургуча 23 к., кварта чернилъ 2 к., сальныхъ свѣчей двѣ на копѣйку.

будущее время представлять на ревизію вмѣстѣ съ книгами и оправдательныя документы *по всѣмъ расходамъ* за подписью магистратскихъ присутствующихъ. Такое требованіе, очевидно, магистратъ признавалъ несогласнымъ съ своими правами и привилегіями, о чемъ въ обстоятельномъ доношеніи и представилъ на „благоразсмотрѣніе" генералъ-губернатора. Магистратъ настаивалъ на томъ, что, сосчитавъ своихъ расходчиковъ самъ по ихъ записямъ, въ общемъ, такъ сказать, присутствіи, онъ могъ представлять уже самыя эти записи своихъ урядниковъ, какъ документы, не прилагая никакихъ особыхъ росписокъ по мелочнымъ расходамъ при представленіи своихъ книгъ на ревизію генералъ-губернатора.

Относительно же начетовъ на магистратскихъ урядниковъ за прошлые годы у меня имѣется лишь свѣдѣніе относительно одного 1754 года, за который, по требованію Воейкова, взыскивался начетъ въ 129 р. 9 к. съ правившихъ въ томъ году бурмистра Михаила Іосифовича и райцы Семена Козельскаго. Іосифовича тогда уже не было въ живыхъ, а оставшіяся послѣ него четыре дочери дѣвицы находились въ такой бѣдности, что не только не могли уплатить начетныхъ денегъ, но и „пропитать себя отнюдь не имѣютъ чимъ". Магистратъ призналъ справедливымъ освободить ихъ отъ взысканія числившагося на отцѣ ихъ начета, о чемъ и представилъ генералъ-губернатору [1]), который уважилъ ходатайство магистрата, „съ тѣмъ однакожъ, что кіев. магистратъ не оставитъ того, чтобъ

---

[1]) „Понеже и самому магистрату довольно извѣстно, что умершій бурмистръ Іосифовичъ въ жизнь свою по разнымъ градскимъ дѣламъ, какъ сдѣсь, такъ и по отправкѣ его отъ магистрата въ Глуховъ, Москву, С.-Петербургъ и въ другія мѣста, много трудился и по онымъ дѣламъ сыскалъ полезные оному магистрату и гражданству указы, при старости жъ своей въ такое пришелъ оскуденіе и долги, что по смерти его онимъ его дочерямъ болѣе ничего не оставилъ, какъ только единого жилого двора, да и тотъ дворъ пришелъ уже въ крайную обветшалость, которой ежели къ возвращенію въ магистратскую сумму вышеписанныхъ начетныхъ денегъ продать, то тѣми оныхъ его дочерей къ тому привесть возможно, что оныя, по несостоянію ихъ къ выходу уже замужъ чрезъ прошедшіе ихъ удобные къ тому лѣта, принуждены будутъ дневнаго пропитанія лишиться и по чужимъ домамъ скитаться".

не найти какова либо средства и способу, чрезъ которой бы тѣ деньги въ магистратскую сумму возвратиться могли *хотя отъ доброхотныхъ дателей?"*... Надо думать, однако, что такихъ доброхотныхъ дателей не нашлось. Новый же войтъ, какъ видно, умѣлъ отписываться отъ генералъ-губернаторскихъ запросовъ, касавшихся городскаго хозяйства и магистратскихъ расходовъ. Относительно ревизіи этихъ послѣднихъ новый войтъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе урядниковъ кіевскаго магистрата, всячески устранявшихъ, на основаніи извѣстныхъ грамотъ, вмѣшательство въ эту область посторонних магистрату лицъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно упомянутое выше представленіе магистрата къ Воейкову отъ 18 января 1768 года: въ немъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ на грамоты и указы доказывается, почему магистратъ не обязанъ исполнить повелѣніе генералъ-губернатора о томъ, чтобы „впредь о всѣхъ приходахъ и расходахъ приходчикамъ и расходчикамъ за подписью магистратскихъ присутствующихъ давать документы и оные при книгахъ сообщать" [1]).

---

[1]) (Послѣ изложенія полученнаго отъ Воейкова ордера, слѣдуетъ ссылка на жалованныя грамоты и на книги Порядокъ и Юсъ-Муниципале).

„... Почему оные бурмистръ и райца, вступя въ правленіе той магистратской экономіи, что принадлежитъ до большихъ городовыхъ строеній и другихъ расходовъ, оные зъ общаго согласія и опредѣленія исправляютъ, а что касается до мелочныхъ расходовъ, какъ то: 1) на исправленіе и поправку подземныхъ трубъ, которыми вода въ фантальные и прочіе городовые колодези теченіе свое продолжаетъ, 2) на наемъ какъ подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ разныхъ персонъ и курьеровъ подводъ въ случаѣ неимѣнія за расходомъ почтовыхъ лошадей, такъ и къ поѣздкѣ въ разныя приказныя мѣста по магистратскимъ дѣламъ извощиковъ, 3) на подчинку въ самомъ магистратѣ и во всѣхъ питейныхъ и колодничихъ, также караульныхъ и лазаретныхъ избахъ печей, окошокъ, дверей и прочихъ необходимостей, 4) на покупку въ магистратскую канцелярію свѣчей, чернилъ, перъ, нитокъ, сундуковъ къ содержанію дѣлъ и другихъ по той канцеляріи потребностей, 1) на заплату какъ колодникамъ бываемымъ на магистратскихъ работахъ, такъ особливо и наемнымъ людямъ, за упускъ въ погреба съ купленымъ хлѣбнымъ виномъ бочекъ, 6) на исправленіе къ тѣмъ же магистратскимъ и городовымъ работамъ инструментовъ какъ то—заступовъ, лопатъ, свердловъ, топоровъ, да на косовицу вилъ, грабель и прочихъ къ тому потребныхъ припасовъ, 7) на покупку состоящимъ на почтѣ лошадямъ овса и на исправленіе на ту почту какъ вновь, такъ и на подчинку возовъ, саней и упряжи, а особливо и на деготь, 8) на покупку какъ съѣстныхъ, такъ и питейныхъ припасовъ для обсылки, по давнему обыкновенію, въ нарочные Рождества и Воскресенія Христова праздники и въ высокоторжественные дни, такъ и въ

Въ этомъ представленіи находимъ, между прочимъ, довольно обстоятельное перечисленіе тѣхъ расходовъ, которые, въ качествѣ мелочныхъ, производились рочными бурмистромъ и рай-

---

праздники жъ гдѣ храмъ есть, священниковъ и въ монастыри и переѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и бываемымъ здѣсь по разнымъ дѣламъ и коммиссіямъ, а особливо и на содержаніе опредѣляемыхъ зъ разныхъ приказныхъ мѣстъ по дѣламъ градскимъ слѣдователей и бывшихъ при нихъ канцелярскихъ служителей,—

то оные всѣ мелочные расходы тѣ годовые бурмистръ и райца, по давнему обыкновенію, ко исправленію поручаютъ опредѣляемымъ ими, по усмотрѣнію ихъ, годовымъ же присяглымъ урядникамъ, выдавая имъ на всѣ тѣ мелочные расходы деньги съ записками и росписками, и притомъ за оными урядниками и сами тѣхъ же мелочныхъ расходовъ наблюдаютъ и по окончаніи года въ оныхъ расходахъ противъ имѣющихся у тѣхъ урядниковъ записокъ самы считаютъ; ибо какъ тѣ мелочные расходы непрестанно, а иные съ нихъ и въ единъ день сколько кратъ бываютъ, ежели объ нихъ подавать письменные доклады и по онымъ ожидать опредѣленій, то 1-е) что зъ того немалое происходить можетъ затрудненіе; 2-е) что для сочиненія тѣхъ докладовъ необходимо потребно будетъ учредить особливую контору и въ оную опредѣлить особливыхъ же канцелярскихъ, зъ чего оному магистрату не малый излишній воспослѣдовать можетъ убытокъ, 3-е) что дожидаясь по тѣмъ докладамъ опредѣленій, можетъ въ тѣхъ мѣлочныхъ, а паче въ экстраординарныхъ расходахъ произойти крайняя остановка, чрезъ что какъ тѣмъ годовымъ бурмистру и райцѣ, такъ и самому магистрату иногда не подпасть бы къ какому отвѣту и взысканію; къ томужъ и учиненная онымъ бурмистру и райцѣ отъ всѣхъ обще гражданъ въ той магистратской экономіи довѣренность и древнія обыкновенія останутся не въ силѣ. По вышеизображеннымъ же утвержденнымъ магистрату кіев. майдебурскимъ правамъ, управленіе городовой экономіи болѣе возложено на годовыхъ бурмистра и райцу, а чтобъ, имъ по той экономіи безъ письменнаго докладу и опредѣленія ничего не дѣйствовать, то по онымъ правамъ не значится.

Въ пополненіе жъ того, въ силу утвержденнаго магистрату майдебурскаго права и указа Пр. Сената 1739 года, оные бурмистры и райцы въ тѣхъ магистратскихъ приходахъ и расходахъ предъ старшими и знатнѣйшими зъ посполства даютъ отчетъ, какъ уже и за бытности Вашего Высокопревосходительства троихъ годовъ—оные бурмистры и райцы дѣйствительно считаны и по свидѣтельству самимъ магистратомъ тѣхъ счетовъ, какъ оные, такъ и подлежащіе по большимъ расходамъ документы, по освидѣтелствованію жъ къ В. Впр—ву взнесены были, которые опредѣленнымъ отъ В. Вп—ва надв. сов. Ефремовымъ и ревидованы, и каковы на комъ по *учиненнымъ въ магистратѣ* кіевскомъ счетамъ и по освидѣтельствованію оного над. сов. Ефремова явились начетныя деньги, оные съ нихъ взысканы и къ магистратской суммѣ причислены".

Подписали это доношеніе: Григорій Пивоваровъ, бурмистры (и степенный) Данило Величковскій, Василій Балабуха, Аѳанасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, бурмистръ и депутатъ Іосифъ Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій, райцы: Иванъ Силенко Нечай, Ѳедоръ Гизенко, Іосифъ Козельскій, Герасимъ Кувичинскій.

цею безъ всякаго доклада магистрату и общаго въ немъ опредѣленія. Такъ какъ представленіе это подписано и Пивоваровымъ, то можно думать, что и онъ не раздѣлялъ тѣхъ претензій, какія предъявлялъ войтъ Сычевскій относительно названныхъ мелочныхъ расходовъ, требуя и по нимъ особыхъ докладовъ магистрату или „ордеровъ“ войта.

Требованія же ген.-губ. Воейкова, желавшаго установить особый контроль надъ магист. хозяйствомъ, несомнѣнно вытекали изъ имѣвшихся у него объясненій войта Сычевскаго, которыя представляли въ этомъ случаѣ обильный матеріалъ, хотя и не всегда доброкачественный, для знакомства съ положеніемъ этого хозяйства. Хотя „доношеніе“ Сычевскаго отъ 19 апрѣля 1764 г. и не было предметомъ слѣдственнаго производства, но несомнѣнно, что въ рукахъ новаго генералъ-губернатора оно своими 25-ю пунктами набрасывало тѣнь на дѣятельность магистратскихъ чиновъ въ сферѣ хозяйственной,—возбуждало подозрѣнія, вызывало особыя мѣры для надзора надъ магистратскою экономіею, часто несогласныя ни съ дѣйствительно утвержденными правами магистрата, ни съ установившимися въ немъ издавна по обычаю порядками. Но подвергнуть разбирательству слѣдственной коммиссіи всѣ указанные Сычевскимъ „непорядки“ городскаго хозяйства не пришлось и Воейкову, который не закрывалъ формально коммиссіи до самаго января мѣсяца 1770 года, когда все слѣдственное производство было сдано въ архивъ. Вѣроятно, не безъ напоминанія обѣихъ сторонъ, магистрата и Сычевскаго, 30 іюня 1769 г. послѣдовалъ изъ пр. Сената на имя Воейкова указъ, которымъ повелѣно было „тому ихъ мировому доношенію быть въ своей силѣ, для чего и учрежденную на то слѣдственную коммиссію оставить и производимое дѣло взявъ отдать въ архивъ“.

Ал. Андріевскій.

Приложеніе.

Доношеніе войта Сычевскаго, поданное на Высочайшее имя въ Кіев. Губ. Канц. 19 апрѣля 1764 года.

„Въ прошломъ 1755-мъ году имяннымъ указомъ святоусопшей великой государини императрицы Елисаветъ Петровны опредѣленъ я, нижайшій, въ городъ Кіевъ войтомъ, и въ томъ моемъ чину каковые дѣйствительно усмотрѣлъ по магистрату кіевскому въ издержаніи напрасно немалой магистратской суммы убытки, опредѣленной отъ вел. государей всероссійскихъ подтвердительными, по привилегіямъ королей польскихъ, высоч. грамотами на содержаніе города Кіева и въ завладеніи къ оному городу общихъ принадлежащихъ земель разными чинами и прочіе непорядки, о томъ, по присяжной моей должности, дерзаю съ рабскою своею должностію Вашому Императорскому Величеству подъ высоч. благоразсмотрѣніе всенижайше поднесть.

1. Кіевскіе магистратовые чиновники и мѣщане въ принадлежащихъ къ магистрату селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ искупили отъ нѣсколько лѣтъ самовольно живущихъ многихъ обывателей, кои до того всѣми сборами съ нихъ надлежали въ магистратскую сумму, яко то въ платежѣ поземельщины, въ дачѣ десятиннаго хлѣба, съ промысловъ дегтевыхъ, въ платежѣ денегъ; а они, магистратскіе чиновники и мѣщане, по скуплѣ у тѣхъ обывателей, устроя на земляхъ ихъ довольные хуторы, яко то винокурни, пруды, мельницы, по обязательствамъ въ магистратъ съ мельницъ надлежащихъ сборовъ не даютъ, а съ казановъ показанщины ничего не платятъ, и сверхъ того многими магистратскими завладѣли землями и тамошнихъ жителей въ послушаніе свое поработили, а за отходомъ тѣхъ обывателей съ подъ владѣнія магистратскаго въ прибыляхъ магистрату не малой послѣдовалъ ущербъ.

2. Бурмистръ и райца рочные на островахъ сѣнокосные луга магистратскіе безъ общаго опредѣленія, но самоизвольствомъ своимъ, сами искашиваютъ и заводятъ косить всѣмъ бурмистрамъ и райцамъ не очереднымъ и другимъ постороннимъ чиновникамъ, кои отъ многихъ лѣтъ оными лугами и завладѣли, яко собственными своими, а инымъ урядникамъ, въ нарушеніе интереса магистратскаго, во вѣчное владѣніе ствердить отважились; тѣ же луга разнымъ стороннимъ людямъ косить съ половины отъ себя даютъ и доводящеюся половинною частію сѣномъ сами партикулярно корыстуются, а на почтовыхъ лошадей сѣно на тѣхъ же лугахъ за деньги магистратскіе косятъ, показывая на то расходу до шестидесятъ рублевъ, и

оное за деньги магистратскіе кошенное сѣно рочные бурмистръ и райца при исходѣ своего года въ домы свои забираютъ, а поступающіе по нихъ въ самую распутицу дорогою цѣною, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, покупаютъ сѣно на почтовыя лошади до травы по своему изволенію безъ общаго опредѣленія, съ чего въ приходѣ магистратскомъ знатной убытокъ происходитъ, какъ оной расходъ по книгамъ ихъ явствуетъ.

3. На магистратской землѣ заведенные грядины охочіе люди съ отдачею въ магистратъ поземельщины сѣютъ разную огородину и оные грядины, по усмотрѣнію своему, кому хотятъ по установленной отъ себя цѣнѣ рочные бурмистры и райци заводятъ; такожъ съ магистратскихъ наемныхъ лавокъ, въ мясномъ, крамномъ и житномъ рядахъ имѣющихся, куницу и сторожевое, съ вина волоскаго отъ продавцовъ шинковое, отъ всякаго двора поворотное и съ бань торговыхъ за откупъ квасковъ ячныхъ и съ разныхъ брагъ, съ преварскихъ, сырецкихъ и куреневскихъ обывателей куницу и съ земли сами собою, безъ докладу и опредѣленія магистратскаго, чрезъ опредѣленнаго отъ себя урядника и магистратового канцеляриста выбираютъ, и что оныхъ сборовъ и съ кого именно получатъ, яснаго показанія ни по третямъ, ни по окончаніи года въ магистратъ не представляютъ для прикрытія получаемыхъ съ того корыстей; оной же суммы въ годъ собирается болѣе тысячи рублевъ.

4. Имѣющимся внѣ города Кіева, разстояніемъ въ шесть верстъ, на рудни Преварки ранговымъ хуторомъ, т. е. мельницею и винокурнею, прежніе войты владѣли чрезъ многіе года и потому, слѣдовательно, и я, нижайшій, съ пожалованія моего въ тотъ чинъ, на рангъ тотъ хуторъ содержалъ и пользовался, и поселенные тамо на Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ съ разныхъ мѣстъ захожіе люди на магистратской землѣ въ магистратъ поземельщину платятъ, а особливо, яко оные въ числѣ мѣщанъ кіевскихъ не считаются, по старинному установленію отъ магистрата, такъ бывшимъ войтомъ, яко и мнѣ, до прописанного хутора безъизъятно послушны были привозомъ къ оной ранговой винокурни дровъ и прочихъ къ тому надобностей; а нынѣ бурмистры и райцы самовольно вышеписаннымъ людямъ, по недоброхотетву ко мнѣ, приказали никакова послушанія не исполнять, безъ всякаго о томъ вышшей команды разсмотрѣнія и опредѣленія, отчего тотъ мой ранговой хуторъ впустѣ остался и я чрезъ немалое время съ оного никакой прибыли не получаю.

5. Бурмистръ и райца ежегодно, по перемѣнамъ вступя въ магистратскую экономію, безъ вѣдома войта покупаютъ простое вино у людей разнаго званія и съ оными сами одинолично договоръ

имѣютъ на немалую сумму т. е. отъ двадцати семи и осьми до тридцати тысячъ ратушныхъ десятиквартовыхъ ведръ, и при пріемѣ оного вина у продавцовъ по договору взымаютъ помѣрное, т. е. отъ всякаго ведра по полкварты, и тако бываетъ ежегодно въ приходѣ одного помѣрнаго безденежно отъ двадцати тысячъ тысяча, а отъ тридцати тысячъ—тысяча пятьсотъ ведръ, съ котораго помѣру употребляютъ, по усмотрѣнію своему, на войта, бурмистра и райцу рочныхъ, писаря и другихъ магистратскихъ урядниковъ и канцелярскихъ служителей по нѣкоторой части; а сколько оной горѣлки числомъ ведръ отъ продавцовъ получатъ и что изъ оной кому сколько произведется и что въ остаткѣ бываетъ, о томъ въ книги счетныя не вносятъ и въ магистратъ къ счету не представляютъ; тое же покупное вино они, райца и бурмистръ, принимаютъ отъ продавцовъ на мѣру, именуемую сотникъ, въ коемъ показываютъ якобы десято-квартовыхъ ведръ входитъ по десяти, а по вѣрной справкѣ въ оной мѣрѣ сотнику сверхъ является по три кварты, и таковыя фальшивыя мѣры, сотникъ именуемой, и кварты подѣлавъ, сами отъ себя, въ противность праву магдебурскому, безъ опредѣленія магистратскаго, печатью магистратскою заклеймуютъ и отдачу въ шинки чрезъ кварталовыхъ урядниковъ производятъ; и что съ таковыхъ подступныхъ мѣръ каждаго года прибыли является, никакой наличности не показываютъ, но съ того сами собою они, бурмистръ и райца, при отдачѣ шинкарямъ взымаютъ у нихъ отъ ведра по копѣйкѣ, а кварталовые урядники отъ всякой бочки по 25 и 50 копѣекъ, а на усушку и на расходы разные, ими, бурмистромъ и райцею рочными, употребленные, и въ дачу, кому пожелаютъ, на порцію оной горѣлки, ставятъ расходъ съ налично купленной на магистратъ горѣлки, коей усушки въ годъ, по разсмотрѣнію своему, представляютъ до 350 ведръ, да на порцію до 258 ведръ и съ того числа иногда на усушку натурою показываютъ, а иногда деньгами полагаютъ 200 рублевъ и тое въ годовыхъ книгахъ означаютъ.

6. Оные жъ бурмистръ и райца рочные за магистратскую сумму съ купленной на магистратскую прибыль горѣлки употребляютъ на поклоны сами отъ себя ежегодно расходъ въ праздники Воскресенія и Рождества Христова войту, бурмистрамъ и райцамъ, писарю и прочимъ чиновникамъ магистратскимъ, не только налично служащимъ, но измершихъ жонамъ, да особливо въ тѣ жъ празденства и въ высокоторжественные дни на поклоны съ магистратской суммы покупку вина волоскаго, сахару, хлѣба, мяса, курей, гусей, утокъ и рыбы исправляютъ и съ того обсылки чинятъ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ и о томъ, учиня валовыя вѣдомости, представляютъ въ

расходѣ болѣе тысячи рублевъ, показывая таковое произвожденіе по давнему узаконенію, а отъ кого таковое учрежденіе узаконено, какъ давно и почему,—о томъ никакихъ опредѣленій и на оные подтвержденій при магистратѣ не видится, и подъ показаніемъ воловаго вѣдомостью расхода по видимому сами они, рочные бурмистръ и райца, съ согласниками не малую прибыль имѣютъ, для чего именныхъ о тѣхъ расходахъ вѣдомостей—сколько, когда и кому произведутъ—не подаютъ.

7. Рочные бурмистръ и райца сами собою, безъ магистратскаго опредѣленія, съ покупкой магистратской горѣлки простой на водку двоятъ и сахаромъ да пряными зельями и медомъ покупнымъ съ суммы магистратской заправляютъ и изъ той водки чрезъ опредѣленного урядника въ продажу и на поклоны разнымъ людямъ и чиновникамъ магистратскимъ производятъ, и оному уряднику годовой платежъ и акциденціи безъ всякаго отъ магистрата разсмотрѣнія и опредѣленія производятъ; а сколько въ годъ на тую водку вина простого сойдетъ и водки въ наличности примутъ и прянаго зелья и сахару и меду, у кого куплено бываетъ и что въ продажу и по какой цѣнѣ произведется, а особливо на поклоны и по какой надобности, за чьимъ опредѣленіемъ отпустится, о томъ ясныхъ вѣдомостей при окончаніи года для разсчету въ магистратъ не представляютъ, кромѣ показанія издержанной на то всей суммы по прошествіи многаго времени въ книгахъ своихъ годовыхъ вносятъ, почему въ магистратѣ о наличности показанной двойной горѣлки знать не по чему и о ненадлежномъ отпускѣ оной на поклоны учинить точной справки и тѣмъ напрасно производимую магистратскую сумму пресѣчь невозможно.

8. Ежегодно съ собранія общаго, называемаго елекція, поставляются по одному человѣку въ шафари, медовой и пивной, кои, принявъ въ свое вѣдомство магистратскіе бровары, покупаютъ на вареніе ими пива, меду и раздаютъ въ шинки на продажу, а особливо тотъ же медъ и пиво къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова производятъ на обсылку войту, бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ, инстигаторамъ, вдовамъ, женамъ бурмистерскимъ и раецкимъ, и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ, да особливо годового войту, бурмистру, райцу и писарю меду по двѣ мѣрницы, да пива по четыре мѣрницы; при томъ же въ случающіяся коммиссіи по немалому числу отправляютъ; изъ того за тотъ медъ и пиво весьма малая прибыль въ магистратъ приходитъ, а иногда не только прибыль, но и убыль въ потеряніи магистратовой суммы является, на оныя же безденежныя дачи пива и меду выходитъ на сумму до трехсотъ рублей

9. Оные жъ рочные бурмистръ и райца покупное вино шинкарямъ въ магистратскіе шинки и въ разныхъ мѣщанскихъ домахъ кому хотятъ производятъ и съ оныхъ за таковое произвожденіе въ ту должность взымаютъ деньги по пяти и больше рублевъ; а тѣ шинкари, не имѣя за трудъ свой никакого награжденія, подставляютъ на проданное вино свои обидливыя мѣры и чрезъ то въ продажѣ вина на тѣ мѣры остановка чинится; сколько же шинкарей и домовъ шинковыхъ въ годъ и что произведено, о томъ для прикрытія своего подлогу въ магистратъ ни по мѣсячно, ни по третямъ года не репортуютъ, да и по прошествіи года, спустя много времени, сколько по своему усмотрѣнію пожелаютъ, на толикое число объ оныхъ шинкаряхъ и домахъ шинковыхъ въ книгахъ своихъ вѣдомости представляютъ.

10. Въ большой шинкъ магистратскій, называемый шпыкьнѣръ, бурмистръ и райца рочные отдаютъ магистратскую горѣлку на продажу, наливая оную въ имѣющіяся тамо большія бочки, называемыя буты, въ кои буты входитъ до 540 ведръ, и ту отдачу называютъ они фура; а при продажѣ той горѣлки опредѣленные къ тому урядники и наливайки, принимая отъ покупщиковъ деньги, вметаютъ въ запечатанную отъ оныхъ бурмистра и райцы скрынку въ скважину; по изшествіи же всякой фуры собранныя деньги съ тою запечатанною скрынкою приносятъ къ бурмистру и онъ съ райцею, вычитавъ по отдачи ведръ надлежащія деньги въ сумму магистратскую, а остальныя, называемыя ими скапины, коихъ чрезъ обманную продажу въ остаткѣ является на всякой фурѣ до 20-ти и больше рублей, у себя оставляютъ; а оныхъ фуръ выходитъ въ годъ по 15, либо по 16, и тако чрезъ круговой годъ, на всякой фурѣ смекая по 20 рублевъ, обходится триста рублевъ и болѣе, кои деньги оные рочные бурмистръ и райца на себя раздѣляютъ, какъ то съ оныхъ денегъ бурм. Аѳанасій Александренко и райца Іосифъ Гудимъ принесли мнѣ, войту, въ процентъ однажды двадцать рублевъ.

11. Рочные бурмистръ и райца сами собою, по обычаю прежнему, сытя медъ, называемой бурмистерской, покупая оной и надлежащія къ тому для разсыченія потребности съ магистратской суммы, отдаютъ въ продажу въ магистратскіе шинки шинкарямъ и тотъ же медъ раздаютъ въ праздники Рождества и Воскресенія Христова войту, бурмистрамъ, райцамъ, писарю и кому хотятъ, по своему изволенію; да годового войту, бурмистру, райцу и писарю по двѣ мѣрницы, тако жъ воску войту 12 фунтовъ, а бурмистру, райцѣ и писарю и прочимъ, по сколько кому хотятъ, а къ Рождеству Христову меду патоки войту одно ведро, бурмистрамъ, райцамъ и

писарю и прочимъ по скольку кому хотя, и такова безденежной дачи расхода ежегодно приходитъ болѣе ста рублевъ.

12. Бочки, покупаемыя съ горѣлкою у разныхъ продавцовъ, и по исходѣ горѣлки коихъ бываетъ въ годъ до шестисотъ, они, бурмистръ и райца рочные, спродываютъ охочимъ людямъ всякую бочку отъ 30 до 40 копѣекъ, и съ оныхъ денегъ войту въ презентъ даютъ по 20 рублевъ, а иные бурмистръ и райца въ своемъ году и ничего не даютъ, а прочіе деньги оные бурмистръ и райца на себя употребляютъ и о томъ въ магистратъ не репортуютъ и въ книгахъ своихъ годовыхъ не показываютъ, за оныя же всѣ бочки въ годъ прихода бываетъ до 150-ти рублевъ.

13. На почтовой магистратовой дворъ опредѣляется одинъ урядникъ и къ нему для письменныхъ дѣлъ канцеляристъ, кои и содержатъ съ магистратской суммы семь человѣкъ почтарей, производя всякому въ годъ по 16 р., и по приказу бурмистра и райцы рочныхъ, лошади, овесъ, снасти, упряжь и прочія потребности къ гону лошадей исправляютъ; и оного урядника иногда по четвертямъ года сами собою бурмистръ и райца перемѣняютъ безъ докладу о томъ въ магистратъ, а сколько чрезъ круговой годъ въ остаткѣ бываетъ годныхъ и негодныхъ лошадей, снастей, овса и другихъ всѣхъ потребностей, и такъ о годовомъ расходѣ, яко и объ оставшихся наличностяхъ именной вѣдомости ни по третямъ, ниже по прошествіи года, но спустя не малое время представляютъ весь расходъ въ своихъ книгахъ; а на оной почтовой дворъ отъ пятисотъ до тысячи рублевъ въ расходѣ въ годъ издерживается, какъ они, бурмистръ и райца, въ своихъ книгахъ показываютъ; съ чего видится, что они, бурмистръ и райца рочные, съ того почтоваго двора прибыль себѣ партикулярно имѣютъ.

14. Плоты дубовые, сосновые, строевые и дровяные, съ нагрузомъ, драны, на строеніе вновь и на починку мостовъ, караулень, полисадника, для покрытія ветхихъ магистратскихъ шинковъ, казенныхъ амбаровъ,—рочные бурмистръ и райца сами покупаютъ и сколько на то все и на какую надобность употреблено бываетъ магистратской суммы, никакихъ именныхъ вѣдомостей, ниже рапортовъ, по третямъ либо по прошествіи года не подаютъ; но продолживши не малое время, въ книгахъ своихъ показываютъ; съ оного же лѣсу войту, бурмистру, райцѣ, писарю, урядникамъ и прочимъ канцелярскимъ и другимъ служителямъ дачу производятъ до тысячи колодъ на сумму сто рублевъ и болѣе, да особливо драни войту, бурмистру, райцѣ и писарю 4000 на сумму 24 рубли, а о дачѣ оного лѣсу по крѣпостямъ утвержденія не имѣется.

15. Годовой платежъ чиновникамъ, при магистратѣ служащимъ, до найпослѣднѣйшого слуги, рочные бурмистръ и райца сами собою производятъ съ магистратской суммы безъ всякой на то магистратской ассигнаціи, и кому что произведено и за какую службу— именныхъ вѣдомостей ни по третямъ, ни по окончаніи года не представляютъ, но спустя не малое время въ книгахъ своихъ показываютъ; и сколько чиновниковъ и слугъ при магистратѣ и въ рядахъ должно содержать и на какомъ именно о платежѣ договорѣ, о томъ опредѣленія отъ магистрата не требуютъ, а отъ такого непорядка не что иное, какъ трата магистратской суммы усматривается.

16. Въ г. Кіевѣ при цехахъ кушнерскомъ, кравецкомъ, ковальскомъ, шевскомъ, рѣзницкомъ, рыбальскомъ и прочихъ имѣющіеся цеховые дворы и при оныхъ погреба отдаются въ наемъ по 20 рублевъ и тѣ деньги цехмистры рочные на себя взымаютъ, да въ тѣхъ же дворахъ продаются меды, прозываемые канунные, и какъ оной медъ, и свѣчи восковыя цехмистры на себя взымаютъ и прочимъ по своему усмотрѣнію, сколько кому хотя, въ дачу производятъ и съ того прибыли партикулярныя себѣ получаютъ; а въ продажѣ въ магистратскихъ шинкахъ меду остановка происходитъ; и другіе сборы по древнему узаконенію въ скрынку цеховую отъ ремесленыхъ людей собираются, а сколько оныхъ приходовъ всего въ наличности и съ чего на что въ расходѣ употребляется, въ магистратѣ ничего того неизвѣстно; въ тѣ же цехи цеховые кромѣ себя выбираютъ и перемѣняютъ, безъ дозволенія и опредѣленія магистратскаго, цехмистровъ неграмотныхъ и неуправительныхъ, которые не точію общаго прихода въ цѣлости содержать не могутъ, но и суды и росправы между собою маловажные производя, вмѣсто штрафа виновныхъ принуждаютъ къ покупкѣ вина волоскаго и горѣлки для удовольствія своего, либо налагаютъ на виновныхъ необычайной штрафъ; да иногда цехмистры съ своими ремесленными собираются въ цеховой домъ, вынимая изъ скрыньки общую сумму, покупаютъ вино волоское и горѣлку для своего удовольства, чрезъ что въ пріобрѣтеніи какова либо добра городу не имѣется.

17. Во время бываемой ежегодной елекціи на урядовые магистратовые—рочныхъ бурмистра, райцы, шафарей, лавника, инстигатора и урядниковъ—по окончаніи оной елекціи, рочные бурмистръ и райца даютъ для попою собравшемуся множество народу горѣлку магистратскую и, позвавъ всѣхъ церквей градскихъ священниковъ и ихъ причетниковъ, такожъ магистратовыхъ чиновниковъ въ магистратскую палату, на разныхъ столахъ трактуютъ съ магистратской суммы довольными заѣдками и подношеніемъ при томъ разнымъ довольнымъ же питьемъ, отчего напрасная трата умножилась.

18. По утвержденнымъ отъ святоусопшихъ В. И. В. предковъ высочайшимъ грамотамъ королевскіе привилія пожаловано войту, да бурмистру одному и райцы одному годовой платежъ; магистрата же кіевскаго войтъ съ бурмистрами и райцами съ общаго согласія, по усмотрѣнію своему, положили платежъ ежегодно производить: писарю магистратовому по 60 р., реенту письменныхъ дѣлъ по 40 р., медовому и пивному двумъ шафарамъ по 20 р., лавнику 20 р., городничему—40 р., инстигатору 16 р., урядникамъ 15-ти человѣкамъ каждому по 12 р., всего 180 р.; канцеляристамъ 15-ти человѣкамъ отъ 10 до 20 р. по усмотрѣнію,—всѣмъ 225 р., наливайкамъ тремъ по 8 р. всѣмъ 24 р., потыжникамъ тремъ по 10 р. всѣмъ 30 р., почтарямъ семи человѣкамъ по 16 р. всѣмъ 64 р., слугамъ магистратскимъ—13-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 104 р., сторожамъ тюремному и магистратскимъ четыремъ человѣкамъ по 10 р. всѣмъ 40 р., сторожамъ каморнымъ 19-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 152 р., часовому мастеру по 15 р., да воловикамъ, кои изъ улицъ въ городѣ навозъ свозятъ, шести человѣкамъ всѣмъ обще 156 р., итого всей суммы тысяча двѣсти шестьдесятъ восемъ рублевъ; а объ ономъ окладѣ и необходимо ль потребно при магистратѣ показанное число чиновъ и слугъ и всѣмъ ли имъ на денежномъ довольствіи, и на какомъ кому именно находиться, либо по усмотрѣнію маловажной должности каковымъ съ нихъ, чиновникамъ и слугамъ, за вольность, по очереди ту опредѣляемую имъ должность нести,—о томъ никакого утвержденія оной магистратъ ни отколь не имѣетъ; магистратская же вышеписанная сумма безъ таковаго утвержденія подъ сумнительнымъ видомъ производится.

19. На канцелярскіе расходы, бумагу, сургучъ, свѣчи сальныя, перья и чернило, оные жъ рочные бурмистръ и райца сами собою покупаютъ и исправляютъ чрезъ цѣлой годъ, а по окончаніи года о томъ вѣдомостей для счету не даютъ, но спустя многое время въ книгахъ своихъ издержанную на то сумму показываютъ, закрывая съ того свое пользованіе.

20. Оные жъ рочные бурмистръ и райца магистратскую сумму содержатъ въ своихъ рукахъ подъ особливымъ своимъ вѣдомствомъ и сколько оной ежегодно въ наличности имѣется и въ расходъ произойдетъ, о томъ по третямъ года, ниже по окончаніи оного, вѣдомостей мнѣ, войту, и въ магистратъ не представляютъ, но по своему изволенію о той суммѣ въ нѣсколько годъ однѣ книги подаютъ, съ чего примѣчается, что оные бурмистръ и райца тою суммою партикулярно пользуются; другіе же бурмистръ и райца, по

очереди вступивъ въ правленіе магистрата, яко бы за неимѣніемъ при магистратѣ наличныхъ денегъ, свою сумму до нѣсколько сотъ рублевъ въ заемъ вносятъ и оныя деньги продолжая нарочито во обращеніи экономіи магистратской берутъ проценты и тѣ проценты въ книгахъ своихъ безъ зазору показываютъ.

21. На каналѣ, продолжающемся съ вершины Кудрявца въ самой Днѣпръ рѣку, испрежде устроены были отъ магистрата три мельницы по ряду, изъ коихъ не точію въ магистратъ знатная прибыль была, но вящше того, Боже сохрани пожарнаго случая, за окруженіемъ онымъ каналомъ третей части города Кіева, всего общества цѣлости состояла; тѣ же мельницы отъ нѣсколько лѣтъ до основанія разорились и каналъ весь въ такую порчь пришелъ, что и обывательскіе домы повредилъ; за неприращеніемъ же, по вышеизображенному несостоянію въ магистратской экономіи, суммы, а паче что изъ той суммы опредѣленные отъ магистрата, безъ согласія войта, иногда и по маловажнымъ дѣламъ, да и по своимъ партикулярнымъ, несъѣздне въ С.-Петербургѣ проживая, не однотысячные расходы денегъ издержуютъ, оныхъ мельницъ и канала и другихъ необходимыхъ надобностей городскихъ поисправить попрежнему не съ чего.

22. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторые рочные бурмистръ и райца съ магистратской суммы приносятъ войту въ презентъ ралцу по пяти рублевъ и себѣ съ той суммы по пяти жъ рублей ралецъ взымаютъ, изъ чего трата магистратской суммы продолжается напрасно, а особливо цехмистры всѣхъ цеховъ, собирая отъ своихъ подсудственныхъ ремесленыхъ людей по немалому числу денегъ, въ тѣ жъ празднества приносятъ войту отъ большихъ четырехъ цеховъ четыре рубли, а изъ иншихъ поменьше, и таковые подобные ралцы производятъ бурмистру, райцѣ и писарю, а сами цеховые изъ той же суммы трактируются; такожъ отъ селъ Преварки, Сырца и Куреневщины староста, собирая съ обывателей тамошнихъ таковые жъ сборы, приносятъ ралцу войту по одному рублю, да бурмистру, райцѣ и писарю по 50 к. и по нѣсколько домовыхъ птицъ. Высокомонаршими же грамотами всемилостивѣйше утверждено съ мѣщанъ кіевскихъ никакихъ сборовъ не собирать; кои грамоты внуша, войтъ поудержался показанные ралцы принимать, а бурмистры, райцы и писарь до днесь взымаютъ.

23. Въ мясницкой скотобойнѣ, чтобъ цехмистры мясницкіе отъ скота разного, приводимого на убой въ бойню, и рыбальскіе старосты отъ рыбалокъ и другихъ пріѣзжающихъ съ рыбою людей никакихъ сборовъ не собирали, о томъ прежними указами въ магистратъ накрѣпко запрещено; однако они, мясницкіе цехмистры и

старосты рыбальскіе, презирая тое запрещеніе, отъ оного скота и рыбы понынѣ сборы собираютъ, да у рыбалокъ городскихъ и пріѣзжихъ людей перекупщики разные, покупая рыбу свѣжую и другую разную дешевою цѣною, продаютъ оную въ народъ двойною либо иногда и тройною цѣною съ самого утра до двѣнадцатого часа и далѣе, отчего здѣшніе жители въ покупкѣ оной рыбы имѣютъ тяжесть; а по указамъ и по праву магдебурскому дозволено перекупщикамъ хлѣба, рыбы и прочихъ съѣстныхъ вещей вольную продажу имѣть по прошествіи двѣнадцатого часа; и въ семъ 1764 году, въ бывшую элекцію, отъ мѣщанина кіевскаго Григорія Бѣлявскаго всему обществу о показанномъ съ скота сборѣ и на перекупщиковъ принесена была жалоба. Прочіе же сборы, каковы урядники магистратовые по самовольству съ разныхъ статей, яко то съ вагового, помѣрного и съ мѣстъ пустыхъ, въ противность высокомонаршихъ грамотъ запретительныхъ указовъ, на себя собираютъ и оными пользуются, объ оныхъ изъяснить подробно невозможно, для того что тѣ сборы собираютъ они тайно безъ вѣдома и согласія войта.

24. Магистратскіе урядники и мѣщане кіевскіе, имѣя винокуренные свои заводы, кои съ нихъ видомъ показываются въ экономіи магистратской первые рачители, а на ихъ смотря и прочіе въ городѣ Кіевѣ и въ селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ, гдѣ оные винокурни содержатъ, въ нарушеніе высокомонаршихъ грамотъ, виномъ шинкуютъ на кварты и ведра тайно дешевшею цѣною противъ установленной на продажу того вина магистратской цѣны, отчего въ прибыли магистратской суммы знатный ущербъ продолжается. Но что оные урядники по всей экономіи магистратской войту противны и не послушны, а при магистратѣ къ разныхъ должностяхъ служащіе о томъ подлинно вѣдая, но опасаясь отъ нихъ, урядниковъ, въ случаѣ доказательства, напраснаго разоренія, принуждены за страхъ молчать, для того оной продажи тайной вина пресѣкти не можно крайне. Въ оное же куреніе вина вступили многіе изъ купечества и мастеровыхъ людей, съ коихъ прежде городъ пользовался и процвѣталъ, а нынѣ они, промыслы и мастерства оставивъ, проживаютъ время на винокуреніи напрасно. Оного жъ винного куренія урядникамъ, мастеровымъ и мѣщанамъ по всѣмъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ содержать, а пользоваться имъ свободно, по высокомонаршимъ грамотамъ, съ купеческаго промыслу и отъ мастероваго рукодѣлія.

25. Въ высокомонаршихъ В. И. В. предковъ, Государей Всероссійскихъ, грамотахъ и привиліяхъ королей польскихъ изображено: 1-е) въ грамотѣ Вел. Гос. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича

7162 года іюля 16 д., между прочимъ, пожаловано войта Богдана Самковского и бурмистра да райцу съ товарищи прежними правами и привилегіями, каковые даны имъ отъ королей польскихъ, и тѣхъ правъ и прилегіевъ ни въ чемъ нарушать не велѣно; 2 е) въ грамотѣ В. Г. Императора Петра І-го въ 7207 г. апрѣля 10 д., пожаловано войта кіевскаго Ивана Быковскаго и весь магистратъ, по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ отца Его Государева, такожъ и Брата Его жъ Государева и по привиліямъ королей польскихъ, и между прочимъ повелѣно войту и урядовымъ управлять магистратъ и судъ магдебурскій и строить нижній городъ; 3-е) въ грамотѣ Г. И. Елисаветъ Петровны 1755 г. декабря 31 д. изъ кол. Ин. Д. всемилостивѣйше повелено секундъ-маіора Ивана Сычевскаго кіевскаго магистрата бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ и инымъ магистратскимъ урядникамъ такожъ и мѣщанамъ и всему поспольству войтомъ признавать и надлежащимъ образомъ его почитать, и ему войту въ томъ пожалованномъ войтовскомъ урядѣ судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ прочемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать; 4-е) въ привиліи короля Жигмунта 1544 г. марта 10 д. дозволено кіевскимъ мѣщанамъ пиво, медъ и горѣлку въ продажу свободно производить, а съ того приходы на покупки мѣскія употребляти; 5-е) въ привиліи короля Владислава IV-го 1644 г. мая 20 д. войту суды всякіе, къ войтовскому суду принадлежащіе, по праву магдебурскому, отправлять и урядъ тотъ со всѣми его доходами, пожитками и иными принадлежностьми, какъ антецессоры его держали, держати и спокойно употребляти и притомъ урядѣ войтовскомъ и его привилегіяхъ, такожъ пожиткахъ всякихъ, при повиновеніи отъ мѣщанъ и поспольства и при всякомъ почтеніи совершенно защищено; 6-е) въ привиліи того жъ короля Владислава IV-го 1645 г. марта 30 д. изображено—дабы урядъ войтовскій чрезъ лица на немъ бываемые способнѣе и удобнѣе отправляемъ былъ, опредѣлено войту на вѣчныя времена по пятисотъ золотыхъ польскихъ годоваго платежа съ провіантомъ ратуша кіевскаго, и тое жалованье настоящимъ и будущимъ на томъ уряды войтомъ всякого года сполна отдавать, а что въ счетахъ происходитиметь между иными расходами на потребность мѣста за квитанціею войтовскою принимано имѣетъ быть; 7 е) въ привиліи короля Іоанна Казимира 1650 г. генваря 12 д. пожаловано съ приходовъ мѣскихъ на всякой годъ бурмистру и райцѣ старшему рочнымъ урядникомъ по триста золотыхъ польскихъ и тотъ платежъ на будущее время подтверждено; 8-е) въ привиліи того жъ короля Іоанна Казимира 1659 г. апрѣля 3 д. подтвер-

ждено первую 1644 г. на урядъ войтовскій, другую 1645 г. о доходѣ годовомъ, войтовѣ пожалованномъ во вѣчность.

И какъ по онымъ государственнымъ высоч. грамотамъ и привиліямъ узаконено по квиту войтовскому о магистратскихъ приходахъ и расходахъ урядниковъ считать и ем̆жъ, войту, съ урядниками магистратъ и судъ магдебурскій управлять и нижній городъ строить, такъ и по другимъ имѣющимся въ магистратѣ кіевскомъ грамотамъ магистратская экономія обще на должность войта съ урядниками зависитъ; и хотя отъ урядниковъ рочныхъ магистратскихъ ни въ чемъ къ оной экономіи допущенъ я не былъ, получая въ томъ отъ нихъ сухіе отказы, якобы опредѣленъ я только для управленія магистратскихъ судовъ, однако, по присяжной моей должности, дабы мнѣ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ и предъ высоч. В. И. В. престоломъ не дать въ томъ отвѣта и, по силѣ вышоизображенной высоч. Вел. Гос. Имп. Петра I-го грамоты, нижній городъ Кіевъ, близъ границы лежащій, съ приращаемыхъ доходовъ магистратскихъ въ доброе и безопасное состояніе привести и укрѣпить и отъ великаго бываемаго наводненія и всегдашняго стремленія Днѣпровой воды обывательскія разоряемыя строенія и въ недалекости стоящія церкви отъ такого разоренія защитить, со вступленія моего въ отправленіе должности моей войтовской, видя въ приходахъ и расходахъ необычное помѣшательство и убытки, во всемъ свѣтѣ неслыханные, имѣлъ должность кому надлежало ордеры и приказы насылать, каковымъ порядкомъ ту экономію безпорочно содержать и книги шнуровыя къ тому учредить, а отъ 1730 чрезъ всѣ прошедшіе года распредѣливъ всѣмъ урядникамъ съ мѣщаны о приходахъ и расходахъ разсчеты учинить; но они урядники всѣ тѣ мои порядки донынѣ въ презрѣніи оставили, кромѣ, по усильному моему въ оныхъ урядниковъ домогательству, рочные бурм. Григорій Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ считаны, на коихъ начету явилось болѣе тысячи рублевъ, но и за тотъ разсчетъ съ нихъ Іосифъ Гудимъ въ магистратъ письменно протестовалъ, показуя въ томъ протестѣ своемъ недовольство и что подобнымъ ему подозрѣніямъ всѣ магистратовые урядники подвержены; и за таковые мои устрояемые порядки оные маг. урядники, прикрывая свои винности, дабы имъ по счетамъ не остаться и впредь повадно было въ самовольномъ помѣшательствѣ экономіи магистратской партикулярно корыстоватись, предпріявъ ко мнѣ злобу, возмутили гражданъ кіевскихъ, якобы я всему гражданству недоброхотъ и обидитель, въ пр. Сенатъ взнесли на меня представленіе и просили безъ всякаго слѣдствія и доводу отрѣшенія меня отъ чина и по сердцу своему подобнаго имъ войта избрать, и надѣяся на удачной свой образецъ,

что иныхъ войтовъ бывшихъ, кои ихъ воли не склонялися, насильно позгонили. Оные жъ урядники, пополняя надо мною злобу свою, принадлежащихъ на рангъ мой войтовскій людей и земли поотбирали самовольно, какъ выше по 4-му пункту упомянуто, и положенного въ привиліи годового съ приходовъ ратушныхъ провіанта лишили; да кромѣ того, во всемъ правленіи моемъ магистрата противны и ослушны являясь, въ ономъ магистратѣ въ засѣданіи при зерцалѣ необыкновенные шумы и крики произносятъ и укоряютъ ругательно, о чемъ отъ меня къ г. генералу-аншефу кіевской губерніи генералу-губернатору И. Ф. Глѣбову словесное и письменное прошеніе, дабы подъ такимъ претекстомъ, ежели они урядники, по доносамъ своимъ, въ отрѣшеніи меня отъ чина желаемаго не получатъ, то по насильствамъ ихъ и самъ я того чина лишитися могу, отъ чего всего несносное поношеніе и разореніе претерпѣваю напрасно, а городъ Кіевъ въ неисправномъ строеніи и укрѣпленіи остается и экономія магистратская въ приращеніи суммы своей гибель претерпѣваетъ.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ кіев. губ. канц. г. ген.-анш. кіев. губ. ген.-губернатору И. Ф. Глѣбову принять и о всемъ вышеписанномъ въ пр. Сенатъ подъ высокое благоразсмотрѣніе взнесть съ прошеніемъ на то указа, Всемилостивѣйшая Государиня, прошу В. И. В. о семъ моемъ доношеніи рѣшеніе учинить“.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка.

По исторіи былой Слобожанщины до сихъ поръ еще не открыто, за весьма немногими исключеніями, неоффиціальныхъ историческихъ источниковъ, въ родѣ лѣтописей, записокъ, мемуаровъ. Недолгій періодъ своеобразной жизни этой области былъ преисполненъ почти постоянныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ треволненій, а малочисленная интеллигенція ея, насколько этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ бывшей козацкой старшинѣ этаго края, подобно остальной массѣ населенія, была почти поголовно настолько занята обязательной военной службой, что позволить себѣ умственную роскошь лѣтописнаго труда, по всей видимости, было нѣкому и нѣкогда, не говоря уже о томъ, что такая „умственная роскошь", по условіямъ мѣста и времени, была далеко и небезопасна... При такихъ условіяхъ весьма естественно, что главными, если не исключительными, письменными матеріалами для исторіи Слобожанщины являются источники оффиціальные, такъ называемыя „дѣла" и вообще канцелярская письменность различныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ. Чуждая по языку массѣ южно-русскаго населенія слободской Украины, она и по содержанію нерѣдко представляла собою массу безполезнаго канцелярскаго мусора; но и въ этомъ мусорѣ попадаются порою весьма цѣнныя данныя, а иногда даже такія характерныя подробности минувшей жизни, которымъ не часто удѣляютъ свое вниманіе самыя лѣтописи и мемуары.

Подготовительная разработка такой канцелярской письменности, какъ историческаго матеріала, представляетъ еще и дру-

гія значительныя неудобства. Обыкновенно, содержаніе каждаго подобнаго „дѣла“ бросаетъ на общій темный фонъ прошлой областной жизни лишь рѣдкіе и разрозненные лучи свѣта, причемъ случайно можетъ обнаружиться интересная частица общей картины былого: иногда здѣсь выступаютъ не только отдѣльныя фигуры, но и цѣлыя группы весьма своеобразныхъ дѣятелей и лицъ, невѣдомыхъ намъ, во всей непринужденности ихъ частной, интимной жизни и въ интересной сложности ихъ житейскихъ отношеній. Но остальное темное поле картины сразу поглощаетъ собой ближайшую массу другихъ группъ и жизненныхъ положеній, скрывая такимъ образомъ всю непосредственную обстановку освѣщенныхъ фактовъ и черезъ это затемняя иногда ихъ собственныя болѣе полныя очертанія и внутренній смыслъ. Конечно, дальнѣйшая разработка подобныхъ источниковъ, постепенно увеличивая число освѣщенныхъ пунктовъ общаго темнаго историческаго фона, мало по малу можетъ реставрировать все полотно исторической картины; а пока приходится довольствоваться и этими одинокими свѣтлыми пятнами...

Какъ извѣстно, Бѣлгородъ географически никогда не входилъ въ территорію слободской Украины, но имѣлъ для нея весьма важное значеніе, какъ административный центръ бѣлгородской губерніи, въ составъ которой въ прошломъ вѣкѣ входила и Слобожанщина. Бѣлгородская губернская канцелярія, съ своимъ высшимъ административнымъ персоналомъ во главѣ, была ближайшею властью, которая вліятельно „вѣдала“ сферу гражданской жизни всѣхъ слободскихъ полковъ, и представляла собою мѣстный руководящій центръ приказнаго режима. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе думать, что интимный характеръ дѣятельности персонала этого центра, нравственные облики его властныхъ дѣятелей имѣютъ интересъ и для исторіи внутренней жизни Слобожанщины.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются извлеченія изъ одного „дѣла“, не лишенныя историческаго значенія. Въ этихъ матеріалахъ, при всей ихъ дѣловой сухости, довольно ясно прогля-

дываютъ нравственныя и бытовыя условія южнорусской жизни, не утратившія своей силы и для позднѣйшихъ поколѣній. Тутъ есть и спеціальныя слѣдственныя коммиссіи, съ участіемъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и съ застѣнками, имѣвшія своимъ назначеніемъ блюсти и водворять оффиціальную правду, и нормальный аттрибутъ этихъ коммиссій—организованный и добровольческій доносъ, и наконецъ, насколько можно судить по нашимъ отрывочнымъ матеріаламъ, почти полное отсутствіе всякихъ идейныхъ теченій въ жизни, которая, видимо, шла только инертно, по колеѣ унаслѣдованныхъ привычекъ, не обременяя себя ни воспоминаніями, ни заботой о будущемъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1746 года, важный сановникъ—статскій совѣтникъ и бѣлгородскій вице-губернаторъ, Богданъ Ивановичъ Пассекъ пріѣхалъ въ Ахтырку и остановился въ домѣ мѣстнаго купца Самойла Соляника. Пассекъ явился въ патріархальный полковой городъ старой Слобожанщины не безъ помпы; при немъ упоминаются, только какъ разсыльные, какой то вахмистръ и 6 человѣкъ гренадеръ. Въ этотъ пріѣздъ явился къ Пассеку простой писецъ ахтырской полковой канцеляріи Павелъ Яготынецъ (Яготинецъ) и сдѣлалъ пріѣхавшему сановнику *доносъ* на ахтырскаго полковника Лесевицкаго и полковую старшину вообще. Яготинецъ заявилъ, что полковникъ Лесевицкій съ старшиной „похитилъ многое число денежной казны“, причемъ обвинялъ его „и въ прочихъ разныхъ непорядочныхъ поступкахъ“. Кромѣ того Яготинецъ объявилъ Пассеку „по присяжной должности“, что изъ полковой канцеляріи, въ ея сношеніяхъ съ атаманами и командующими въ „описныхъ Перекрестовскихъ селахъ“ [1]) посланы двѣ *фальшивыя инструкціи*, составленныя будто бы главнымъ образомъ полковымъ писаремъ Кардашевскимъ, для какихъ-то корыстныхъ цѣлей.—О послѣдствіяхъ этого доноса Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года объяснилъ, что вице-губернаторъ Пассекъ, „ради взятковъ съ ахтыр-

[1]) Конфискованныя въ казну у ахтырскаго полковника Перекрестова еще Петромъ І-мъ.

ской старшины“, скрылъ этотъ доносъ, а доносчикамъ велѣлъ молчать; только полковаго писаря Кордашевскаго продержалъ нѣсколько дней подъ арестомъ „не изъ чего другаго, токмо изъ одного того, чтобы ахтырскій полковникъ и старшина, зная свою въ томъ винность, имѣли чѣмъ либо одарить, кое по надобности его, Пассека, тою старшиною и исполнено“.

Такъ показывалъ доносчикъ Яготинецъ о Пассекѣ въ слѣдственной бѣлгородской коммиссіи, по дѣлу „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ“, уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего доноса въ Ахтыркѣ.

Жизненная карьера Яготинца, какъ специалиста-доносчика, хотя, можетъ быть, и по случайному канцелярскому воспитанію и вліянію приказныхъ товарищей, и своеобразная дѣятельность его сановнаго патрона Пассека могутъ послужить связующей нитью нашего разсказа.

Какъ видно изъ нашихъ матеріаловъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка въ полковыхъ городахъ слободской Украины были коммиссары изъ великороссіянъ, которые назначались на эти должности непосредственно отъ бѣлгородской губернской канцеляріи и имѣли въ своемъ завѣдываніи казенные денежные сборы съ войсковаго населенія независимо отъ мѣстной полковой администраціи [1]).

Въ 1745 году такимъ коммиссаромъ въ Ахтыркѣ былъ мценскій дворянинъ Субочевъ, какъ видно, изъ класса такъ называемыхъ приказныхъ людей. Этотъ Субочевъ былъ почему-то скоро замѣненъ другимъ коммиссаромъ (изъ рыльской провинціи) и въ 1747 г. онъ жилъ уже въ Москвѣ, занимаясь „хожденіемъ“ по дѣламъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ великорусскихъ городахъ. Въ этомъ же 1747 г. мы видимъ въ Москвѣ и Яготинца, гдѣ онъ теперь является уже старымъ пріятелемъ и постояннымъ гостемъ у Субочева. Въ рапортѣ ахтырской полковой канцеляріи въ слѣдственную бѣлгородскую ком-

---

[1]) Эта „денежная казна“ собиралась въ ахтырскомъ полку съ козаковъ-подпомочниковъ, подсусѣдковъ и подданныхъ малороссіянъ, „кои платежемъ числятся въ дистриктъ ахтырскій“.

миссію (въ апрѣлѣ 1751 года) сказано, что Яготинецъ, по переписи въ ахтырскомъ полку 1732 года гвардіи маіора Хрущова, состоялъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, въ подпомогчикахъ, и по этому званію платилъ окладъ, а съ 1739 года, „по разсмотрѣніи" полковой канцеляріи находился въ услуженіи для письма въ писцахъ, „а полковымъ и сотенскимъ писаремъ такожъ и никакимъ другимъ чиномъ не былъ", что въ бытность его канцелярскимъ писцомъ „при дистриктѣ" онъ принималъ „у пріѣзжихъ въ тотъ дистриктъ отъ разныхъ плательщиковъ самъ собой деньги", и не внося ихъ въ шнуровую книгу, самъ же отъ себя давалъ имъ въ пріемѣ тѣхъ денегъ росписки, „которые деньги себе и поворовавъ и черезъ то побегъ учинилъ и нѣкоторый лживый доносъ началъ имѣть, о чомъ въ 746 и 747 годѣхъ въ бѣлгородскую губернскую канцелярію з сообщеніемъ съ тѣхъ росписокъ копій представливано". Отсюда видно, какіе личные счеты возникли у Яготинца съ ахтырской полковой старшиной еще съ 1746 года. Не по своимъ частнымъ дѣламъ и не праздно проводилъ время въ Москвѣ Яготинецъ: онъ досталъ у своего приказнаго пріятеля Субочева какую-то черновую вѣдомость о денежныхъ сборахъ въ ахтырскомъ полку, за бытность Субочева ахтырскимъ коммиссаромъ; а самая эта вѣдомость, какъ видно, казалась Яготинцу важнымъ документомъ въ его обличеніяхъ противъ ахтырской полковой старшины. Самъ Субочевъ переходъ этой вѣдомости въ руки Яготинца объяснялъ нѣсколько иначе: что онъ, Субочевъ, за своимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Муромъ, поручилъ Яготинцу ходатайствовать по какому-то дѣлу въ государственной вотчинной коллегіи и поэтому далъ ему даже „вѣрющее письмо". По этимъ, якобы дѣловымъ, причинамъ Яготинецъ бывалъ въ его, Субочева, квартирѣ и въ его отсутствіе; и вотъ въ одно изъ такихъ посѣщеній Яготинецъ изъ бумагъ Субочева самъ взялъ копію съ вѣдомости „записной денежной казны". Далѣе Субочевъ объяснилъ, что такой черновой или партикулярный документъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія („и по указамъ чернымъ письмамъ вѣрить не велѣно"), хотя вѣдомость эта по содержанію „не воровская", а правильная... и что въ бытность его,

Субочева, ахтырскимъ коммиссаромъ дѣйствительно было взято подъ росписки полковникомъ Иваномъ Лесевицкимъ „съ товарищи“, а кѣмъ именно и сколько было ими взято „денежной казны“, о томъ значится въ вѣдомости, „съ которой отъ него, Яготинца, сообщена копія“..., что дача (денегъ) полковнику и старшинѣ производилась Субочевымъ безъ указной въ шнуровыя книги записки.. за неприсылкою „отъ высшей команды“ шнуровой книги, а бывшая записная книга „учинена за печатью ахтырской полковой канцеляріи“... Въ заключеніе Субочевъ объяснилъ, что хотя полковникъ и судья Лесевицкіе, а по приказу полковника и другіе, брали у Субочева небольшими суммами деньги, но подъ росписки; и все взятое своевременно возвратили, исключая небольшой суммы, оставшейся за самимъ Яготинцемъ, „а послѣ его, Яготинца, доносу, тѣ деньги по злобѣ онаго полковника съ старшиною з жены его, Яготинцовой, взысканы-ль и въ казну положены-ль—того онъ, Субочевъ, не знаетъ“.

При оставленіи Субочевымъ должности ахтырскаго коммиссара, онъ получилъ квитанцію въ исправной сдачѣ денегъ, причемъ квитанція, писанная „черкасскою рукою“, была скрѣплена полковникомъ Ив. Лесевицкимъ, роднымъ его братомъ, судьей Константиномъ Лесевицкимъ, обознымъ Боярскимъ и полковымъ писаремъ. Сверхъ этого Субочевъ объяснилъ, что полковой судья Константинъ Лесевицкій никогда не принималъ отъ него, Субочева, денежной казны... „подъ свое вѣдомство..., что въ вѣдомствѣ его, Лесевицкаго, онъ, Субочевъ, не бывалъ“, а принялъ отъ него деньги вакансъ-сотникъ Карповъ. Словомъ, бывшій ахтырскій коммиссаръ со своей стороны ни въ чемъ не обвинялъ ахтырскую полковую старшину. Все это показаніе свое Субочевъ давалъ уже въ іюнѣ 1751 года при допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Но кромѣ настойчиваго уличенія въ денежныхъ хищеніяхъ, Яготинецъ взвелъ на ахтырскую полковую старшину и тяжелое политическое обвиненіе: „о небытіи полковника Лесевицкаго и прочей старшины въ 1746 г. апрѣля 25 дня на высокоторжественный воспоминанія коронованія ея императорскаго величества

день у всенощнаго бдѣнія за пьянствомъ“. Доносъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ серьезный ходъ: дѣло дошло до „канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“, откуда уже въ іюнѣ 1751 года, черезъ бѣлгородскую губернскую канцелярію, получился указъ, въ которомъ было сказано: „по опредѣленію въ С.-Петербургѣ тайной канцеляріи велѣно ахтырского полку писарю Павлу Яготинцу за ложное имъ... на полковника Лесевицкаго и на прочихъ старшинъ донесеніе..., чего по слѣдствію не явилось, учинить наказаніе—бить плетьми“..., причемъ добавлено, что если кромѣ этого дѣла въ бѣлгородской губернской канцеляріи нѣтъ другихъ дѣлъ, ни о Яготинцѣ, ни о полковникѣ Лесевицкомъ съ старшиной, то ихъ отъ той канцеляріи „учинить свободныхъ“.

Кромѣ коммиссара Субочева, у Яготинца былъ еще пріятель въ самомъ Бѣлгородѣ—однодворецъ Борисъ Панковъ, который одно время, вмѣстѣ съ Яготинцемъ, состоялъ подъ какимъ-то слѣдствіемъ при бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Яготинецъ и Панковъ составляли только малую часть цѣлой группы темныхъ личностей, служившихъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ интригановъ въ темной бюрократической сферѣ бѣлгородской губернской канцеляріи и бывшей при ней слѣдственной коммиссіи.

Послѣ извѣстнаго уже намъ ахтырскаго доноса Пассеку, Яготинецъ является вполнѣ преданнымъ исполнителемъ и агентомъ въ его дѣлахъ, причемъ, судя по позднѣйшимъ, уже болѣе яснымъ и правдоподобнымъ, его объясненіямъ, главная цѣль всей подпольной махинаціи вице-губернатора Пассека заключалась въ подкопахъ противъ тогдашняго бѣлгородскаго губернатора Салтыкова, съ цѣлью самому занять его мѣсто.

По свидѣтельству нашего источника, центромъ и главнымъ организаторомъ вольнаго доноса въ Бѣлгородѣ въ это время былъ именно Пассекъ, какъ по всему видно, человѣкъ выдающейся энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго грубаго и неразборчиваго въ средствахъ приказнаго честолюбія. Какъ организаторъ и руководитель обширнаго доноснаго дѣла, онъ съ этой цѣлью завелъ у себя свою домашнюю „*затѣйную канцелярію*“. Такъ

послѣ называлъ эту приватную компанію доносчиковъ самъ Яготинецъ. Тутъ были отставные маіоры, поручики, однодворцы, гренадеры и гвардейскіе солдаты, прогнанные за разные грѣхи писаря и даже простые господскіе люди. „*Затѣйная канцелярія*“ доставляла обильный матеріалъ для бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, которая въ своемъ составѣ дѣлилась на какія то партіи, конечно, по личнымъ счетамъ, причемъ на сторонѣ Пассека былъ, между прочимъ, другъ его дома по терминологіи интимной переписки доносчиковъ Яготинца и др.,—„старикъ“,—полковникъ Дуровъ. Этотъ „старикъ“ нерѣдко вмѣстѣ съ Пассекомъ вдохновлялъ Яготинца на доносы, указывалъ ему темы, читалъ приватно у себя на дому черновые проекты этихъ доносовъ, исправлялъ ихъ, и потомъ самъ же оффиціально принималъ въ слѣдственной коммиссіи. Внѣ этой партіи и даже, можетъ быть, противниками ея выступали другіе военные и статскіе чины коммиссіи, между прочимъ полковникъ Огаревъ и какой то Чемезовъ.

О личности самого губернатора Салтыкова—главнаго объекта преслѣдованій Пассека почему то ничего нѣтъ въ нашемъ „дѣлѣ“. Въ немъ нѣтъ ни прямыхъ фактическихъ обвиненій противъ него, ни его собственныхъ объясненій. Это полное отсутствіе данныхъ о самомъ губернаторѣ скорѣе всего можетъ быть объяснено особымъ о немъ производствомъ, которое не вошло въ наше „дѣло“,—или же, можетъ быть, составило неизвѣстный намъ особый его отдѣлъ.

Личность самого Пассека намъ невольно напоминаетъ извѣстнаго героя одной южнорусской сказки,—классическаго „горобця молодця“,—который, какъ извѣстно, пламенно преслѣдовалъ въ своей жизни одну только цѣль, чтобы его, „горобця молодця, былынка поколыхала“. Такой именно былинкой было для Пассека губернаторское кресло въ Бѣлгородѣ, и, какъ увидимъ ниже, онъ заплатилъ своей дальнѣйшей карьерой за эту свою задушевную мечту.

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшую мимоходную оговорку. Всѣ излагаемые нами факты почти исключительно заимствуются изъ показаній вольныхъ и невольныхъ кліентовъ слѣдственной

коммиссіи; а въ такихъ источникахъ, понятно, нельзя ждать полной объективности. Тутъ почти каждый участникъ не столько думаетъ объ „истинѣ“, сколько о самомъ себѣ. Поэтому руководящей нитью при пользованіи подобнымъ матеріаломъ можетъ быть отчасти и взаимное сопоставленіе обыкновенно пестраго его содержанія.

Въ нашемъ „дѣлѣ“ большая часть свѣдѣній взята изъ позднѣйшихъ показаній Яготинца, когда онъ увидѣлъ, что звѣда и такого могучаго человѣка, какимъ онъ долгое время считалъ своего патрона Пассека, быстро закатывается. Едва ли можно допустить, чтобы Яготинецъ въ своихъ показаніяхъ всецѣло изобрѣталъ самые факты, хотя, съ другой стороны, показанія его необходимо, конечно, принимать cum grano salis.

Доносныя махинаціи Пассека вначалѣ были весьма успѣшны: въ самой слѣдственной коммиссіи старшій членъ ея „старикъ“ полковникъ Дуровъ былъ для Пассека почти alter ego. Къ этому-то времени относится и поѣздка Яготинца въ Москву и Петербургъ, также по порученію Пассека; тогда же велась обширная переписка Яготинца съ однодворцемъ Панковымъ, какъ видно, также въ интересахъ ихъ общаго патрона. Послѣ, когда вѣтеръ подулъ въ другую сторону и дѣятельность бѣлгородскаго вице-губернатора попала на какіе-то подводные камни, эта интимная переписка пріятелей очутилась въ рукахъ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, гдѣ, между прочимъ, вызвала рядъ недоразумѣній тѣми „странными именами“ и условными выраженіями, которыя встрѣчались въ ней [1]). Такъ, въ этой перепискѣ, между прочимъ, говорилось: „пожалуй, батюшка-братецъ, стараніемъ вашимъ представляйте обо всемъ; авось не то, то другое попадется въ дѣло, а доказывать станемъ по нихъ всѣ, не одинъ; только бы порознь насъ нынѣ Чемезовъ не получилъ, ибо обѣщався . . . . . до смерти насъ за доносы помучить . . . . . упоминайте братъ, дабы прежде слѣдствія

---

[1]) Изъ этой переписки въ нашемъ дѣлѣ сохранились только немногіе отрывки въ копіяхъ, безъ начала и конца и помѣты времени. Судя по содержанію, большая часть отрывковъ принадлежитъ перу Яготинца.

доносителей не мучили подъ карауломъ, и другимъ страху не давали, ибо и Огаревъ только и зделалъ, что всѣхъ доносителей и просителей порозгонялъ нарочно отъ коммиссіи з Бѣлгорода, а которые подъ караулы нарочно въ желѣзы посаживалъ и не начинаетъ слѣдовать; Сабельникова дѣвку *Сусликъ* при Огареву бралъ изъ коммиссіи къ себѣ во дворъ и сѣкъ батожьемъ сильно . . . . . Правда, что пришло намъ погибать *чрезъ властную нашу надежду*, а не чрезъ себе; вотъ домы наши разорились до конца и мы страждемъ, а Богъ вѣсть, что еще впредь покажетца, пожалуй не молчите представленіями частыми (далѣе идетъ совѣтъ вызвать слѣдствіе надъ вышеозначеннымъ Огаревымъ) . . . . только бы подъячихъ отъ дѣлъ отрѣшено было всѣхъ и секретаря, а то докажемъ во всемъ . . . . . а они—каналіи—на то гнутъ, чтобы намъ и святой Руси не видать всѣмъ безъ слѣдствія; однако жъ Богъ наша надежда, не молчить, братъ, пожалуй; будемъ всѣ доказывать вмѣстѣ . . . . . *и козаки поможуть во всемъ* . . . . здѣлайте мнѣ хорошенько на имя рекетмейстера одного доношеніе, выбери силу со всѣхъ представленныхъ и съ моихъ цидулокъ, и указъ пропиши 722 г., мая 17-го, какъ ему велѣно таковыхъ содержащихся вездѣ освобождать и *государю представлять* . . . . . съ упоминаніемъ и секретныхъ дѣлъ и всѣхъ безпорядковъ и безстрастнихъ постунокъ, и о бунту Огарева съ товарищи . . . усиди, братъ, пожалуй и аншефа съ нумеромъ, напиши и молебствіе прошлогоднее . . . . ". Видимо, идея доноса была уже настолько привита къ отдѣльнымъ грамотнымъ людямъ темной массы, что въ ихъ глазахъ она представлялась уже на степени какого то нравственнаго культа: въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ интимной переписки доносчиковъ слышится даже тонъ страданій за правду, за убѣжденія...

Уже изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, какая мутная каша варилась въ приказной бѣлгородской сферѣ. Съ одной стороны Пассекъ съ своими, какъ видно, иногда весьма наивными клевретами, о которыхъ по всей вѣроятности можно было

бы сказать: не вѣдаютъ бо еже творятъ; съ другой, кромѣ губернатора, какіе то безличные его пріятели или сторонники, почти кнутомъ разгонявшіе доносчиковъ, и въ числѣ этихъ противниковъ добровольческаго доноса мелкая подъяческая братія бѣлгородской канцеляріи, а въ числѣ союзниковъ „затѣйной канцеляріи“ Пассека, какіе то козаки, вѣроятно, бывшей сѣннянской сотни ахтырскаго полка [1]).

Судя по нашимъ матеріаламъ (прерываемымъ большими пробѣлами), Яготинецъ долго и преданно служилъ темнымъ дѣламъ Пассека, и только когда за свою наклонность защищать „правду“ ябедой и заказными доносами, онъ былъ наказанъ плетьми при бѣлгородской канцеляріи, то, по оффиціальному свидѣтельству своего бывшаго пріятеля Панкова, впалъ въ тяжелое раздумье: по наказаніи плетьми Яготинецъ вышелъ изъ прихожей камеры коммиссіи и на лѣстницѣ, ведшей на крышу канцеляріи, будто бы произнесъ такой монологъ: *„ой государь нашъ Богданъ Иванычъ!* самъ ты пропадешъ и насъ своимъ дѣломъ погубишь!“

При такомъ поворотѣ въ судьбѣ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“, самъ Панковъ сознавался, что Яготинецъ былъ отправляемъ Пассекомъ въ Москву и Петербургъ, какъ и другіе, „для доносовъ и умноженія прошеніевъ“.

На допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи въ іюнѣ 1751 года Яготинецъ весьма уклончиво объяснялъ темныя и условныя выраженія, а также и разныя обвиненія на нѣкоторыхъ чиновниковъ въ своей интимной перепискѣ съ однодворцемъ Панковымъ. Слѣдственная коммиссія письменно допрашивала: „писалъ ты... яко бы васъ мучатъ на смерть и воровскому де представленію Огареву не вѣрить и генералъ-аншефтъ Сусликово воровство явно закрываетъ, того ради показать тебѣ кто имянно и какимъ... образомъ тебя мучатъ и отъ Огарева какое и куды воровское представленіе имѣлось и генералъ-аншефтъ (Ф. Бисмаркъ) какое Сусликово воровство

[1]) Нынѣ селеніе Сѣнное богодуховского уѣзда харьковской губерніи.

закрываетъ и кто таковъ имянно Сусликъ и въ какомъ воровствѣ отъ аншефа закрытъ?".

Яготинецъ, какъ на эти, такъ и на послѣдующіе вопросы отвѣчалъ довольно уклончиво, часто ссылаясь на то, что онъ это дѣлалъ „с природной своей черкасской простоты", что его никто не мучилъ, а только, въ бытность его, Яготинца, подъ карауломъ, не давали ему „пропитанія", что отъ полковника Огарева „представленіе въ Правительствующій Сенатъ і въ государственную военную коллегію ..... было о содержаніи его, Яготинца, подъ карауломъ", что это представленіе полковникъ Огаревъ писалъ одинъ отъ себя безъ бывшаго въ слѣдственной коммиссіи присутствующаго полковника Дурова „въ томъ представленіи писалъ, что онъ его задержалъ въ колодке подъ карауломъ і якобы отъ ахтырскаго полку на писаря Перебиносова доносилъ неправилно... а генералъ-аншефъ и кавалеръ фонъ-Бисмаркъ Сусликово воровство, т. е ахтырскаго слободскаго полку полковника Ивана Лесевицкаго закрываетъ потому, что принявъ оной генералъ-аншефъ отъ него, Лесевицкаго, і протчихъ мимо оной коммиссіи на бывшаго присудствующаго полковника Дурова к подозренію о неприсудствіи ему въ оной комисіи по его Яготинця деламъ неправильные доношеніи, а о чемъ в тѣхъ доношеніяхъ значить именно и чинитъ к ихъ ползѣ всякія способы т. е. *въ конфирмаціи и наказанію сънняncкцхъ козаковъ* за присланнимъ ис комисіи в ахтырскую полк. канцелярію о свободе ихъ и с подкараула указомъ и на него, Яготинця, многие отъ него доношеніи принималъ; въ разныя места представлялъ къ ихъ надобности. А сусликомъ называлъ онаго Лесевицкаго в такомъ случае, что онъ всегда безпрестанно бывалъ пьянъ, а по черкасскому наречію кто пьетъ, то и сусликъ".

Далѣе Яготинца спрашивали: „что значитъ его письмо къ Панкову, гдѣ Яготинецъ говоритъ, что ему, Панкову, худо будетъ, „видишь какая нынѣ правда и судъ, не хуже Шемякина, да прибирай всякия способы (приводилось въ вопросѣ письмо Яготинца) батюшки старику, къ доказательству врагу Огареву і причомъ подъячие все і секретарь радуются і раз-

глашають то, что по своимъ представленіямъ во всемъ на нихъ останется і Огаревъ де стоитъ с Чемезовымъ вмѣсте в Жеребцовомъ дворѣ и дрова палють государевы"...

По содержанію этихъ краткихъ извлеченій изъ писемъ слѣдственная коммиссія допрашивала Яготинца:

Какое это худо будетъ Панкову и гдѣ это производится судъ не хуже Шемякина, „і какому врагу Огареву къ доказательству старику способы пріискивать, і кто таковъ старикъ, і Огаревъ какой врагъ, і что подъячіе радуются и разглашаютъ"..., и какіе государевы дрова палились... и „какую ты Ивану Иванову сыну, а чей прозванія не показано, імянно отъ суслика оборону изделалъ, и кто онъ такожъ і сусликъ... и какия враги до вашихъ головъ добираются, въ томъ же твоемъ письмѣ написано Севергина совсемъ де повели было в застенокъ розыскивать, только запѣлъ соловья і к нему де шесть человѣкъ определено?". На все это коммиссія требовала объяснительныхъ отвѣтовъ.

Яготинецъ отвѣчалъ, что про худо для Панкова онъ писалъ потому, что Панковъ находился въ побѣгѣ отъ коммиссіи и чтобы поэтому имѣлъ осторожность, дабы его не поймали, такъ какъ о немъ были публикаціи; а про Шемякинъ судъ писалъ въ томъ смыслѣ, что начатое въ бѣлгородской губ. канцеляріи дѣло „по доносу ево на ахтырскаго полковника и протчихъ производилось в той канцеляріи не в силу о суде формы инымъ образомъ о чемъ отъ его и въ поданомъ въ Правительствующемъ Сенате доношеніи показано, и для того онъ с простоты своей оному Панкову Шемякинъ судъ и написалъ, а что бы онъ, Панковъ, прибиралъ способы батюшки старику, т. е. реченному полковнику Дурову, к доказательству врагу подполковнику Огареву по імѣющейся у нихъ между собою ссоре, а Огаревъ подлинно врагъ, т. е. по кресту сатане(?) і то онъ писалъ к сожалѣнію его полковника Дурова для того, что оный полковникъ, будучи при коммиссіи, чинилъ по имѣющимся ево в коммиссіи дѣламъ всякия к доносу ево способы и о немъ Яготинце сожеленіе, что жъ подъячіе і секретарь радуясь разглашаютъ, что по своимъ представленіямъ

на нихъ во всемъ оной полковникъ останется, слышалъ онъ, будучи в коммиссіи (а отъ кого за давностію не помнитъ)“, и о сожиганіи казенныхъ дровъ Огаревымъ онъ, Яготинецъ, слышалъ еще въ прошломъ 1750 году отъ караульныхъ... „Ивану Дощечкину отъ Суслика (Лесевицкаго) оборону зделалъ такимъ случаемъ: какъ оной Дощечкинъ из Бѣлагорода отезжалъ в С.-Петербургъ, то при отездке далъ ему на нихъ, Лесовицкихъ, і прочихъ объявленіе, дабы онъ подалъ где надлежитъ, почему онъ бывшему въ Бѣлѣграде вице-губернатору Б. И. сыну Пассеку, по пріѣзде ево в С.-Петербургъ, і подалъ, а чего для онъ то объявленіе показанному Пассеку подалъ, того онъ не знаетъ, а оной Пассекъ предъявилъ в Прав. Сенате, а із Сената при указе отослано в *тайную канцелярію*, о чемъ іс тайной канцеляріи о изслѣдованіи оныхъ Лесовицкихъ с товарыщи и указъ во оную коммиссію присланъ, а они Лесовицкие імѣли на него вражду, п. ч. онъ с нимъ знаемость імѣетъ, чтожбы означенной Панковъ берегъ старика, т. е. полковника Дурова, от означеннаго Лесовицкаго с товарыщи потому, что они на него подали подозреніе, а до ихъ головъ, т. е. до него Панкова і его Яготинца, враги добираются означенной полковникъ Лесовицкій и протчіе ихъ согласники, на которыхъ отъ него, Яготинца, о інтересе доносъ показалъ, а назвалъ онъ оного Лесовицкаго и другихъ врагами, что по кресту всякъ христіанинъ на сатану врагъ, что жъ Севергина повели в застенокъ разыскивать, (то онъ, Яготинецъ, слышалъ отъ караульныхъ солдатъ), что оной Севергинъ приходя въ ту канцелярію на крыльце кричалъ: імѣетъ де онъ, Севергинъ, доказать по 1 и 2 пунктамъ . . . .“ Далѣе Яготинецъ объясняетъ, что „куткомъ“ онъ называлъ домъ вице-губернатора Пассека, откуда ему присылали пищу и вообще Пассекъ, самъ участвовавшій въ этой коммиссіи, оказывалъ ему, Яготинцу, всякое вниманіе.

Дальнѣйшие вопросы и отвѣты подтверждаютъ, какъ уже замѣчено выше, что въ самой слѣдственной коммиссіи было по крайней мѣрѣ двѣ партіи: на одной сторонѣ былъ Пассекъ, чуть ли не душа и творецъ всей этой слѣдственной кутерьмы, полковникъ Дуровъ, ихъ мелкіе клевреты, Панковъ и Яготи-

нецъ съ компаніей другихъ безъименныхъ сотрудниковъ, а на другой—Огаревъ, какой-то подполковникъ Чемезовъ, почему то секретарь и подъячіе, вѣроятно, той же бѣлгородской канцеляріи. Эта послѣдняя партія, равно какъ и генералъ-аншефъ фонъ-Бисмаркъ были, повидимому, на сторонѣ полковника Лесевицкаго и, можно думать, вообще ахтырской полковой старшины. Яготинецъ въ своихъ письмахъ такъ и выражался, что ихъ враги (во главѣ которыхъ онъ, видимо, ставитъ Огарева) „всѣ вмѣстѣ одну думу думаютъ съ Чемезовымъ, секретаремъ и со всѣми подъячими“. Судя по содержанію вопросовъ коммиссіи и отвѣтовъ Яготинца, можно полагать, что раскрытіе полной истины не составляло главной заботы ни вопрошавшихъ, ни отвѣчавшихъ. Можетъ быть, даже для самой слѣдственной коммиссіи такіе люди какъ Панковъ и Яготинецъ были въ своемъ родѣ опасные субъекты, ибо они уже знали доносные пути и въ высшія сферы; а въ положеніи Яготинца чистая правда тоже не могла быть удобна, уже въ виду одной близости застѣнка. Вѣроятно, поэтому какъ вопросы, такъ и отвѣты многаго не договаривали и, можетъ быть, даже стороны были довольны лаконизмомъ рѣчей, причемъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ Яготинецъ многое сворачивалъ на свою „природную черкасскую простоту“.

Только уже въ августѣ 1751 года существовавшая въ Бѣлгородѣ слѣдственная коммиссія „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ“ доносила въ прав. Сенатъ, что извѣстный намъ Павло Яготинецъ подалъ въ эту слѣдственную коммиссію „извинительное доношеніе“, въ которомъ онъ объяснялъ, что прежніе его доносы въ Прав. Сенатъ, въ государственную юстицъ-коллегію и въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „на губернатора съ товарищи и на протчихъ въ разныхъ обстоятельствахъ... чинены по наущенію статскаго совѣтника Пассека, по которымъ онъ ни въ чемъ доказать не можетъ“... и просилъ, чтобы „по всемъ поданнымъ отъ него на реченнаго губернатора съ товарищи доношеніямъ слѣдствія не производить“...

На этотъ разъ объясненія Яготинца были, повидимому, уже болѣе искренни, можетъ быть, даже и вполнѣ справедливы. Онъ разсказалъ теперь уже объ извѣстномъ намъ пріѣздѣ Пассека въ Ахтырку зимой 1746 года, и о томъ, какъ во время этого пріѣзда онъ, Яготинецъ, пользуясь содѣйствіемъ какого то козака Прокофія Власова, объяснилъ Пассеку возникшія, по мнѣнію Яготинца, злоупотребленія со стороны служащихъ ахтырской полковой канцеляріи относительно „описныхъ Перекрестовскихъ селъ и деревень“ (какія то двѣ „фальшивыя инструкціи“), что, благодаря даннымъ старшиною Пассеку взяткамъ, онъ, Пассекъ, велѣлъ объ этомъ доносѣ какъ ему, Яготинцу, такъ и полковому писарю Кардашевскому и женѣ вышеназваннаго козака Власова „подъ страстіемъ“ молчать, а Кардашевскаго все таки, ради внушенія спасительнаго страха старшинѣ, чтобы вѣрнѣе вызвать ее на дачу взятки, продержалъ нѣкоторое время подъ карауломъ. Далѣе, Яготинецъ писалъ, что, видя молчаніе и бездѣятельность Пассека, онъ сдѣлалъ тотъ же самый доносъ „обретающемуся“ въ описныхъ Перекрестовскихъ деревняхъ капитану Ребинину, а потомъ въ бѣлгородскую губ. канцелярію „о техъ ихъ полковника Лесевицкаго с старшиною похищеніи денежной казны *и въ разныхъ народныхъ обидахъ и налогахъ*“...

Доносъ этотъ, по свидѣтельству самого Яготинца, не прошелъ даромъ. Ахтырскій полковникъ и старшина „были сысканы“ въ бѣлгородской губернской канцеляріи, гдѣ и слѣдствіе производилось, „и во многихъ ихъ непорядкахъ и интересѣ и приличились“, но слѣдствіе это, объяснялъ Яготинецъ, къ окончанію не приведено. По этому дѣлу Яготинецъ сидѣлъ подъ карауломъ; а по освобожденіи изъ подъ караула въ томъ же 1746 г. статскій совѣтникъ Пассекъ, бывшій еще въ то время „присутствующимъ“, призвалъ Яготинца къ себѣ въ домъ и „только для одной съ г. губернаторомъ ссоры“ началъ говорить ему, что по его, Яготинца, доносу на ахтырскую старшину, вслѣдствіе происковъ губернатора Салтыкова, совѣтника Безобразова, прокурора Каминина „и прочихъ“ никакого слѣдствія не будетъ. При этомъ Пассекъ приказалъ Яготинцу „только для одной

своей надобности для прошенія о нихъ ѣхать въ Москву и С.-Петербургъ", обѣщавши дать на дорогу все потребное. При этомъ Пассекъ говорилъ также, что въ Москвѣ и С.-Петербургѣ „на онаго губернатора Салтыкова с товарищи просителей и доносителей довольно; и какъ де по ихъ, такъ и по моему прошенію ихъ, губернатора и протчихъ, отъ своихъ мѣстъ отрѣшатъ, а будетъ—де онъ... Пассекъ (въ оной губерніи) губернаторомъ".

Затѣмъ Яготинецъ подробно объясняетъ тѣ причины, которыя сдѣлали его послушнымъ орудіемъ Пассека: онъ, Яготинецъ, самъ лично слышалъ „обнадеживанія" своего патрона, что онъ, Пассекъ, будетъ въ Бѣлгородѣ „настоящимъ губернаторомъ" вмѣсто Салтыкова; что Салтыковъ, по словамъ Пассека, „чинитъ происки къ пользѣ ахтырской старшины", а еще болѣе, писалъ Яготинецъ, онъ сталъ ревностнымъ слугой сановнаго патрона потому, что Пассекъ въ то время былъ „командиръ" и поэтому Яготинецъ уже не могъ идти противъ его „повелѣнія" и долженъ былъ отправиться въ Москву „для прошенія на онаго губернатора".

Вся упомянутая выше доносная операція, какъ видно, была точно продѣлана въ Москвѣ Яготинцемъ и еще какимъ то крестьяниномъ Марковымъ, также по порученію Пассека, (согласно съ инструкціей Пассека онъ подалъ свое доношеніе въ контору Сената въ Москвѣ). Сенатъ снесся съ юстицъ-коллегіей, вслѣдствіе чего отъ губернатора Салтыкова „*с*ъ товарищи велѣно взять отвѣтъ". Но Москвой не ограничилось доносное радѣніе Яготинца: хорошо вооруженный наставленіями своего патрона, онъ отправился еще въ С.-Петербургъ, гдѣ также подалъ въ Прав. Сенатъ „доношеніе" и такимъ образомъ цѣль патрона была достигнута: изъ Петербурга получилось предписаніе въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи" произвести по этому предмету изслѣдованіе.

Изъ своей доносной экспедиціи на сѣверъ Яготинецъ возвратился въ Бѣлгородъ въ концѣ іюля 1748 года, немедленно явился онъ въ домъ Пассека, гдѣ и прожилъ „на его коштѣ" семь дней. По словамъ Яготинца, Пассекъ и въ это время былъ еще

„надъ бѣлгородскою губерніею командиромъ“, т. е. нужно предполагать, что по причинѣ нахожденія подъ слѣдствіемъ губернатора Салтыкова, Пассекъ временно управлялъ губерніею. И вотъ въ это то время „командиръ бѣлгородской губерніи“ снисходилъ порой до крайне фамильярной простоты въ обращеніи съ своимъ вѣрнымъ клевретомъ Яготинцемъ, какъ показываетъ, напримѣръ, такой разсказываемый Яготинцемъ фактъ. Пассекъ былъ въ это время крупнымъ землевладѣльцемъ чугуевскаго уѣзда: ему принадлежали здѣсь села Рогань и Салтово. Въ одномъ изъ этихъ селъ проживалъ у Пассека маляръ Павелъ (фамиліи его Яготинецъ не припомнилъ). И вотъ этотъ маляръ, по заказу и композиціи Пассека, создалъ замѣчательную въ своемъ родѣ картину, которую Пассекъ удостоилъ показать и Яготинцу „къ единой себѣ похвалѣ, добавлялъ каявшійся доносчикъ, а надъ бѣдными (т. е. изображаемыми на картинѣ персонами) къ немалому... сумнительству“. На этой картинѣ были „написаны персоны“ соперниковъ Пассека: губернатора Салтыкова, коллежскаго совѣтника Безобразова, прокурора Коминина „и прочихъ, съ надписаніемъ надъ каждымъ срамныхъ и весьма укорительныхъ словъ, а себя“, откровенно продолжалъ Яготинецъ, „на особомъ мѣстѣ учиня и подписавъ к прописи къ бытію губернаторомъ и называя себе защитителемъ“... По поводу созерцанія картины Яготинецъ наивно сознается, что это обстоятельство „паки зело привело (его) къ содержанію стороны Пассека“. При этомъ случаѣ „командиръ“ губерніи говорилъ Яготинцу: „Видишь! Не токмо я въ дѣлѣ и персонально ихъ на словахъ укоряю, но и персоны ихъ для единаго ругательства и посмеянія пишу! Самъ же ты изо всего видишь, что имъ меня не перемочь, но я де ихъ перемогу и всехъ ихъ изъ Бѣлгорода выживу“.

Желая изобразить себя въ видѣ беззащитной жертвы Пассека, Яготинецъ, не измышляя, конечно, самихъ фактовъ, освѣщалъ и толковалъ ихъ по своему, и при этомъ крайне умалялъ свою собственную добрую волю—быть или не быть доносчикомъ, ссылаясь, между прочимъ, и на то, что онъ долженъ былъ исполнять повелѣнія своего могучаго патрона, „яко черкасскаго

простаго народа человѣкъ". По словамъ Яготинца, Пассекъ направлялъ удары своихъ подпольныхъ махинацій не только на ближайшихъ соперниковъ въ средѣ бѣлгородской бюрократіи, но успѣвалъ рыть ямы и далекимъ противникамъ: такъ, онъ преслѣдовалъ своей доносной интригой даже сенатскаго секретаря, какого то Судакова „и потому знатно не токмо кому въ дѣлахъ составы имѣлъ, но уже и ни къ чему непристойно означенное сочинялъ".

По отрѣшеніи Пассека отъ присутствія въ бѣлгородской губернской канцеляріи и по выѣздѣ его въ Москву, Яготинецъ, „по знаемости и обнадеживанію" почти ежедневно находился въ домѣ Пассека, при его женѣ и семействѣ, вмѣстѣ съ однодворцемъ Панковымъ и гренадеромъ Коневымъ. Все это были исполнительные агенты въ извѣстной уже намъ дѣятельности Пассека, и потому достаточно опытные люди въ этомъ дѣлѣ.

Въ это время уже сама жена Пассека всячески ободряла и обнадеживала „доносителей", чтобы они „не робѣли", по прежнему утверждала, что ея мужъ будетъ губернаторомъ, а Салтыкова отрѣшатъ; „къ тому-жъ обрѣтающійся въ оной коммиссіи бывшій присутствующій полковникъ Дуровъ имелъ зъ женою онаго Пассека неразрывную дружбу, и всегда днемъ и вечеромъ ѣзживалъ къ показанной женѣ его"...

Какъ видно, жена Пассека сама была ревностной сотрудницей мужа въ излюбленной имъ специальной дѣятельности приказной интриги. Такъ, Пассекъ уже изъ Москвы прислалъ черновой образецъ доноса на какихъ то князей Трубецкихъ „и протчихъ якобы о винокуреніи въ противность указовъ и въ завладѣніи однодворческихъ земель". Этотъ доносъ Пассекъ поручалъ Яготинцу переписать на бѣло и подать Дурову; но Яготинецъ объяснилъ теперь, что онъ всячески старался уклониться отъ этого доноса, такъ какъ самъ не зналъ ничего противозаконнаго за Трубецкимъ и „къ тому-жъ въ пользу его, Пассека, во многия постороннія доносы ввязался". Въ виду такого колебанія Яготинца, г-жа Пассекъ прислала ему черезъ однодворца Панкова 50 коп. денегъ, а чрезъ гренадера Конева 8 бѣлыхъ овчинъ на шубу, всякихъ харчей и еще нѣсколько денегъ.

Значеніе полковника Дурова усиливалось еще и тѣмъ, что, по словамъ Яготинца, „по указу государственной военной коллегіи (ему, Дурову) поручены были въ ведомство всѣ слободскіе полки“. При такой-то обстановкѣ, говорилъ Яготинецъ, боясь быть обвиненнымъ за свой доносъ и на ахтырскую полковую старшину, „а болѣе отъ вышепоказанной... природной простоты черкасской“... онъ, Яготинецъ, подавалъ полковнику Дурову „многія доношенія... на губернатора Салтыкова съ товарищи и на протчихъ“. Подача этихъ доносовъ была организована весьма старательно: прежде формальнаго поступленія доноса, Дуровъ предварительно у себя въ квартирѣ разсматривалъ, такъ сказать, проектъ доноса и затѣмъ уже „по аппробаціи величалъ себѣ подавать“. Теперь только Яготинецъ, вспоминая всѣ эти „многія доношенія“, сознавался, что онъ не зналъ за губернаторомъ съ товарищи ничего изъ того, что было сочинено имъ въ доносахъ, и потому подтвердить эти доносы не можетъ ничѣмъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Яготинецъ и его сотрудники по доноснымъ дѣламъ, какъ видно, также возлагали всѣ свои упованія на многократныя обѣщанія супруговъ Пассековъ и ихъ преданнаго друга Дурова, въ томъ, что „дано будетъ наставленіе къ доказательству“, причемъ и Дуровъ „обязывался по коммиссіи по тѣмъ доношеніямъ во всемъ вспомогать и служить“. Такимъ образомъ, когда въ послѣднее время фортуна стала измѣнять Пассеку, Яготинецъ самъ уже во всемъ выдавалъ своего прежняго патрона. Но зато онъ и теперь не отказывался отъ своихъ доносовъ на ахтырскую старшину вообще и полковника Лесевицкаго въ особенности. Положеніе Яготинца, видимо, было весьма затруднительно; такъ какъ неуспѣхъ его доноса оставлялъ его, какъ ахтырскаго обывателя, подъ „командой“ неосновательно оговоренной имъ полковой старшины. Такъ объяснялъ свою доносную дѣятельность Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года, когда повернулъ уже спиной къ бывшему патрону. Въ сентябрѣ того же 1751 года бѣлгородская слѣдственная коммиссія (все таки называвшаяся коммиссіей о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и прочихъ) доносила въ правительств. Сенатъ, что „состоящій“ при этой коммиссіи писарь

Яготинецъ подалъ „доношеніе" на жену статскаго совѣтника Пассека Анастасію Яковлеву дочь и на бывшаго бѣлгородскаго магистрата президента Михаила Андреева „въ сочиненіи подписки" однодворцевъ бѣлгородскаго уѣзда и другихъ городовъ и деревень, „и въ привлеканіи ихъ къ той подпискѣ приложить руки, яко бы они не желаютъ быть дѣйствительному статскому совѣтнику и бѣлгородскому губернатору Салтыкову въ оной губерніи губернаторомъ, а будьто желаютъ быть оному Пассеку", и кромѣ того, что супруги Пассеки составили еще новый доносъ, будто бы отъ имени уже упомянутаго нами гренадера лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Сидора Конева, опять таки на губернатора Салтыкова съ товарищи, причемъ этотъ доносъ назначался къ подачѣ ея императорскому величеству и въ сенатъ.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ „доношеніи" отъ 1751 г. Яготинецъ, между прочимъ, объяснилъ: вице-губернаторъ Пассекъ имѣлъ для своихъ доносныхъ дѣлъ (къ разнымъ въ составахъ доносамъ и челобитнымъ"...) „особливую затѣйную канцелярію", при которой состояли „для письма многіе разные люди". Эти „разные люди" то привлекали своими извѣтами многихъ въ слѣдственную коммиссію, то сами съ перемѣной вѣтра попадали въ передѣлку. Тутъ же Яготинецъ объяснялъ, какъ иногда агенты Пассека якобы сами подводили его на доносы обильными угощеніями и пріятельскимъ обращеніемъ, причемъ опять ссылается на свою „природную черкасскую простоту... *а паче на незнаніе русскаго обходительства*". Онъ припоминалъ теперь, какъ одинъ доносъ на Салтыкова, будтобы продиктованный ему, Яготинцу, въ пьяномъ видѣ, однимъ изъ дѣятелей „затѣйной канцеляріи" Пассека, съ вѣдома и тайнаго поощренія самого Дурова, былъ этимъ послѣднимъ почему-то отправленъ на украинскую линію къ генералъ-маіору Лунину (или Лукину), отъ котораго по этому случаю получился ордеръ Дурову, чтобы Яготинца содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, чернилъ и бумаги не давать. Самое же письмо, т. е. доносъ Яготинца отосланъ былъ въ государственную коллегію, а затѣмъ въ правит. сенатъ.

На этотъ разъ Яготинецъ уже не щадилъ бывшихъ своихъ товарищей по доносу,—т. е. различныхъ „композиторовъ затѣйной канцеляріи" бѣлгородскаго вице-губернатора, можетъ быть, и потому, что въ сентябрѣ 1751 г. онъ замѣтилъ уже явный перевѣсъ какой-то другой партіи въ слѣдственной коммиссіи. Теперь Яготинецъ утверждалъ, что согласники и агенты Пассека—полковникъ Дуровъ, маіоръ Жилинъ, и прапорщикъ Дощечкинъ, „яко одного... съ Пассекомъ совѣту и нынѣ, къ оному Пассеку великую склонность имѣя, чинятъ частыя сходбища и общія денно и нощные совѣты въ домѣ онаго Пассека и невѣдомо какіе хитростію своею составы составляютъ, знатно ни для чего другаго только для единаго того избывая явной своей вынности..."; при этомъ Яготинецъ добавлялъ, что Дощечкинъ и Жилинъ, „езживая на Болховецъ и въ другія мѣста, подбываютъ и научаютъ простой народъ однодворцевъ, составляя имъ вмѣстѣ съ полковникомъ Дуровымъ на господъ оной коммиссіи присутствующихъ некакое затѣйное высшей апеляціи представленіе..."

Въ заключеніе Яготинецъ объясняетъ, что Пассекъ и его семья склоняла „въ свой фарватеръ или дорогу" разныхъ чернорабочихъ „композиторовъ", въ родѣ гренадера Конева и ему подобныхъ, путемъ лести, а также деньгами и харчевыми припасами... и проситъ выслать въ слѣдственную коммиссію жену и сына Пассека и облегчить ему, Яготинцу, послѣдственное положеніе подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы онъ не былъ безгласенъ, а могъ бы имѣть о себѣ свободный голосъ..." и кромѣ того проситъ еще „за болѣзнію ногъ снять (съ него) желѣзы", оставивъ его только подъ обыкновеннымъ присмотромъ слѣдственной коммиссіи.

На этихъ фактахъ обрываются въ нашемъ „дѣлѣ" всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ бѣлгородскаго „командира" и его темныхъ подручниковъ. Только случайно и еще на одинъ моментъ освѣщается судьба Пассека, можетъ быть, чрезъ 2—3 года послѣ разсказанныхъ нами его дѣяній.

Извѣстно, что епископъ Іосафъ Горленко былъ на бѣлгородской каѳедрѣ съ 1748 по день смерти—въ концѣ 1754 года.

Авторъ „Описанія харьковской епархіи", излагая ревностно-христіанскую дѣятельность этого архипастыря, приводитъ изъ его жизни, между прочимъ, такой случай. „Архипастырь, говоритъ нашъ авторъ, творилъ дѣла званія своего въ отношеніи къ несчастнымъ, не взирая на разсчеты человѣческихъ страстей. Генералъ Богданъ Ивановичъ Пассекъ содержался въ Бѣлгородѣ подъ карауломъ. Святитель, не входя въ его дѣло, посылалъ къ нему кушанье со своего стола. Губернаторъ П. М. Свистуновъ счелъ это за защиту *государственнаго преступника*" и захотѣлъ лично объяснить Іосафу всю неумѣстность его заботъ о важномъ подсудимомъ; но, какъ видно, Іосафъ вполнѣ успокоилъ губернатора, заявивъ ему полную готовность довести объ этихъ своихъ дѣлахъ до свѣдѣнія самой императрицы [1]).

Таковы были описанные нами въ случайныхъ и отрывочныхъ фактахъ дѣла и дѣятели въ Бѣлгородѣ и въ Ахтыркѣ; но въ этой мутной водѣ можно будетъ яснѣе разобраться только при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ прошлымъ нашей провинціальной жизни.

А. Ш.

[1]) Историко-статистич. описаніе харьков. епархіи отд. I, стр. 34.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

VI.[2]

Смерть моей матери.— Домъ и семейство Северины Залевской.— Болѣзнь и смерть моего дяди, старосты бахтынскаго.

.... Я получилъ эстафету съ извѣстіемъ, что моя дорогая мать заболѣла и что я долженъ какъ можно скорѣе возвратиться домой, такъ какъ хотя болѣзнь ея и не безнадежна, но она хочетъ видѣть меня возлѣ себя. Въ ту же ночь я выѣхалъ на почтовыхъ изъ Варшавы. Я засталъ мать очень слабой. Послѣ трехмѣсячныхъ страданій она скончалась на моихъ рукахъ.

Послѣ смерти матери собрался семейный совѣтъ изъ дяди по отцу и дядей по матери. Исполняя волю покойной, они занялись формальностями по утвержденію ея завѣщанія, и согласно выраженному мною желанію, чтобы сестры получили равныя со мною части въ имѣніи (хотя я имѣлъ по закону право на полученіе трехъ четвертей), члены семейнаго совѣта скрѣпили это рѣшеніе своими подписями, взявъ съ меня обѣщаніе, что я по достиженіи совершеннолѣтія признаю этотъ раздѣлъ предъ судомъ. Имѣніе тотчасъ было оцѣнено; суммы для моихъ сестеръ опредѣлены, а мнѣ досталось три села: Гальчинецъ, Агатовка и Сіомаки со всѣмъ инвентаремъ и домашней утварью. Изъ гар-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 5.

[2]) Опускаемъ подробности пребыванія Ч—го въ Варшавѣ.

дероба моей матери я взялъ, по горячимъ просьбамъ сестеръ, шубу изъ чернобурыхъ лисицъ и брилліантовый перстень, принадлежавшіе моей бабкѣ и впослѣдствіи очень мнѣ пригодившіеся.

Я занялся хозяйствомъ и этотъ трудъ, вмѣстѣ съ охотой, былъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ; шумныя забавы я разлюбилъ и избѣгалъ многолюдныхъ собраній, но все таки бывалъ у сосѣдей, даже влюблялся, потому что кто же не влюблялся въ молодости. О женитьбѣ я не могъ и думать, такъ какъ былъ совсѣмъ еще молокососомъ. Я былъ сильно влюбленъ въ панну Северину Залевскую изъ Пилипъ, дочь маршалка Залевскаго, которая была старше меня нѣсколькими годами, обладала всѣми прелестями русалки, много читала и была большой энтузіасткой; мы постоянно разсуждали о Байронѣ, о Шекспирѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Она видѣла во мнѣ будущаго писателя и украинскаго рыцаря и всегда говорила, что я рожденъ для великихъ дѣлъ. Слушая это, я однажды такъ расхрабрился, что сказалъ ей, что люблю ее столько же, а можетъ быть и больше, какъ и моего „Долота". У панны Северины было три тетки, старыя дѣвушки. Услышавъ такое своеобразное объясненіе, онѣ чуть не упали въ обморокъ. Я, однако, все таки стоялъ на своемъ и доказывалъ, что сравненіе съ „Долотомъ" есть доказательство самой горячей и искренней любви, потому что съ „Долотомъ" я никогда бы не разстался и никому бы его не отдалъ. Тетки кричали и называли меня варваромъ, но панна Северина вѣрила въ мою любовь.

У панны Северины, кромѣ упомянутыхъ трехъ тетокъ, было еще двѣ сестры, Юзефа и Роза. Очень часто въ Пилипахъ проживала графиня Гудовичъ съ тремя дочерями и пани Туркулъ, также съ очень красивыми дочерями.

Домъ Залевскихъ былъ очень пріятнымъ домомъ, гдѣ собиралось хорошее общество. Здѣсь много читали,—выписывались польскія и иностранныя періодическія изданія,—забавлялись, и танцовали. Душею общества былъ Игнатій Струмилло, котораго звали мѣшкомъ съ новостями, разсказами и остротами.

Полковникъ Гудовичъ имѣлъ страсть къ игрѣ на віолончели, но игралъ такъ немилосердно, что приходилось затыкать

уши и убѣгать изъ комнаты. Это не мѣшало, впрочемъ, ему въ каждый пріѣздъ свой въ Пилипы давать концертъ на віолончели.

Бывалъ тамъ и Феликіанъ Мясковскій изъ Бабушекъ, владѣлецъ оазиса среди сыпучаго песка, написавшій о себѣ:

Ja Felician z Babuszek i prozą i wierszem
Jestem poetą pierwszem.

(т. е. Я Феликіанъ изъ Бабушекъ—первый поэтъ и въ прозѣ, и въ стихахъ), паннѣ Розѣ онъ посвятилъ слѣдующій акростихъ:

Róża ma zakalce,
On ma długie palce,
Żeby wyjąc zakalce,
A nie kłuć palce.

(т. е. У розы есть шипы, а у него длинные пальцы, чтобы вынуть шипы и не уколоть пальцевъ) и былъ доволенъ, что начальныя буквы каждаго стиха составляли слово Roża, а когда Струмилло замѣтилъ ему, что не было значка надъ о и, слѣдовательно, не выходило Róża, то бѣднякъ такъ былъ опечаленъ, что поѣхалъ за совѣтомъ къ Константину Піотровскому, котораго называлъ патріархомъ поэтовъ, и въ Пилипы больше не возвращался.

Изъ другихъ посѣтителей замѣчателенъ былъ Викентій Омецинскій. Прежде онъ отличался такимъ мягкимъ сердцемъ и такою нервностью, что не могъ взять въ руки ружья, а когда однажды увидѣлъ зайца, растерзаннаго борзыми, то удалилъ всѣхъ борзыхъ изъ села; при видѣ убитой курицы у него дѣлалось сердцебіеніе. Однажды нѣкто Тележинскій, бывшій офицеръ польскихъ войскъ, человѣкъ самолюбивый и вспыльчивый, нанесъ тяжкое оскорбленіе его старику-отцу и сестрѣ. Омецинскій принужденъ былъ вызвать его на поединокъ. Секунданты, Янъ Омецинскій и Анастасій Дунинъ, не могли окончить дѣло миромъ. Тележинскій упорно не хотѣлъ извиниться. Викентій Омецинскій, зажмуривъ глаза и отвернувшись, выстрѣлилъ и такъ несчастливо, что положилъ противника на мѣстѣ. Началось слѣдствіе. Омецинскій былъ приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, но, избѣгая наказанія, онъ уѣхалъ въ Грецію; тамъ онъ вступилъ въ ряды филэллиновъ и сдѣлался храб-

рымъ солдатомъ; потомъ, безъ всякой протекціи, единственно во вниманіе къ его храбрости, онъ былъ принятъ во французскую армію и сдѣлался адъютантомъ генерала Шнейдера. Дослужившись до чина капитана и получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ былъ помилованъ, по ходатайству короля Карла X. Анастасій Дунинъ также долженъ былъ эмигрировать за границу, а Янъ Омецинскій представилъ 24 свидѣтеля-шляхтича, которые подъ присягой показали, что видѣли его въ день поединка въ Бердичевѣ, и благодаря этому былъ оправданъ.

Едва окончился у насъ срокъ траура по матери, какъ получено было извѣстіе, что дядя мой Каэтанъ Чайковскій, староста бахтынскій и подкоморій венденскій, сильно захворалъ и лежитъ въ постели въ Ходоровѣ, селѣ радомысльскаго уѣзда.

Староста былъ бездѣтенъ; девяносто съ лишнимъ лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и нажилъ милліоны, заключавшіеся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и долговыхъ обязательствахъ. Хотя объ его болѣзни не было объявлено ни въ газетахъ, ни черезъ нарочныхъ, но всѣ наслѣдники съѣхались въ одинъ день. Никакая колонна самаго лучшаго войска не выполнила бы такъ блистательно форсированнаго марша, какъ эти наслѣдники—дѣти трехъ его братьевъ и двухъ сестеръ.

Ходоровъ былъ плохенькой полѣсской деревушкой, расположенной среди лѣсовъ и болотъ; колеса ломались, лошади портили себѣ ноги по дорогѣ туда, но мы все таки доѣхали,—кто захочетъ, тотъ и можетъ. Въ домѣ, или вѣрнѣе домикѣ о шести комнатахъ, крытомъ дранью, не было ни одного замка, ни одной желѣзной задвижки, хоть староста былъ владѣльцемъ рудниковъ; вмѣсто стеколъ въ окнахъ была вставлена пропитанная масломъ бумага или пузыри, хотя у старосты былъ обширный и прекрасный стеклянный заводъ. Въ домѣ вовсе не было мебели столярной работы; всѣ столы, стулья и скамейки были сдѣланы самымъ первобытнымъ образомъ, да и ихъ было немного. На стѣнахъ мучнымъ клейстеромъ были приклеены картины, изображающія сцены изъ исторіи блуднаго сына, безъ рамъ, безъ стеколъ. Подъ этими картинами стояла скамья, гдѣ на сѣнникѣ, даже не покрытомъ простынею, лежалъ панъ ста-

роста; подъ головой у него была подушка со стараго козацкаго сѣдла, прикрытъ онъ былъ козацкой буркой, сильно полинявшей. Страдалъ онъ сильно, но каждаго изъ насъ узнавалъ и съ каждымъ здоровался.

Я привезъ съ собою искуснаго врача, доктора Клейна изъ Коростышева, и просилъ дядюшку, чтобы онъ позволилъ осмотрѣть себя. Сначала онъ не соглашался, говоря, что это повлечетъ за собою большія издержки, но послѣ того, какъ я поручился, что никакихъ издержекъ не будетъ и послѣ удостовѣренія доктора, что онъ его осмотритъ какъ пріятель, а не какъ врачъ, и никакого вознагражденія ни отъ него, ни отъ его наслѣдниковъ требовать не будетъ, староста въ припадкѣ жестокихъ мученій заговорилъ: „Охъ, если бы кто меня вылечилъ, далъ бы ему"... и послѣ паузы добавилъ: „два рубля серебромъ!". И только тогда позволилъ себя осмотрѣть. Докторъ Клейнъ сообщилъ намъ, что уже нѣтъ никакой надежды, что гангрена распространилась до живота и никакая операція невозможна. Послѣ осмотра староста позвалъ своего стараго слугу Данила и велѣлъ ему сосчитать сколько насъ всѣхъ. На его отвѣтъ, что тридцать восемь, а докторъ тридцать девятый, староста довольно громкимъ голосомъ сказалъ:

„Возьми ту черную курицу, что нѣсколько дней тому назадъ поймали на потравѣ, зарѣжь ее и свари имъ супъ, да не жалѣй воды! Теперь жарко,—не слѣдуетъ объѣдаться".

Никто изъ насъ не былъ смущенъ этимъ, но противно было видѣть такую скаредность при такомъ богатствѣ.

Пока староста умиралъ, Симфоріанъ Чайковскій, отставной гусарскій ротмистръ, который привезъ съ собою хорошаго повара, отперъ погреба и кладовыя, безъ всякаго протеста со стороны Данила, перешедшаго совершенно на сторону ротмистра, и нашелъ тамъ головы сахару, пряности, старое вино и все, чего только душа пожелаетъ, сваленнымъ въ кучи. Это были залоги и подарки старостѣ отъ евреевъ, которые занимали у него деньги. Нашлось и столовое бѣлье, и серебро, и хрусталь, и фарфоръ. Въ кухнѣ запылалъ огонь, въ хлѣбномъ амбарѣ былъ накрытъ столъ. Въ то время какъ староста мучился и

умиралъ, а ротмистръ, гордый своимъ успѣхомъ, прохаживался и поглядывалъ на приготовленія, одинъ изъ наслѣдниковъ, нарядившись въ шубу и шапку больного, медленнымъ шагомъ направился къ амбару. Увидѣвъ его, ротмистръ страшно перепугался и со словами: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!“ пустился бѣжать и спрятался въ коноплѣ, будучи въ полной увѣренности, что староста поднялся со смертнаго одра. Едва нашли его послѣ смерти старосты, который скончался къ вечеру въ ужасныхъ мученіяхъ.

Еще передъ ужиномъ, въ присутствіи прибывшихъ судьи, подсудка, писаря и нѣсколькихъ сосѣдей, было вскрыто и прочитано завѣщаніе старосты. Завѣщаніе это было такъ же странно, какъ странна была и вся жизнь моего дядюшки.

Имущество было раздѣлено на четыре части. Первая изъ нихъ была завѣщана потомкамъ полковника Михаила Чайковскаго, т. е. двумъ его сыновьямъ—Проту и Симфоріану, съ оговоркой, что такъ какъ послѣдній ведетъ распутную жизнь и извѣстенъ за неисправимаго расточителя, то онъ не получитъ своей части въ распоряженіе, а будетъ пользоваться только процентами и находиться подъ опекой своего брата Прота. Подъ опекой же будутъ находиться и дѣти, и внуки Симфоріана Чайковскаго, и только правнуки, если семейный совѣтъ признаетъ, что они не унаслѣдовали дурныхъ качествъ своего предка, получатъ слѣдуемую имъ часть въ полное распоряженіе.

Вторую часть староста завѣщалъ потомкамъ Крыштофа Чайковскаго: четыремъ сестрамъ и брату поровну, потому что Эдуардъ Чайковскій занимался игрой на віолончели, а не былъ военнымъ, какъ его отецъ. Для віолончелиста де достаточно и и пятой части.

Третья часть досталась потомству Станислава Чайковскаго, т. е. мнѣ и моимъ тремъ сестрамъ, притомъ мнѣ три четверти, а сестрамъ четвертая—въ награду за то, что я допустилъ сестеръ къ равному участію при раздѣлѣ имѣнія, доставшагося отъ родителей, и за то, что я довелъ хозяйственную экономію до неслыханной до тѣхъ поръ степени совершенства, облагая охотничьихъ собакъ панщиной и тѣмъ опровергнувъ Завишу

Черниховскаго, утверждавшаго, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно уже взяли бы ее въ аренду [1])—дядюшка не любилъ Завиши Черниховскаго, какъ соперника въ дѣлѣ накопленія богатства.

Четвертая часть была предназначена потомству двухъ сестеръ старосты—пани Дзвонковской и пани Барановской.

Имущество стоило около восьми милліоновъ и заключалось въ земляхъ и въ обязательствахъ. Были процессы, подчасъ удивительные, какъ напр. съ какимъ то паномъ Михальскимъ, который жаловался, что староста продалъ ему изъ чудновскихъ лѣсовъ три тысячи корцевъ орѣховъ, изъ которыхъ двѣ тысячи корцевъ оказалось свистуновъ (пустыхъ).

Курьезнѣе всѣхъ былъ процессъ съ Несторомъ Барановскимъ, который, будучи долженъ старостѣ 300,000, присужденныхъ ко взысканію съ его имѣнія, захватилъ за какую то претензію въ 12,000, купленную у какого то кредитора старосты, Чудновскую Гуту, дававшую 400,000 годоваго дохода, и владѣлъ ею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще подсмѣивался надъ старостой, говоря: „Тогда увидишь свою Гуту, когда у меня выростутъ на ладони волосы!“

Части недвижимаго имущества были тотчасъ выдѣлены, а взысканіе долговъ поручено Проту Чайковскому. Я, какъ сынъ самаго младшаго брата, имѣлъ право выбора части. Я выбралъ Чудновскую Гуту, принадлежавшую прежде банкиру Теперу и Проту Потоцкому, съ селами: Чайковкой, Сенявкой, Крутымъ Потокомъ и Быковкой; тамъ было двѣ съ половиной тысячи душъ вольныхъ поселенцевъ, четыреста пятьдесятъ *волокъ* [2]) лѣсу, изъ котораго триста волокъ было мачтоваго, годнаго для бочарнаго дѣла и даже постройки цѣлыхъ кораблей. Лѣсъ этотъ былъ надъ Случью. Стеклянный заводъ (Гута) былъ самый лучшій и самый доходный во всемъ юго-западномъ краѣ, а издѣлія его были образцовыми. Въ Сенявѣ тоже былъ заводъ, въ Чайковкѣ и Крутомъ Потокѣ—желѣзные рудники, а въ Бы-

---

[1]) См. „Кіев. Старина“.—Январь.

[2]) Волока—30 морговъ, т. е. болѣе 20 десятинъ.

ковкѣ производилась обработка мѣсныхъ матеріаловъ, тамъ же было одиннадцать волокъ пущи, гдѣ была столица лосей надслучанскаго полѣсья.

Не теряя времени, я поѣхалъ съ гальчинецкими козаками въ мои новыя владѣнія. Тамъ я засталъ Нестора Барановскаго. Безъ всякихъ разсужденій я велѣлъ козакамъ выбросить его вещи за окно, а его самого и его людей выпроводить за предѣлы моихъ владѣній, возному же велѣлъ завтра принять управленіе имѣніемъ отъ моего имени. Барановскій не оказалъ никакого сопротивленія и только все повторялъ: „Такъ таковъ то ты сынку, настоящій внучекъ стараго Гленбоцкаго!“ Вечеромъ того же дня онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Я принялъ его радушно, по помѣщичьи. Онъ смѣялся: „Вижу, что ты не бахтынецъ, а забіяка; воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Не будемъ тягаться, какъ жиды, а будемъ жить, какъ братья“. И съ тѣхъ поръ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и не вели другъ съ другомъ никакихъ процессовъ.

На собраніи наслѣдниковъ старосты бахтынскаго совѣщались, кому поручить управленіе имѣніями до законнаго утвержденія во владѣніи. Были между наслѣдниками и люди солидные, хорошіе хозяева, но былъ и Симфоріанъ Чайковскій, который уже три раза спустилъ до послѣдняго гроша значительныя имѣнія; въ первый разъ его выручило наслѣдство послѣ президента Проскуры, во второй—послѣ генеральши Герличъ. Теперь, когда онъ пріѣхалъ въ Ходоровъ, у него не было ничего кромѣ четверки лошадей, кареты и полтинника денегъ, какъ передавалъ мнѣ онъ самъ, прибавляя, что разсчитывалъ заѣхать въ Гальчинецъ и тамъ ожидать смерти старосты. За нѣсколько дней передъ этимъ, сведя счеты съ братомъ Протомъ, онъ отдалъ ему наслѣдственную деревню Минійки и, за уплатой долговъ, получилъ отъ него еще тысячу голландскихъ дукатовъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Радомысль и тамъ, какъ повѣтовый хорунжій, угощалъ дворянство, пока у него не остался только полтинникъ, съ которымъ онъ и намѣревался отправиться въ Гальчинецъ, когда до него дошла вѣсть о болѣзни дядюшки; тогда онъ поѣхалъ въ Ходоровъ. Здѣсь

онъ устроилъ лукулловскій пиръ на поминкахъ старосты и этимъ снискалъ расположеніе наслѣдниковъ. Первая Θеодосія Третьякова предложила, чтобы Симфоріана сдѣлать управляющимъ, такъ какъ у него нѣтъ ничего и онъ доказалъ свое умѣнье хозяйничать. Сестра ея съ жаромъ поддержала это предложеніе. Когда стали пить тосты, наслѣдники одинъ за другимъ стали просить Симфоріана принять на себя управленіе. Одинъ только его братъ Протъ сопротивлялся этому, но среди общихъ криковъ: „просимъ! просимъ!", при звонѣ стакановъ, и онъ махнулъ рукой:

— Пусть и такъ будетъ!

И панъ Симфоріанъ сдѣлался распорядителемъ нераздѣленнаго имѣнія. Ему дали Ходоровъ, чтобы было гдѣ ему жить, и мѣстечко Торчинъ на Волыни, чтобы было откуда добывать на житье денегъ. Въ два мѣсяца онъ растратилъ доходы, распродалъ движимость, надѣлалъ долговъ и, наконецъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ корчмѣ, куда заѣхалъ по дорогѣ.

Этотъ семейный совѣтъ, эта оцѣнка, этотъ выборъ, равно какъ и исходъ всего этого—въ маломъ видѣ былъ изображеніемъ того, что дѣлали поляки въ своихъ дѣлахъ.

VII.

Фабрики и промыслы, учрежденные Протомъ Потоцкимъ.—Вольные поселенцы.—Освященіе воды въ Кіевѣ.—Городская милиція.—Контракты.—Северинъ Польховскій.—Брусиловъ.

Я сдѣлался владѣльцемъ многихъ помѣстій, но требовались издержки, необходимо было серьезно заняться этимъ новымъ родомъ хозяйства. Мой зять Карлъ Ружицкій вышелъ въ отставку и взялъ на себя управленіе фабриками во вновь унаслѣдованныхъ имѣніяхъ, а Гальчинецъ доставлялъ необходимыя деньги и хлѣбъ.

Чудновская Гута была основана въ послѣдніе годы правленія королей саксонской династіи графомъ Протомъ Потоцкимъ, который первый изъ поляковъ началъ фабрично-предпринимательское и торговое хозяйство въ большихъ размѣ-

рахъ, и банкиромъ Теперомъ, который былъ компаньономъ Потоцкаго. Выписаны были изъ Чехіи мастера, рѣзчики и рабочіе, и стеклянный заводъ сразу былъ поставленъ самымъ прекраснымъ образомъ. Это товарищество владѣло почти всѣми лѣсами по Тетереву и по верхней Случи, Чудновымъ и Мурованой Махновкой съ прилегающими селами, что составляло громадную площадь. Кромѣ главнаго стекляннаго завода, были устроены еще меньшіе, возобновлены старинныя желѣзоплавильни и заведены лѣсопильни. Край зажилъ новой жизнью, до тѣхъ поръ ему невѣдомой, мѣстныя природныя богатства открывались одно за другимъ, рабочіе съ ихъ семействами стекались со всѣхъ сторонъ. Пустынныя дотолѣ пущи и болота покрывались новыми поселеніями, уже извлекались громадные доходы, а край казался будущимъ Эльдорадо или Калифорніей, когда наступили религіозныя смуты, царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго съ наѣздами, бунтами, возстаніями гайдамаковъ, конфедераціями, кончившееся раздѣломъ Польши. Всѣ эти неурядицы и потрясенія особенно сильно отозвались на юго-западной Руси, присоединенной Ягеллонами къ Польшѣ. Фабричное производство, уже доведенное до высокой степени совершенства, не могло устоять, пало и произошло распаденіе этого огромнаго имѣнія. Большія помѣстья образовались на мѣстѣ этого фабричнаго округа, но промышленность захирѣла. Достаточно было проѣхать по мѣстности, гдѣ были расположены заводы Прота Потоцкаго, и подумать о его дѣятельности, чтобы признать, что онъ былъ первымъ, а можетъ быть и единственнымъ, полякомъ—предпринимателемъ во имя добра, народнаго обогащенія, во имя будущаго. Онъ не пускался въ спекуляціи, которыми онъ или товарищество могли нажить большія деньги, какъ впослѣдствіи вошло въ обыкновеніе между польскими магнатами, бравшими примѣръ съ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, напротивъ, онъ добывалъ богатства изъ земли и давалъ ихъ народу, ради будущаго промышленнаго развитія и обогащенія края, и потому, хотя о немъ ничего не было пи-

сано, но его долго помнили въ народѣ и старики, и дѣти, и часто говорили: „такъ велѣлъ дѣлать панъ Протъ Потоцкій“.

Карлъ Ружицкій, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ хорошимъ воиномъ, но онъ оказался также и незауряднымъ хозяиномъ, что доказалъ управляя новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ стеклянный заводъ въ его прежнее прекрасное состояніе. Вольные поселенцы получили заработки и положеніе ихъ улучшилось.

Положеніе этихъ вольныхъ поселенцевъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ помѣщикамъ. Одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану, который можетъ торговать ими и распоряжаться ими по произволу, придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ просвѣщенію. Я не зналъ ни одного изъ мастеровъ, который не умѣлъ бы читать, писать и считать. Эта группа вольныхъ поселенцевъ какъ бы намѣренно была заброшена сюда, чтобы приготовить пановъ и хлоповъ, владѣльцевъ и подданныхъ, къ перемѣнамъ, которыя, какъ слѣдовало предвидѣть, должны были произойти. Однимъ словомъ, это была какъ бы приготовительная школа и наглядное доказательство того, что и безъ крѣпостныхъ, можно было хозяйничать и извлекать доходы.

Русское правительство это хорошо понимало, но помѣщики-поляки не хотѣли уразумѣть этой истины.

Во время жаровъ на стеклянныхъ заводахъ работаютъ большею частью по ночамъ, и тогда заводъ кажется адомъ. Говорятъ, что іезуитъ Ротанъ, который проживалъ нѣкоторое время въ Романовѣ, прежде чѣмъ сдѣлался генераломъ ордена іезуитовъ въ Римѣ, осматривая чудновскій заводъ вмѣстѣ со второй женой сенатора-кардинала Илинскаго, урожденной Куракъ, сказалъ ей:

— Если бы адъ былъ таковъ, то еще полбѣды,—эти дьяволы имѣютъ видъ добрыхъ чертей. Панъ сенаторъ - кардиналъ могъ бы послать графиню сюда, это было бы полное очищеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Графиня усмѣхнулась, но не тому что говорилъ iезуитъ, а вспомнивъ торжество, устроенное въ этихъ же лѣсахъ въ ея честь гусарами 3-й дивизiи.

Былъ морозъ въ 24 градуса. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили ярко. На прогалинѣ, среди сосноваго бору была устроена изъ ледяныхъ плитъ огромная зала съ кабинетами по бокамъ. Вмѣсто потолка былъ небесный сводъ. Полъ и сидѣнья были покрыты драгоцѣнными персидскими и турецкими коврами. Посреди этой огромной залы пылали смолистыя сосновыя колоды; огонь былъ урегулированъ такъ, что было тепло, какъ весной или въ началѣ осени, а освѣщена была зала такъ ярко канделябрами въ видѣ огненныхъ звѣздъ, что можно было видѣть всякую пылинку на коврѣ. Въ углахъ залы было помѣщено 4 гусарскихъ оркестра, игравшихъ одновременно. Генералъ Тыманъ и полковникъ Норвидъ, оба литвины, дѣти пущи, были хозяевами на этомъ пиршествѣ. Всѣ сосѣди были приглашены сюда. Танцовали, забавлялись, а подъ конецъ принесенъ былъ серебряный котелъ и въ немъ приготовленъ пуншъ; онъ былъ выпитъ и гусарскiй праздникъ получилъ названiе гусарскаго пунша. Этотъ праздникъ, какъ я сказалъ, былъ устроенъ въ честь графини Илинской.

На этомъ гусарскомъ праздникѣ я познакомился съ Францискомъ Киркоромъ, въ то время подпоручикомъ 4-го полка польскихъ конныхъ егерей, прiѣхавшимъ на этотъ праздникъ съ подсудкомъ Садовскимъ, своимъ зятемъ, который былъ повѣреннымъ моего дяди, а потомъ моимъ. Мы очень сошлись другъ съ другомъ, хотя онъ былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ. Никто изъ насъ и не предчувствовалъ тогда, что судьба снова сведетъ насъ вмѣстѣ уже въ иной странѣ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ГЕТМАНЪ ДАНІИЛЪ АПОСТОЛЪ ВЪ РОЛИ КОЛОНИЗАТОРА.[1])

Съ переворотомъ Хмельницкаго, вызваннымъ главнымъ образомъ экономическими и соціальными причинами, во внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи начинается новая эра; всѣ прежніе порядки были „скасованы" козацкой саблей.

Не послѣднюю роль въ этой новой исторіи Украйны играла и колонизація края со всѣми ея послѣдствіями. При различныхъ условіяхъ она принимала различные виды—свободная „займанщина" уступала мѣсто владѣльческой колонизаціи въ формѣ „осады слободъ" на владѣльческихъ земляхъ. Хотя право на землю (верховное, такъ сказать), съ изгнаніемъ поляковъ, и перешло къ „войску", но никто изъ представителей „войска" не препятствовалъ этой колонизаціи, устремившейся на опустѣлыя земли.—Земли были „свободны" въ понятіи народа, и на этой-то почвѣ, на „заимкѣ" этихъ свободныхъ земель, выросло и первоначальное право поземельной собственности въ Украйнѣ.—Это право надолго сохранилось въ памяти малороссійскаго народа, и въ своихъ спорахъ съ нарождавшейся земельной аристократіей, онъ долго еще обосновывалъ его на первоначальной свободной „заимкѣ".

А земельная аристократія нарождалась довольно интенсивно. Мы уже упоминали, что верховное право на землю принадлежало „войску". Гетманъ, какъ высшій представитель этого

---

[1]) Въ основу настоящей замѣтки положено „дѣло" харьковскаго историческаго архива подъ № 3383; приняты во вниманіе также и печатные источники и пособія; ссылки на нихъ читатель найдетъ далѣе.

войска и страны, широко пользовался этимъ правомъ и щедрою рукой производилъ раздачу земель, какъ „на рангъ“ старшинѣ, такъ и за старыя заслуги. Самъ онъ также получалъ „на рангъ“ громадныя земельныя богатства. Такимъ образомъ, масса земель очутилась въ рукахъ старшины и державцевъ, и „займанщина“, въ своемъ первоначальномъ видѣ, должна была ослабѣть. Между тѣмъ населеніе было еще рѣдкое. Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ. И вотъ на этой почвѣ выросла новая система заселенія страны—„осадою“ слободъ на владѣльческихъ земляхъ.

Посмотримъ теперь, откуда набирались поселенцы этихъ слободъ. Уже изъ гетманскихъ универсаловъ конца XVII и первой четверти XVIII вѣка видно, что кромѣ „тяглыхъ“ крестьянъ, т. е. обладавшихъ осѣдлостью (пахатной землей, усадьбой, скотомъ и т. д.), были еще и необладавшіе осѣдлостью—„лезные“. Откуда могъ взяться въ Малороссіи этотъ безземельный классъ? Съ одной стороны это были „захожіе“—изъ Литвы, Великороссіи и правобережья, а съ другой—и люди мѣстные, предпочитавшіе покидать свои осѣдлости, вслѣдствіе возраставшихъ повинностей державцамъ. Вотъ съ этими то двумя элементами и предпочитали имѣть дѣло державцы.—Державцы привлекали поселенцевъ на слободы разными льготами; эти льготы, или „слободы“ давались имъ на извѣстный срокъ 5—10 лѣтъ. Но по минованіи этого срока, слобожане оказывались въ очень невыгодномъ положеніи: безправные на чужой землѣ и ставшіе сразу въ обязательныя отношенія къ державцѣ, они были, конечно, гораздо слабѣе коренного населенія, и гораздо легче попадали въ трудовую и личную зависимость отъ землевладѣльца (такъ, первыя купли крестьянъ въ Малороссіи были купли слобожанъ [1]).

Вотъ къ какимъ результатамъ приводила въ концѣ концовъ эта „слобода“.

Гетманъ въ Малороссіи былъ съ одной стороны высшимъ представителемъ власти, а съ другой крупнымъ поземельнымъ

---

[1]) См. А. М. Лазаревскаго „Посполитые въ Малороссіи“, стр. 97.

собственникомъ, интересы котораго вполнѣ совпадали съ интересами козацкой старшины. Такъ было и въ дѣлѣ заселенія слободъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ документъ харьк. ист. архива, и нѣкоторые другіе источники.

Еще въ бытность свою миргородскимъ полковникомъ, Даніилъ Апостолъ не отставалъ отъ остальной старшины въ увеличеніи своихъ земельныхъ угодій. Онъ скупалъ земли въ Хомутцѣ, Сорочинцахъ и т. д., заселяя ихъ слободами. Такъ онъ поселилъ слободу въ урочищѣ Шарковщинѣ (около Кибинца), село Фидровку и Пустовойтово.—Въ 1689 г. онъ получилъ универсалъ на Хомутецъ, Бакумовку, Фидровку, а въ 1690 г. эти маетности были укрѣплены за нимъ царской грамотой. Въ 1710 г. онъ получилъ еще грамоту на нѣкоторыя маетности въ Полтащинѣ и Черниговщинѣ [1]).

Сдѣлавшись гетманомъ, Апостолъ продолжалъ увеличивать свои земельныя богатства, а въ 1729 г. опять сталъ осаживать слободы на скупленныхъ земляхъ.

Кромѣ ранговой собственности, гетманъ могъ имѣть и личную, пріобрѣтенную различными путями, между прочимъ и скуплей земель.—Но все же общій характеръ гетманскихъ владѣній былъ ранговый, пожизненный.

Изъ описи имѣній [2]), принадлежавшихъ гетману Даніилу Апостолу на булаву, на кухню и т. д., составленной по указу императрицы кн. Шаховскимъ, видно, что населеніе этихъ имѣній несло тѣ же денежныя и натуральныя повинности, что и во владѣльческихъ имѣніяхъ. Можно только заранѣе сказать, что личная зависимость въ гетманскихъ владѣніяхъ была слабѣе. И дѣйствительно, изъ упомянутой описи видно, что главныя статьи дохода доставляли чиншевые, несшіе денежныя, и тяглые, несшіе смѣшанные повинности (денежно-натуральныя); болѣе бѣдное населеніе (пѣшіе и т. д.) было обложено меньшими денежными и натуральными налогами. Немало было и такихъ, которые не отбывали никакихъ повинностей (напр. подсусѣдки).

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 93.

[2]) См. Судіенко. Матеріалы для отеч. исторіи, т. I. ч. III.

Почти весь штатъ служащихъ былъ наемный. Въ личной зависимости были бояре, состоявшіе на посылкахъ, отбывавшіе сторожу при замкахъ и т. п...—Но все же личная зависимость была очень незначительна.

Что же могло заставить гетмана обратиться къ „осадѣ“ слободъ?

Конечно, это былъ тотъ же личный разсчетъ, какимъ руководствовались въ данномъ случаѣ и его современники-державцы: скупивъ въ *личную* собственность грунты и не имѣя достаточнаго количества рабочихъ рукъ для эксплуатаціи этихъ грунтовъ, онъ предпочиталъ имѣть дѣло со слобожанами.

Вотъ почему въ 1729 г. гетманъ Д. Апостолъ поручилъ мглинскому сотнику Алексѣю Есимонтовскому скупать на его имя грунта, намѣреваясь осадить слободы, въ стародубскомъ полку, въ мглинской сотнѣ, за рѣкою Ипутью.

Стародубскій полкъ составлялъ часть Сѣверщины, а этой части лѣвобережной Украйны вообще не посчастливилось. Яблоко раздора между Москвой и Литвой, она по Деулинскому перемирію отошла опять къ Рѣчи Посполитой.—Заведенные здѣсь во время владычества Москвы порядки, поляки не замедлили замѣнить своими. Присланные для разслѣдованія поземельныхъ владѣній польскіе чиновники въ большинствѣ случаевъ подѣлались мѣстными землевладѣльцами, и московскіе „боярскіе дѣти“ были замѣнены польскими панами. (Такъ, напр., Н. Абрамовичу принадлежалъ Мглинъ съ округомъ, Ал. Пясочинскому—Погаръ, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ и т. п. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи, т. I).

Охватившее всю Украину возстаніе 1648 г., хотя нѣсколько позднѣе, коснулось и Сѣверщины. Послѣ пораженія поляковъ подъ Батогомъ, народъ болѣе энергично поднялся на пановъ, не остановился и передъ короннымъ литовскимъ войскомъ, и оно было изгнано изъ Стародуба. Въ 1654 г. Сѣверщина, вмѣстѣ со всей Украиной, была присоединена къ московскому государству.

Державческое землевладѣніе развивалось здѣсь болѣе интенсивно, чѣмъ въ остальной Украинѣ.

Сѣверщина привлекала не земельными богатствами, (такъ какъ почва здѣсь скудная), а различными побочными промыслами. Такъ здѣсь было очень развито бортное пчеловодство, было много лѣса, добывалась селитра и т. п. Кромѣ того, эта страна была неравномѣрно заселена. Особенно рѣдко было населеніе въ Поипутьи, въ предѣлахъ мглинской сотни, такъ какъ эта мѣстность была почти сплошь покрыта лѣсами. Заселеніе Поипутья продолжалось почти весь XVIII вѣкъ [1]).

Вотъ въ этой то мѣстности выступилъ и гетманъ въ роли колонизатора, поручивъ, какъ мы уже упоминали, скупать землю Ал. Есимонтовскому [2]). Въ томъ же 1729 г., Ал. Есимонтовскій извѣщалъ гетмана, что онъ скупилъ уже на его долю часть грунта далисицкаго и дроковскаго, лежащаго за Ипутью. Кромѣ того предлагалъ „для прислуги" и свой грунтъ въ урочищѣ Ловчомъ, между рѣчками Кременцомъ и Ржачей, въ мѣстности лѣсной, удобной для бортнаго пчеловодства и „сказуютъ угодное будетъ на слободу". Въ свою очередь, дроковскій козакъ Стефанъ Фирса, предлагалъ и свой грунтъ отчинный „з землею, двома стами бортными деревами.... обширне сягаючій", желая взамѣнъ его „общаго пашенного кгрунту въ селидбенихъ пляцахъ шисть шостокъ". Этотъ грунтъ, который хотѣлъ получить Фирса взамѣнъ своего, находился въ селѣ Новомъ Дроковѣ, во владѣніи „захожихъ" людей изъ маетности Хр. Романовской, по грамотѣ императрицы, но былъ ими проданъ хорунжему Мартину Лишню за 100 золотыхъ, которые Лишень далъ имъ на церковь. По разсмотрѣніи оказалось, что Лишень и такъ скупилъ уже очень много грунтовъ въ разныхъ селахъ „з жилими людми", а потому гетманъ счелъ себя въ правѣ издать универсалъ, запрещавшій Лишню дальнѣйшую скуплю грунтовъ, запретилъ ему также и „приворочать" въ подданство людей. Между прочимъ, относительно купленнаго Лишнемъ грунта у новодроковцевъ, рѣшилъ такъ: отдать, въ свою очередь, имъ 100 золо-

---

[1]) См. Лазаревскій. Опис. ст. Малороссіи, т. I, стр. 324.

[2]) Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3383.

тыхъ на церковь, а грунтъ этотъ отдать Фирсѣ взамѣнъ его грунта. Вопросъ рѣшался просто.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу купчихъ и изъ предыдущаго выясняется, какого рода грунта предназначались гетманомъ подъ слободы. Кромѣ грунта Ал. Есимонтовскаго, Фирсы и еще нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ, это были по большей части грунта жителей села Н. Дрокова и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селъ. Н. Дроковъ былъ свободнымъ войсковымъ селомъ и до Апостола находился въ вѣдѣніи мглинской ратуши. Мѣстная старшина скупила постепенно грунты у ново-дроковцевъ [1]), и самъ гетманъ, какъ видимъ, дѣлалъ тоже самое: къ дѣлу приложено 16 купчихъ „урядовыхъ" на грунта мѣстныхъ жителей.

Вслѣдъ затѣмъ для осмотра этихъ скупленныхъ на имя гетмана грунтовъ были посланы особыя лица: бунч. тов. Парф. Пекалецкій, Ст. Уманецъ, городовой глуховскій атаманъ, и еще нѣкоторыя другія. Имъ выдана была гетманомъ особая инструкція, по которой они должны были дѣйствовать. Вотъ что они должны были сдѣлать: осмотрѣть купленные на гетмана грунта (отчинные и сѣнокосные), будутъ ли они удобны подъ слободу, сколько дворовъ тамъ можно осадить, донести какова величина („обширность") этихъ грунтовъ; осмотрѣть и выбрать мѣсто подъ греблю и подъ млинъ, есть-ли тамъ рѣчки и какія („тягучіе или весняніе").—Они же должны были осмотрѣть въ въ томъ же порядкѣ и грунтъ Ал. Есимонтовскаго (въ урочищѣ Ловчомъ), донести гетману стоятъ ли всѣ эти грунта тѣхъ денегъ, какія за нихъ заплачены по купчимъ,—и, наконецъ, разслѣдовать дѣла по всѣмъ челобитнымъ отъ мѣстныхъ жителей гетману (большинство этихъ „супплѣкъ" возникло вслѣдствіе захватовъ земель мѣстною старшиной). Въ своихъ розыскахъ они должны были руководствоваться показаніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей („розыскать вправду якъ посилянами тамошними, такоже и покрестными людми").

Изъ послѣдующаго хода дѣла видно, что гетманскіе уполномоченные признали удобными эти грунта подъ слободы.

---

[1]) См. Лазаревскій. Оп. стар. Малороссіи, т. I, стр. 357.

Самое дѣло „осады“ слободъ Далисичи и Дрокова и досмотра за ними было поручено особымъ осадчимъ и досмотрщикамъ (Тимофею и Мартыну Лишнямъ). На ихъ обязанности лежалъ досмотръ за этими вновь осаживающимися слободами, они же должны были поселять тамъ и людей.

Кромѣ досмотрщиковъ и осадчихъ, назначены были еще и отченники, въ количествѣ 6 человѣкъ. Въ своемъ универсалѣ гетманъ мотивируетъ это назначеніе тѣмъ, что въ его слободахъ находятся и отчины, а потому назначаетъ туда отченниками жителей села Овчинца (сосѣднее село)—Онисима Галеенка съ товарищами [1]).—За эту службу гетману, какъ тѣ, такъ и другіе освобождались отъ всѣхъ сотенныхъ повинностей, и не могли даже быть привлечены къ суду безъ гетманскаго указа.

Осадчимъ этимъ и отченникамъ дано было приказаніе не принимать на слободу бѣглыхъ великороссійскихъ и смоленской шляхты крестьянъ, также и малороссійскихъ людей всякаго званія; они должны были осаживать эти слободы заграничными свободными литовскими людьми [2]).

---

[1]) Хотя изъ послѣдующаго хода дѣла не выясняется прямо функція этихъ отченниковъ, но можно предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о *бортникахъ*,—такъ какъ бортныя деревья обыкновенно называются *„верховою отчиной“*.

[2]) Приводимъ отрывки изъ нѣсколькихъ универсаловъ гетмана: „....симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, мѣючи мы въ полку стародубскомъ, въ сотнѣ мглинской, въ урочищи Долисичахъ и Наросли купленніе отчинніе и сѣнокосніе кгрунта за рѣкою Ипуттю, между рѣчокъ Кременцомъ и Ржачею... намѣрилисмо на оныхъ нашихъ кгрунтахъ осадити слободу.... тое еднакъ докладаемъ дабы той осадчій, кому занятe на скупленнихъ кгрунтахъ слободы полѣцено, жадною мѣрою не важился великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ пріймати“.... Данъ въ Глуховѣ 2 авг. 1730 р.

Въ другомъ универсалѣ добавлено „.... не тилко великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ, но и рейменту нашого малороссійского всякаго званія людей пріймати, лечъ мѣетъ оную слободу заграничними литовскими людми осажовати, отъ которой слободы занятя жебы окрестніе села въ владѣніи ихъ кгрунтовъ жадного не чинилося препятствія, онъ же осадчій накрѣпко остерегать мѣетъ“... Данъ въ г. Глуховѣ, дек. 14 дня 1729 р. (См. Судіенко Мат. для от. ист., т. I, стр. 80).

Вотъ еще отрывки изъ универсала о назначеніи Лишней и Галеенка.... „слободы наши, ново на купленнихъ кгрунтахъ селячіеся, Далисичи и Дроковъ, поручили въ досмотръ Тимофею и Мартину, хоружему сотнѣ мглинской Лишнямъ. Теди яко повинни оніе Лишнѣ слободы имѣть въ своемъ смотреніи и надзираніи и въ оныхъ

Вотъ вся процедура „осады“ гетманскихъ слободъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ бунч. тов. Петра Искрицкаго — роднаго племянника гетмана, эти грунты, вмѣстѣ со слободами, были отданы ему въ собственность („в держанне и владѣнне“), о чемъ извѣщались всѣ особымъ универсаломъ.

Но съ этой передачей не окончилась дѣятельность гетмана, какъ и самая исторія этихъ слободъ, на судьбу которыхъ гетманъ продолжалъ вліять своею властью, а поэтому мы и продолжимъ изложеніе дѣла.

Въ 1732 г. Искрицкій писалъ гетману отъ себя и отъ лица далисицкихъ жителей, жаловавшихся ему, что вслѣдствіе неотграниченія ихъ грунтовъ отъ сосѣдей, эти послѣдніе (В. Гудовичъ и др.), ихъ обижаютъ и пугаютъ, будто бы ихъ скоро изъ слободы „вынудятъ“. „Якими словами устрашенніе будучи, люде тіи (яко простъ народъ) много з нихъ уже поселившихся оборотилося во спять, туди откуда пришли были“, писалъ Искрицкій, и просилъ гетмана прислать людей для отмежеванія этихъ грунтовъ („чтобъ приходячимъ з заграниці людемъ селитися было безпечно“).

Просьба Искрицкаго была исполнена: гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ „искуснымъ людямъ“ ѣхать на мѣсто и обмежевать владѣнія Искрицкаго. Дѣло размежеванія поручено было гетманомъ вмѣстѣ съ полковникомъ Р. Тургеневымъ—Кузьмѣ Злотову, офицеру глуховскаго полка, бунч. тов. Мокріевичу, волынскому сотнику Линевичу и канцеляристу Платковскому. Они должны были ѣхать на мѣсто и установить межу на основаніи переданныхъ гетманомъ Искрицкому купчихъ, показаній самихъ продавцевъ и мѣстныхъ жителей, грунта которыхъ

поселять людей....; такъ ихъ же Лишніовъ принимаемъ въ свою оборону и протекцію и предлагаемъ, абы п. полковникъ стародубскій зъ старшиною полковою и п. сотникъ мглинскій нѣ до якихъ ихъ полковихъ и сотенних повинностей и дѣлъ, также и до суду без нашого указу не потягали. Тутъ же докладаемъ, понеже въ тихъ нашихъ населяемихъ слободахъ имѣются и отчини наши купленніе, для якихъ смотрѣння и опредѣлены отчениками села Овчинца жителѣ Онисимъ Галеенокъ з товарищи 6 чел., того ради абы и тихъ отчениковъ нѣ до якихъ сотенних шарварокъ не потягано до долшего нашого указу, рейментарски приказуемъ“... Данъ въ Глуховѣ дек. 23 д. року 1730. (См. ibid. стр. 95—6).

граничили съ дроковскими и далисицкими.—Этимъ лицамъ выдана была особая инструкція; на основаніи этой инструкціи дѣло размежеванія должно было производиться такъ: „.... собравъ тамошнихъ и посторонних сел сторонних и старинних людей сколко пристойно и по отводу тихъ сторонних и старинних людей ограничить“.... Кромѣ того, при размежеваніи должны были присутствовать самъ Искрицкій и В. Гудовичъ (земли ихъ были смежны).—Посланные гетмана, обозначивъ межу обычными знаками, должны были еще снять планъ съ этихъ владѣній („чертижъ“).

Въ 1732 г. былъ изданъ гетманомъ новый универсалъ „повторной“. Этимъ универсаломъ подтверждались еще разъ за Искрицкимъ грунта въ Дроковѣ и Далисичахъ; между прочимъ, гетманъ приказывалъ поселившимся тамъ людямъ, и тѣмъ, которые будутъ селиться, отдавать Искрицкому обычныя повинности, быть у него въ подданствѣ и „послушенствѣ“ [1]).

Затѣмъ Искрицкій просилъ опять себѣ въ подданство двухъ свободныхъ посполитыхъ въ томъ же селѣ Дроковѣ. Гетманъ и это желаніе Искрицкаго исполнилъ и предложилъ имъ отбывать Искрицкому, „яко владельце своему, надлежащую подданскую повинность безъ всякаго противленія“.

Итакъ не только слобожане далисицкіе, но и жители бывшаго свободнаго войсковаго села, оказались сразу въ „подданскомъ послушенствѣ“ у своего державцы.

Но этимъ дѣло не окончилось. Въ 1733 г. Искрицкій опять жаловался гетману, что его слободы „притягаютъ къ общенароднымъ и консистентскимъ повинностямъ, между тѣмъ какъ гетманскимъ универсаломъ еще раньше этимъ слободамъ дана была свобода отъ всякихъ повинностей на 10 лѣтъ.—Искриц-

---

[1]) „Поселившіеся въ оной слободѣ Долисичахъ и впредь селитися тамъ имѣючіе, такожъ и въ селѣ Дроковѣ на купленихъ кгрунтахъ, отъ насъ ему П. П. Искрицкому данныхъ, живучіе люде отдавали бъ ему, яко державце своему, обыклое подданское послушенство и повинности мѣти хочемъ и рейментарски приказуемъ“. Данъ въ Глуховѣ 1732 р.

кій жаловался еще, что мѣстная старшина скупила у его людей грунта безъ его вѣдома и разрѣшенія [1]).

Грунта, скупленные старшиной, Искрицкій просилъ гетмана заставить возвратить ему обратно, повинности просилъ снять, такъ какъ срокъ „слободы“ еще не истекъ.

Гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ всѣ просьбы Искрицкаго удовлетворялись, но со смертью Апостола дѣло со скупщиками земель перешло въ полковой судъ.

Остается еще невыясненнымъ, какъ велико было населеніе этихъ слободъ.—Вотъ какія разнорѣчивыя данныя имѣемъ мы для этого изъ самаго дѣла. Въ 1734 г., уже при Шаховскомъ, прося еще разъ снять съ его слободы Далисичей повинности на консистентовъ, Искрицкій говоритъ, что тамъ не болѣе 10 человѣкъ „самихъ обогшихъ“, а относительно Дрокова, что тамъ живутъ только подсосѣдки. Но мглинская старшина, жалуясь въ свою очередь на Искрицкаго также за скуплю земель у подданныхъ Есимонтовскаго, относительно повинностей его подданныхъ говоритъ „.... а что приказывалъ войтъ еднимъ его подданнимъ.... на лѣнѣйную работу людей висилать.... то того весма не доведется, ибо з его П. Искрицкого сорока человѣкъ и тридцати чвертокъ кгрунту, війшло толко $1^1/_2$ чел....“

Вотъ еще данныя для статистики и роста населенія.

Въ Н. Дроковѣ, по ревизіи 1723 г. числилось: коз. 19 дв., стр. 2 дв., крестьянъ 5 дв., 5 х.

По ревизіи 1781 г., коз. 15 дв., 17 х., стр. 9 дв. 11 х., посп. 20 дв., 21 х.

Въ Далисичахъ, по ревизіи 1781 г. кр. 57 дв. 60 х. [2]).

Изъ предыдущаго выясняется, въ какомъ положеніи оказались слободы, объ основаніи которыхъ хлопоталъ гетманъ;

---

[1]) .... „Въ власнихъ моихъ подданихъ дроковскихъ ... кгрунта ихъ подданическіе уже теперь за влацѣнія моего себѣ покуповали.... къ томужъ и полковая здешняя старшина во мѣсто того, чтобъ респектовать (якъ и на инші державскіе и свободніе войсковіе села шляховіе респектовали).... на село Дроковъ, въ коемъ стоять два форпоста.... наложили противъ прошлогодняго вчетверо.... одъ якой нестерпимой тяжести.... всѣ мои люде разволоктися хотятъ“.

[2]) См. Лазаревскаго „Описаніе стар. Малороссіи“, т. I, стр. 357, 354.

выясняется также, что колонизаторская дѣятельность гетмана Д. Апостола ничѣмъ не отличалась отъ таковой же дѣятельности его современниковъ,—державцевъ-хозяевъ.

Нарождавшаяся земельная аристократія, пользуясь властью и другими средствами, успѣла захватить въ свои руки земельный капиталъ; слѣдующимъ ея шагомъ было—овладѣть и трудомъ.—Контингентъ слобожанъ былъ для этого наиболѣе удобенъ, и колонизаторы не замедлили воспользоваться имъ для своей личной выгоды, которая преуспѣвала въ ущербъ выгодѣ низшихъ слоевъ населенія.

Такъ съ одной стороны заселялся край, а съ другой росла и богатѣла мѣстная старшина—будущее малороссійское дворянство.

Елена Радакова.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву. Ниже мы печатаемъ письмо извѣстнаго археолога, географа и этнографа Зоріана Доленги Ходаковскаго (собственно Адама Чарноцкаго) къ бывшему попечителю харьковскаго учебнаго округа Зах. Як. Карнѣеву (отъ 18 іюня 1819 г.). Оно было написано Ходаковскимъ по польски, но Карнѣевъ поручилъ перевести его на русскій языкъ лектору польскаго языка при харьковскомъ университетѣ П. Гулаку-Артемовскому (бывшему потомъ ректоромъ университета). Мы нашли и подлинникъ, и переводъ въ архивѣ харьковскаго университета (Дѣло по архиву № 572, картонъ № 29). Получивъ это письмо, попечитель передалъ его на разсмотрѣніе историко-филологическому факультету, который заявилъ, что необходимыя Ходаковскому свѣдѣнія могутъ сообщить директоръ училищъ войска донскаго и смотритель екатеринодарскаго училища; вмѣстѣ въ тѣмъ онъ находилъ полезнымъ напечатать данное письмо въ университетскомъ періодическомъ изданіи. Попечитель согласился съ первымъ предложеніемъ, но отвергъ второе «по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ», и потому оно напечатано не было.

Останавливаться на біографіи Ходаковскаго, послѣ спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго ему А. Н. Пыпинымъ (Вѣстникъ Европы, 1886, ноябрь), не приходится. Замѣтимъ только, что, по содержанію своему, настоящее письмо очень близко подходитъ къ статьѣ его «Розысканія касательно русской исторіи» (Вѣстн. Европы, 1819 г., октябрь, № 20, стр. 277—302), представляетъ какъ бы краткую программу ея. Да это и понятно: письмо было написано 18 іюня, а статья 29 іюля. Въ концѣ статьи есть указаніе и на настоящее письмо: «я писалъ, говоритъ здѣсь Ходаковскій, касательно Вот-

ской пятины и Чудской Украины къ преосв. Евгенію во Псковъ, о Болгаріи—къ е. пр—ву Магницкому, о козарской странѣ и семичахъ писалъ по польски къ е. пр—ву Карнѣеву въ Харьковъ. Во имя любви къ святой Руси всѣхъ молю, дабы благоволили способствовать мнѣ своею наукою и мѣстными свѣдѣніями». Лелевель говоритъ: «въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши». Мы должны замѣтить, что Ходаковскій, по свойству своихъ ученыхъ работъ, *долженъ* былъ обращаться съ запросами къ разнымъ лицамъ о мѣстныхъ древностяхъ и ихъ названіяхъ. Нѣкоторые изъ адресованныхъ къ нему отвѣтовъ, вызванныхъ его обращеніями, были въ свое время напечатаны (Макарова, Бояркина, Глаголева въ Вѣстникѣ Европы, 1820 и 1821 г.). Такъ какъ ни одно изъ тѣхъ ученыхъ писемъ, которыя любилъ писать Ходаковскій, еще не было опубликовано, то я рѣшился напечатать настоящее въ надеждѣ, что оно дастъ понятіе о вопросахъ, съ которыми обращался Ходаковскій къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Д. И. Багалѣй.

Ваше превосходительство!

До сихъ поръ не было примѣра, чтобы говорящій моимъ языкомъ, безъ побужденія какими нибудь особенными обстоятельствами, добровольно углублялся въ необъятное царство Россіи, влекомый любопытствомъ въ самыхъ нѣдрахъ ея изучать ея исторію. Другія времена,—дуугіе нравы. Уже царь польскій благодѣтельной десницею своею истребилъ въ сердцахъ двухъ народовъ то обоюдное чувство недоброхотства, которое поставляло вѣковыя преграды между дѣтьми матери славянской. Уже юнѣйшіе братья, возвратившии права свои, безъ зависти взираютъ на старѣйшихъ, и благодушный мужъ, носившій съ толикою славою въ теченіе многихъ лѣтъ званіе правителя въ Минскѣ, перешедши на новое поприще въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія,—первый совѣтуетъ въ Харьковѣ учиться по польски. Въ столь благодатное время, прообразующее дни златые грядущимъ потомкамъ, предпринялъ я намѣреніе оказать услугу исторіи славянской того періода, который упреждаетъ христіанство въ нашихъ странахъ. Послѣ IX вѣковъ трудъ сего рода есть неслыханно труденъ, а, можетъ быть, и не совсѣмъ занимателенъ въ то время, которое ознаменовано на землѣ нашей безчисленнымъ множе-

ствомъ событій несравненно блистательнѣйшихъ и гораздо удивительнѣйшихъ. А и того болѣе, по появленіи на свѣтъ исторіи г. Карамзина, трудно показаться новымъ и снискать вниманіе. Къ счастью, однакожъ, моему можетъ послужить то, что сей великій писатель самъ признается въ скудости матеріаловъ и многократно обнаруживаетъ свое недоумѣніе. Я не намѣренъ длиннымъ разсужденіемъ утруждать ваше превосходительство, и спѣшу тотъ часъ къ тому предмету, который велитъ мнѣ обратиться къ вашему суду и въ немъ искать моей надежной помощи.

Г. Карамзинъ древнюю Русь со всѣми ея племенами обрѣзалъ до половины. Все пространство полунощи онъ подарилъ финнамъ и Біарміи, югъ уступилъ *козарамъ*. Угровъ же, которые два года сидѣли въ опредѣленномъ для себя мѣстѣ и пошли далѣе, онъ поселилъ на вѣки на забытыхъ *Семичахъ* (Т. II, пр. 146 и 245), гдѣ однакожъ объ нихъ упоминаетъ, несмотря на то, что древніе семичи въ тимскомъ уѣздѣ и Посемьѣ столько разъ упоминаемы (т. II, стр. 203 и пр. 320; т. III, пр. 71) достойны были вниманія исторіографа, тѣмъ болѣе что суличи, тиверіане, дулебы и драгомичи получили въ удѣлъ свой усадьбы, хоть разъ то упомянулъ объ нихъ Несторъ. Но да утѣшатся въ сей обидѣ семичи тѣмъ, что не одни они испытали подобный жребій забвенія, ибо подобной же участи подпали голяди надъ Протвой (т. II стр. 205 и пр. 299), будучи закрыты восточными кривичами. Мужественные ятвяги (jacwież) и жмудь, составляющіе и нынѣ особенную дицезію, лишены мѣста на географической картѣ автора. Литва получила въ подарокъ пространство нынѣшнихъ губерній литовскихъ, гдѣ между Вильною и Гродною было и теперь находится въ простонародіи нарѣчіе русское. Нашъ Плутархъ не зналъ того, что и донынѣ сохраняется старая граница нарѣчій русскаго и литовскаго и что Камера Гумбинская въ Пруссіи есть также Литва. Полочане теряютъ лѣвый берегъ Двины, несмотря на то, что Изяславъ (Заславъ на Свистоши), Минскъ, Борисовъ и Логойскъ во времена Владиміра I стояли на ихъ землѣ (т. II, стр. 165). Еще недавно половина воеводства полоцкаго находилась по сей же сторонѣ Двины. Динебургъ, Люцинъ (который совсѣмъ не былъ Лучиномъ, показаннымъ въ витебской губерніи т. III, пр. 12; ибо таковой находится въ дорогобужскомъ уѣздѣ, какъ сіе явствуетъ изъ государственныхъ грамотъ подъ № 144) и Резица составляли въ новѣйшія времена Ливонію польскую (Inflanty).

Въ нихъ существуетъ нарѣчіе литовское и сихъ трехъ повѣтовыхъ городовъ нельзя включить въ княжество полоцкое. Далѣе: и мнѣ бы казалось, что Мерія сидитъ на своемъ мѣстѣ, но Галичъ-Мерскій (т. III, пр. 364) въ костромской губерніи, такъ же рѣка Мерія, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, ясно говорятъ объ иномъ или гораздо обширнѣйшемъ владѣніи. Равномѣрно и Весь находилась далѣе къ востоку, ежели *Весьегонскъ*, нынѣшній городъ надъ Мологою, и погостъ Ильинской въ *Веси*, нѣкогда почитаемыя въ Бежицкой пятинѣ, значитъ одно и тоже. Земгола (конецъ земли) долженствуетъ быть въ Семигалліи, гдѣ находятся города: Пильтинъ и Виндава; подвигать ее еще далѣе непростительно, ибо добрый нашъ царь почитается ея княземъ. Болгарія Серебряная или Камская находилась по обѣимъ сторонамъ Камы и Волги. Колыбель г. Карамзина окружаютъ многочисленныя городища въ симбирской и пензинской губ. Таковыя городища разсѣяны по всему пространству владѣній славянскихъ до самой Эльбы, Адріатическаго моря и горъ Байкальскихъ (отъ Ромеліи). Ихъ можно назвать исключительнымъ и древнимъ памятникомъ праотцевъ нашихъ идолопоклоннической эпохи и надъ нимъ конечно не трудились мусульмане въ Болгаріи Серебряной. Городища козарскія подъ Харьковомъ, надъ Донцомъ и подъ Воронежомъ (т. I, пр. 90) принадлежатъ также къ числу нашей собстренности славянской. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться кагановыми городищами, ибо кіевскіе владѣтели и особливо Владимеръ I употребляли иногда титулъ кагана (хана), но изъ того не слѣдуетъ, якобы окопы сего рода суть произведенія казаровъ. Въ 1817 году мнѣ случилось быть за Брестомъ Литовскимъ по лѣвой сторонѣ Буга при деревнѣ Малашевичахъ на одномъ военномъ окопѣ, находящемся надъ Бродомъ, который издревле называется Бродомъ Кагановымъ и я ни мало не удивлялся такому названію, когда привелъ себѣ на мысль то, что симъ путемъ Владимеръ I ходилъ войною противъ ятвяговъ.

Говоря о городищахъ, имѣющихъ значеніе въ нашихъ лѣтописяхъ, совсѣмъ не надобно привязываться къ тому, какъ ихъ до нынѣ называли, т. е. русскими, казарскими, кагановыми, а можетъ быть гдѣ нибудь и татарскими. Позднѣйшія происшествія, случившіяся при таковыхъ окопахъ, могли послужить къ присвоенію имъ придаточныхъ наименованій. Всего же болѣе должно обратить вниманіе на то, какого они вида и какъ далеко простираются на югъ къ Крыму и на востокъ къ Дону, гдѣ находился Саркеллъ? Въ пятилѣтнемъ стран-

ствованіи моемъ, на сей конецъ предпринятомъ, случилось мнѣ видѣть около тысячи городищъ между Днѣпромъ и Силезіею, и я нашелъ во всѣхъ ихъ то главнѣйшее сходство, что онѣ вездѣ насыпаны изъ чернозема, хоть возлѣ нихъ часто находится земля глинистая, или песчаная; я замѣтилъ также, что валы сіи суть округлые, часто неправильные, смотря по виду той горы, на которой ихъ насыпали, что они имѣютъ всегда входъ отъ востока и тѣмъ припоминаютъ нѣкоторой догматъ своего вѣроисповѣданія, что на сей предметъ всегда избирали самыя величественныя и прилегающія къ водѣ или колодцамъ мѣста и т. п. Внутри таковыхъ городищъ часто встрѣчаются столь тѣсныя впадины, что едва въ ней хижинка помѣститься можетъ, и я многократно находилъ въ нихъ ямки, называемыя котлами. Его преосвященство архіепископъ Евгеній въ своихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода, изданныхъ въ Москвѣ 1808 г. на стр. 6 говоритъ, что тамошнее городище есть также тѣсное. Г. Забловскій упоминаетъ о городищѣ въ пензенской губ. и о Чортовомъ подъ Елабугомъ и подъ островомъ въ псковской губ. и о множествѣ другихъ. На картѣ государства россійскаго, на ландкартахъ Польши, Силезіи, Богеміи (чеховъ), Моравіи, Венгріи славянской, Иллиріи, Сербіи, Босніи, Молдавіи и Черной и Задунайской Болгаріи, я означилъ безчисленное мнножество подобныхъ городищъ. Свадебныя пѣсни простонародныя, коихъ не мало собралъ я между рѣками Днѣпромъ и Саномъ (въ Галиціи), открываютъ существенное предназначеніе сихъ городковъ или городищъ; изъ нихъ видно то, что они служили въ древности нѣкоторыми священными оградами, въ нихъ любовники вѣнчались, въ нихъ отправлялись обряды, игры и хороводы; однимъ словомъ это былъ нѣкоторый родъ приходовъ (parafie). На столь гигантской обширности праотеческаго нашего достоянія мнѣ невозможно уже гоняться за каждымъ городищемъ, ниже останавливаться съ наблюденіемъ при каждомъ, хотя бы то онѣ существовали и въ самой Москвѣ (Кар. Ист. т. V, пр. 402), подъ Кіевомъ съ лѣвой стороны Днѣпра (см. подъ 1026 годомъ) и въ самомъ Кіевѣ, какъ то показываютъ сіе привелегіи королей польскихъ; подъ Казанью (Кар. Ист. т. VIII, стр. 174 и пр. 324). Не стану говорить о городкѣ въ Краковѣ, гдѣ Анна Любомірская въ 1634 году основала монастырь доминикановъ, также о городищѣ въ Прагѣ Чешской около 1234 въ старомъ городѣ (гдѣ прежде былъ костеликъ святаго Ипполита). Для меня желательнѣе всего съ помощью таковыхъ памятниковъ древности открыть истинное и древнѣйшее пространство владѣній

славянъ, или увѣриться въ томъ, гдѣ именно назначить должно ту граничную украину, за которою бы больше ихъ не было.

Г. Орлай, отправляясь къ водамъ кавказскимъ, получилъ отъ меня по сему предмету нѣкоторыя замѣчанія и обѣщалъ собрать въ путешествіи своемъ нужныя для меня свѣдѣнія, но я сомнѣваюсь, позволитъ ли ему поспѣшность его въ пути выполнить данное обѣщаніе? Мнѣ однакожъ кажется, что, проживъ долѣе при Кавказѣ, онъ могъ бы какимъ нибудь образомъ узнать отъ другихъ племенъ, издревлѣ тамъ поселившихся, не называется ли у нихъ Каспійское море въ близкомъ, или подобномъ значеніи названію, Лукоморье, ибо г. Карамзинъ (см. Ист. Кар. т. II, пр. 64, т. III, пр. 2 и 70; лукоморскіе половцы пр. 74 и стр. 436), не согласивши въ одно, рѣшительно сказалъ, что оно значитъ: луговатый берегъ морской; а то, гдѣ онъ именно находился, оставилъ безъ всякаго объясненія. Взявъ однакожъ въ разсужденіе, что здѣсь дѣло идетъ о Лукоморьи въ то время, когда Игорь Святославичъ находился при Донѣ близъ Кагальника, должно разумѣть подъ симъ названіемъ море Каспійское, которое было впереди Игоря, а не Азовское, которое оставалось въ противной сторонѣ и почти позади его.

Округъ императорскаго харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза исторіи отечественной, ревность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои усиленнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то: Какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля донскихъ козаковъ, подпадавшая владычеству хановъ (kaganov), подобныя насыпи или городища? Также въ предѣлахъ, назначенныхъ г. Карамзинымъ для хвалисовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобные же памятники собратніе? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого суть рода славныя развалины на западномъ берегу Урала и близъ устья сей рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю, и покорнѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи къ моей смѣлости и къ столь пространному письму. Отважившись писать оное, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и оканчиваю изліяніемъ

глубокаго высокопочитанія, съ коимъ на всегда честь имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, членъ царскаго варшавскаго общества друзей наукъ.

Въ Гомелѣ
подъ Бѣлицею
18 іюня 1819 года.

Перевелъ съ польскаго лекторъ Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). Согласно требованію пр. Сената, кіев. губ. канцелярія въ 1754 г. составила «пункты», которые предполагалось принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія [1]). Въ числѣ этихъ «пунктовъ» одинъ, именно 6-й, касался устройства въ г. Кіевѣ хлѣбнаго запаснаго магазина. По поводу этого проекта коллегія ин. дѣлъ потребовала отъ к. г. к. мнѣнія: «изъ какой суммы оной магазейнъ построитъ, такожъ когда на безпереривно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ имѣть, то какимъ образомъ его отъ неминуемаго по долгому иногда лежанію вреда и гнилости сохранять». К. г. к. отвѣчала на это 15-го сентября 1755 г. такъ:

1) «Въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ, гдѣ вси кіевскіе мѣщане и обиватели изъ малороссійскаго народа жительствуютъ, а хлѣбныхъ пашенъ не имѣютъ и всѣ содержать себе и пропитаніе имѣють отъ единого купеческого торгу и отъѣзжихъ промисловъ и отъ содержанія на магистратскихъ земляхъ хуторовъ и въ ныхъ винницъ, и для того въ нужномъ случаѣ кіевскіе подлого народа обыватели крайные подъемлють нужды; а реченной въ Кіевѣ магазейнъ впредь починкою содержать и хлѣбъ покупать отъ кіевскаго магистрата изъ народной магистратской суммы, для того что оной кіев. маг—тъ имѣетъ многіе въ томъ же ниж. г. на Подолѣ вольные шинки и прочіе доходы и за Кіевомъ Подоломъ предмѣстья, именуемія Сырецъ, Преверку и Кореневщину съ жилими обывателями, съ которыхъ получаютъ в маг—тъ доходы, и кіев. маг—тъ токмо платитъ в казну по 600 рублевъ в годъ и почту содержитъ.

2) Хлѣбъ в тотъ магистратскій магазейнъ надлежитъ покупать изъ той же магистратской суммы завремянно, усматривая урожая и са-

---

[1]) Пункты эти напечатаны при сообщеніи проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ „Кіев. Стар.“ 1888, № 5.

мыхъ дешевыхъ времянъ и довольныхъ на торгѣ привозовъ дешевими цѣнами, какъ то бываетъ въ 25 и въ 30 коп. четверть.

3) Когда на безпереривно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ долговремянно будетъ лежать, то оной, для минованія вреда и гнилости, надлежитъ роздавать кіев. мѣщанамъ на винницы для передѣловъ на вино, ибо имъ мѣщанамъ никакова въ томъ убытка не признавается, но еще лежалой сухой хлѣбъ выходнѣе на вино бываетъ, нежели новой сиромолотной, а винницъ у нихъ, мѣщанъ, на хуторахъ великое число, и тѣмъ виномъ торгъ имѣютъ, а отъ оныхъ содержателей винницъ брать новой хлѣбъ въ магистратской магазейнъ.

4) Въ случаѣ нужды раздавать тотъ хлѣбъ бѣднымъ людямъ съ записками и съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, сбирать въ магазейнъ по прежнему безъ излишества».

Представляя такое мнѣніе, к. г. к., очевидно не справлялась съ мнѣніями по этому вопросу кіев. магистрата, который, оказывается, совсѣмъ не сочувствовалъ мнѣнію к. губ. канцеляріи. Когда кол. ин. д. потребовала непосредственно отъ магистрата извѣстія о томъ, можетъ ли онъ употребить изъ своихъ средствъ необходимую для постройки и содержанія запаснаго хлѣбнаго магазина сумму и «не будетъ ли иногда въ магистратскихъ расходахъ помѣшательства и остановки», магистратъ доношеніемъ своемъ въ кол. ин. д. отъ 29-го марта 1756 г. отвѣчалъ, что «на постройку и впредь на починку показаннаго магазейна, тако жъ на покупку къ содержанію въ немъ прописаннаго числа пяти тысячей четвертей хлѣба толикой суммы денегъ выстатчить магистратъ кіевскій возможности не имѣетъ и въ магистратовыхъ указныхъ и другихъ расходахъ помѣшательство и остановка послѣдовать можетъ». Доношеніе это представляетъ особый интересъ потому, что въ немъ магистратъ, ходатайствуя о томъ, чтобы на него не возлагалась постройка и содержаніе проектированнаго запаснаго магазина, указываетъ на тѣ причины, по которымъ почти совсѣмъ прекратились «отъѣзжіе торговые промыслы» кіевскихъ мѣщанъ, явилось общее оскудѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется на тягость лежащихъ на магистратѣ повинностей.

«Жительствующіе в Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ,—писалъ магистратъ,—кіевскіе мѣщане и обыватели, пахатныхъ грунтовъ не имѣя, содержуютъ себе и пропитаніе имѣютъ по бол. части от единого своего рукодѣлія и торгового промислу. А отъѣзжіе промислы прежнихъ временъ хотя отправляли, нѣкоторые за рубежъ в Цесарію, в

Волощину и протчіе турецкого владѣнія города, множайшіе жъ въ близостные от Кіева и от границы россійской польской области города и мѣстечки, инные, взимая на боргъ у купцовъ товары, отъѣзживали и тамо спродуя какъ тѣхъ своихъ вѣрителей купцовъ, такъ и свои нужные необходимости довольствовали, за якіе отъѣзжіе свои промислы, по силѣ высокомонаршихъ, в подтвержденіе древ. привилієвъ, каковы даны отъ королей польскихъ кіев. маг—ту, всем. жал. грамотъ, указовъ и гетм. универсаловъ, платили индукты и эвекты от воза шленскаго и гданскаго по три рубля, а от мѣлкихъ товаровъ от воза по двадцати копѣекъ безъ ревизіи; нинѣ же по учрежденіи указомъ Е. И. В. на всѣхъ границахъ таможенъ, в коихъ отъ проѣзжающихъ за границу и изъ за границы кіевскихъ мѣщанъ взимается внутренная пошлина и тарифъ и ко оплачиванію того кіев. мѣщане и обиватели, найпаче тѣ, которые часто з малимъ от ремества своего здѣланнимъ или у купцовъ на боргъ взимаемимъ товаромъ в близкіе польскіе городы и мѣстечка на торги и ярмонки отъѣзживали, в невозможности остались; а особливо за видерживаніемъ при границѣ карантина, в якомъ времени, умедливаніе и харчевіе издержки большіе, нежели въ дорожномъ проѣздѣ, происходимы бываютъ; для того упомянутые кіев. мѣщане оные свои отъѣзжіе торговые промыслы принуждены и оставить.

А любо хуторы и в нихъ винницы в подгородьи мѣскомъ на магистратовой землѣ кіев. мѣщане малое число содержатъ, но такъ оные до винницъ, яко и все мѣщанство в прокормленіе и в лавки для продажи, потребное хлѣба довольствіе прежде получали з заграницы, отколъ найвящше всякой хлѣбъ и другіе живности и протчіе домовые надобности въ привозѣ в Кіевѣ бывали, настоящаго же времени, за крайнимъ всего того непривозомъ предъявленного ради карантина, немалое оскудѣніе послѣдовало.

Кіев. же магистратъ, хотя по высокомонаршемъ жал. грамотамъ и содержитъ вольные въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ шинки и за Кіевомъ Подоломъ подгородье Преорку, Сирецъ и Кореніовщину, точію въ тѣхъ магистратскихъ шинкахъ, за безперериврнимъ от козаковъ кіев. неуказныхъ шинковъ произвожденіемъ, весьма знатное помѣшательство и остановку имѣетъ; з жилыхъ же в подгородьи кіевскомъ обывателей никоихъ зборовъ въ маг—тъ не емлется; затѣмъ, яко оные, кои з мѣщанъ кіев. тамо жительствуютъ, тѣ, какъ и протчіе, жадныхъ пахатныхъ грунтовъ и иныхъ угодій не имѣя, от одного только ремесленого рукодѣлія и торгового промислу, посполитые же

зажономъ на сторонѣ въ людей хлѣба, притяжаніемъ и поденними по людямъ работизними себе содержують. З доходячою отъ нихъ одною токмо за землю, на коей живутъ, годовою куничною въ ма—тъ кіев. уплатою и съ предъозначенныхъ вольныхъ шинковъ и другихъ пожалованныхъ употребленій кіев. маг—тъ, кромѣ платежа въ казну по шестисотъ рублевъ в годъ и содержанія в разныя мѣста почты, сверхъ того, что въ мимошедшее военное время на лоцманы и подводы многое число денегъ издержалъ и в долгахъ остался, особіе подъ проѣзжаючихъ чрез Кіевъ рос. и иностр. чрезвыч. пословъ до турец. границы и другимъ разнимъ персонамъ, нанимая дорогою цѣною подводы, какъ то и недавно прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ подъ посланниковъ турецкаго Тефтердара, а россійского князя Долгорукова с Кіева до турец. городовъ Хотѣна и Бендеръ, на выдачу подводъ и дорожныхъ исправностей поставку издержалъ денегъ до полторы тысячи рублевъ. До того жъ строить около г. Кіева Подола полисадникъ, караульни и по проѣзжимъ улицамъ мосты и прочіе потребности исправляетъ.

Привозимой же в ниж. г. Кіевъ продажной хлѣбъ нинѣшнихъ годовъ в дешевости не бываетъ, и тотъ, яко не сухой, но, по здѣшнему обыкновенію, сыромолотной, к прочному лежанію не способной, и если бы каковій либо хлѣбъ, по прописанному к. губ. канц. мнѣнію, убогимъ людямъ в роздачу былъ употребленъ, то оного, какъ обыкновенно тѣ люде з ежеденного заработыванія, готовой печеной на ринку хлѣбъ покупая, кормлятся, ни в кое время собрать у ныхъ нѣ с чего бъ, можнѣйшіе же сами покупной хлѣбъ в запасѣ с потребу свою мѣваютъ». «И за вышеобъявленными всѣми обстоятельствами» магистратъ и находитъ невозможнымъ затрачивать свои средства на учрежденіе запаснаго хлѣбнаго магазина.

Тѣмъ не менѣе магазинъ этотъ былъ устроенъ, хотя о времени постройки его мнѣ не удалось встрѣтить свѣдѣнія, относительно же средствъ для этого имѣется указаніе въ указѣ пр. Сената кіев. губ. канц. въ 1766 году іюля 31 о томъ, чтобы вмѣсто отрѣшенныхъ указами 1754 и 1755 годовъ собираемыхъ кіевскимъ магистратомъ доходовъ на разныя городовыя издержки, *тожъ и на строеніе для граждан запасного магазина*, отпускать изъ таможенной суммы, имѣющейся въ кіев. губ. канц., въ кіев. магистратъ ежегодно по 1209 р. 12 к. Въ рукахъ моихъ имѣлся одинъ рапортъ кіев. магистрата въ к. губ. канц. отъ 22 го мая 1781 г. о состояніи запаснаго магазина и въ немъ сказано, что «съ накупленнаго въ прошломъ 1777 году въ тотъ магазейнъ двухъ

тысячъ четвертей немолотого хлѣба ржи, по опредѣленію магистрата, 779 году февраля 21 числа учиненному, которое бывшимъ кіев. г. оберъ-комендантомъ и кав. Елчаниновымъ апробовано, продано тысячу четвертей, затѣмъ и состоитъ оного провіанта нынѣ на лицо только одна тысяча».

Въ поданной въ томъ же 1781-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ сек.-маіоромъ Алексѣемъ Токаревымъ вѣдомости объ осмотрѣ имъ подольскихъ улицъ, мостовъ, караулень и полисадниковъ, въ послѣднемъ пунктѣ ея, значится: «Запасной магазинъ во всякой исправности и въ ономъ въ третьемъ этажѣ въ превеликихъ закромахъ насыпано ржи, ко употребленію годная, а по объявленію того магазина содержателемъ состоитъ ржи въ закромахъ болѣе тысячи четвертей; а въѣздные мосты въ магазейнъ по обѣимъ сторонамъ вновь сдѣлать».

А. Андріевскій.

Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году [1]).

Къ «размѣнѣ» пословъ, россійскаго и турецкаго, опредѣленъ былъ рескриптомъ 25 апрѣля 1775 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ. Для руководства ему въ обычныхъ при такомъ случаѣ церемоніяхъ прислана была реляція генерала Кейта, бывшаго при такой «размѣнѣ» въ 1740 году. Выѣхавши изъ Кіева вмѣстѣ съ россійскимъ посломъ кн. Н. В. Репнинымъ, они прибыли 19 іюня въ м. Черчу, въ 40 верстахъ отъ Хотина, и послали нарочнаго къ хотинскому мухафизу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи. Продѣлавъ всѣ установленныя церемоніи, послы переѣхали границу, и Воейковъ, поручивъ препровожденіе турецкаго посла генералъ-маіору барону Игельстрому, самъ 6 іюля поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы приготовить надлежащую встрѣчу, и прибылъ сюда 23 іюля.

Для пріема посла «со всѣми характеру его приличными почестьми, къ томужъ сообразуясь съ пріемомъ, каковъ учиненъ былъ въ Хотинѣ отъ тамошняго паши россійскому послу», Воейковъ прежде всего выслалъ на встрѣчу ему моск. караб. полка подполковника Кастагарова «для встрѣчи у самаго перваго мѣста, что при въѣздѣ въ границы, и для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ», причемъ, «примѣтя еще при размѣнѣ пословъ, что у г. турец-

---

[1]) Составлена замѣтка по черновымъ реляціямъ генералъ-губернатора.

каго посла нѣтъ такой кареты, въ которой бы онъ съ выгодою путь свой продолжать могъ, послалъ въ подарокъ свою четвероместную карету съ цугомъ лошадей». «По пробытіи въ карантинѣ пяти дней, да на половинѣ дороги отъ Василькова одного ночлега, наконецъ 13 сего августа имѣлъ г. посолъ свой церемоніальный въѣздъ въ здѣшній городъ съ слѣдующими почестьми.

Конная мѣщанская рота съ знаменемъ, литаврами и трубами, разстояніемъ болѣе десяти верстъ встрѣтя г. посла, препровождала его до квартеры. Предъ въѣздомъ въ здѣшнее предмѣстіе встрѣченъ былъ г. посолъ и поздравленъ съ благополучнымъ пріѣздомъ кол. сов. Москотиньевымъ и надв. сов. г. Кіева войтомъ Пивоваровымъ съ присутствующими въ кіев. маг—тѣ. Когда жъ г. посолъ поровнялся съ крѣпостію, то, въ честь его пріѣзда, учинено 25 пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе учиненнаго о томъ при размѣнѣ пословъ соглашенія. Предъ посланничею квартирою постановлены были два баталіона гарнизонныхъ солдатъ съ ихъ штабъ и оберъ-офицерами, знаменами и хоромъ музыки, которые составляли улицу, чрезъ которую г. послу ѣхать надлежало, а къ нимъ примкнувъ карабинерной и козачій конвой, отдавали всѣ купно г. послу честь съ барабаннымъ боемъ и играніемъ музыкъ. По прибытіи г. посла въ квартиру для таковаго жъ привѣтствія съ благополучнымъ въ Кіевъ прибытіемъ ѣздилъ г. ген.-м. кіев. оберъ-комендатъ Ельчаниновъ съ штабъ и оберъ-офицерами».

«Сохраняя равновѣсіе» и сообразуясь съ тѣмъ пріемомъ, какой былъ оказанъ нашему послу въ Хотинѣ, генералъ-губернаторъ въ день пріѣзда посла въ Кіевъ «велѣлъ приготовить великолѣпной обѣденной столъ въ его квартирѣ, по примѣру тому, какъ и отъ хотинскаго паши было сдѣлано».

«Все сіе принято было г. посломъ съ особливымъ удовольствіемъ и, въ знакъ благодарности, присланы мнѣ въ тотъ же день взаимные подарки, состоящіе изъ нѣсколькихъ турецкихъ шолковыхъ матерій, табаку съ трубками и прочихъ турецкихъ мелочей».

О пребываніи турецкаго посла въ Кіевѣ Воейковъ сообщалъ въ своей реляціи слѣдующее:

«15-го числа посыланъ былъ отъ меня г. послу подарокъ, состоящій изъ одного сорока соболей, которой принятъ благосклонно, а посыланный съ нимъ капитанъ Суковкинъ, въ знакъ благодарности, подаренъ двумя турецкими платками и десятью рублями, которые онъ тутъ же людямъ и роздалъ. Прочіе дни проходили во вза-

имныхъ пересылкахъ, навѣдываясь о здоровьи, а 22-го числа, какъ въ канунѣ отъѣзда, исполняя всевысоч. В. И. В. соизволеніе о угощеніи г. посла и въ отъѣздъ обѣденнымъ столомъ, приказано было приготовить оной въ посланничей квартирѣ; но коль скоро о семъ послу донесено было, то онъ, призвавъ къ себѣ посыланнаго моего, сказалъ, что онъ и безъ того оказанными отъ меня учтивостями много обязанъ, такъ что остается ему болѣе помышлять, чѣмъ полученныя ласковости и благосклонности заслужить, нежели давать себя вновь обременять оными, и потому принимаетъ предлагаемый отъ меня ему обѣденной столъ съ такою точно благодарностію и признаніемъ, какъ бы онъ имъ дѣйствительно пользовался. Съ симъ отзывомъ посыланныхъ отъ меня для приготовленія стола отпустилъ, и вслѣдъ за ними прислалъ ко мнѣ своего церемонимейстера съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и благодарности. Присыланной подаренъ мною мѣхомъ горностаевымъ. Того жъ дня посланы отъ меня въ подарокъ г. послу 21 рысь, которыя приняты весьма благосклонно, и посыланные отпущены съ обыкновенными подарками. Въ тотъ же день приказано отъ меня съѣздить въ посланничью квартиру г. ген.-м. кіев. об.-ком. Елчанинову съ штабъ и оберъ-офицерами для привѣтствія и пожеланія г. послу добраго здоровья и благополучнаго продолженія пути.

23-го числа, какъ въ самой день отъѣзда, приказано отъ меня быть весьма рано въ посланничью квартиру кол. сов. Москотиньеву купно съ войтомъ нижняго города Пивоваровымъ и съ магистратскими присутствующими для привѣтствія и пожеланія г. послу благополучнаго пути, а магистратской конной ротѣ приказано г. посла проводить за Днѣпръ нѣсколько верстъ до мѣста, гдѣ г. посолъ завтракать остановится, откуда, начальнику ихъ учиня г. послу пристойное привѣтствіе, возвратиться. Въ проѣздъ г. посла мимо здѣшнѣй крѣпости учинена ему та же почесть, какъ и въ пріѣздъ его, двадцатью пятью пушечными выстрѣлами; а баталіоны гарнизонныхъ солдатъ въ строй выводимы не были, ибо г. посолъ просилъ меня, чтобъ ихъ отъ сего безпокойствія уволить. Симъ образомъ препровожденъ отсюда г. посолъ, пробывъ здѣсь чрезъ десять дней весьма спокойно и тихо, такъ что ни отъ кого ни малѣйшей жалобы не доходило».

А. Андріевскій.

Мертвая рука. (Къ 116 § «Культурныхъ переживаній»). Въ «Культурныхъ переживаніяхъ», напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», я помѣстилъ замѣтку (подъ № 116) о народномъ повѣріи о значеніи мертвой руки и свѣчи изъ человѣческаго жира, какъ вѣрнаго средства для усыпленія людей и безпрепятственнаго воровства. Въ замѣткѣ были приведены повѣрья этого рода малорусскія, великорусскія и латышское. Дополняю здѣсь эту замѣтку новыми фактами. До какой степени повѣрье о мертвой рукѣ сильно въ Малороссіи, даже въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ слободы Боромли ахтырскаго уѣзда въ 132 № «Харьк. Вѣдом.» 1891 года. «Въ ночь съ 19 на 20 мая случилось изъ ряда вонъ выдающееся происшествіе. 18 мая былъ похороненъ крестьянинъ Буденный, страдавшій водянкою; его жена, придерживаясь народнаго повѣрья, что съ умершимъ надо класть въ гробъ монету, для того чтобы были деньги на расходы по похоронамъ, и забывъ это выполнить до погребенія, отправилась рано утромъ вложить монету въ могилу своего мужа; когда она явилась, то, къ ужасу своему, увидала, что могила до половины разрыта; она въ испугѣ бросилась въ волостное правленіе и заявила о случившемся. Немедленно было сообщено: становому приставу, врачу и судебному слѣдователю, которые, прибывъ на мѣсто происшествія, обнаружили, что могила совершенно разрыта. По вскрытіи гроба, оказалось, что у покойнаго Буденнаго на рукѣ все тѣло до кости вырѣзано. Подозрѣніе пало на одного крестьянина Борзаго, замѣченнаго въ воровствѣ, онъ содержится въ настоящее время подъ арестомъ. Со стороны судебнаго слѣдователя приняты мѣры къ выясненію этого преступленія. Существуетъ повѣріе, что если изъ человѣческаго жира сдѣлать свѣчу, то при входѣ въ избу ночью спящіе не просыпаются, пока эта свѣча будетъ горѣть; надо полагать, что Борзый съ этою цѣлью и рѣшился на святотатственный поступокъ. Подозрѣніе на него пало потому, что онъ разспрашивалъ, кого хоронили и гдѣ похоронили, и въ ту-же ночь его встрѣчали въ 2 часа на дорогѣ и въ его избѣ до 3 часовъ свѣтился огонекъ».

Нужно замѣтить, что слобода Боромля—одинъ изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ центровъ, съ значительнымъ числомъ грамотныхъ крестьянъ. Здѣсь находится образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, женская школа, 5 каменныхъ храмовъ, волостное правленіе, земская больница, общественная библіотека, 19 лавокъ, вблизи крупные сахарные заводы и желѣзная дорога.

Нужно еще замѣтить, что населеніе во многомъ отрѣшилось отъ стараго украинскаго быта. Все женское населеніе усвоило уже мѣщанскій костюмъ; пѣсни искалѣчены по содержанію и напѣву внесеніемъ чуждыхъ элементовъ...

Крѣпче всего держится, очевидно, темное и грубое суевѣріе. Что оно можетъ еще долго сохраняться, даже при условіи значительно большаго распространенія грамотности, можно видѣть изъ слѣдующихъ проявленій его въ западной Европѣ:

Въ португальской сказкѣ разбойникъ подъ видомъ нищаго заходитъ въ домъ купца. Онъ зажигаетъ «мертвую руку», чтобы усыпить его дочерей; но старшая запираетъ его въ кладовой, велитъ отдать мертвую руку подъ двери, и когда разбойникъ протянулъ ее, то она отрубила часть его собственной руки. Въ лотарингской сходной сказкѣ также находится мертвая рука подъ другимъ названіемъ main de gloire. Либрехтъ въ «Zur Volkskunde» указываетъ, что «мертвой рукой» въ германскихъ повѣрьяхъ называется высушенная рука повѣшеннаго вора или свѣча изъ человѣческаго жира, имѣющая свойство наводить глубокій сонъ. Это повѣрье встрѣчалось въ старину во Франціи и въ Англіи и существуетъ еще въ Италіи (*Cosquin*, Contes populaires, I, 184).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Альбомъ офортовъ Шевченка. На дняхъ вышелъ въ Кіевѣ, изданный въ количествѣ ста экземпляровъ и не поступающій въ продажу, альбомъ фототипическихъ снимковъ съ гравюръ Шевченка a l'eau forte, озаглавленный «Офорты Шевченка въ коллекціи В. В. Тарновскаго». Всѣ гравюры, въ силу необходимости, исполнены въ одномъ форматѣ (3×4 в.), причемъ, однако, при каждой, вслѣдъ за подписью, указаны размѣры, какъ доски, такъ и самой гравюры и мѣсто нахожденія доски, если оно извѣстно. Воспроизведены также фототипіей двѣ обложки Шевченковской «Живописной Украины» (1844 г.) и подписи (legendes) художника подъ рисунками этого альбома.

Изданіе альбома принадлежитъ В. В. Тарновскому, собравшему въ своей великолѣпной южнорусской коллекціи массу работъ Шевченка и воспоминаній о немъ и большую часть его гравюръ. Въ настоящемъ альбомѣ не достаетъ лишь, кажется, трехъ или четырехъ (Король Лиръ, одинъ изъ собственныхъ портретовъ, варіантъ гравюры

«Дѣвушки у колодца» и пробныя гравюрки съ Рембрандта), снимки съ которыхъ будутъ добавлены, когда судьба приведетъ ихъ въ руки собирателя. Нельзя не засвидѣтельствовать здѣсь того высокаго уваженія, какое заслуживаютъ давнія, почтенныя и безкорыстнѣйшія усилія В. В. Тарновскаго по спасенію остатковъ памятниковъ южнорусской оригинальной культуры, историческаго быта и искусства. Съ неослабною и горячею любовью, неся огромныя затраты, уважаемый коллекціонеръ не устаетъ въ своей дѣятельности болѣе четверти вѣка, производя розыски какъ въ захолустной глуши, такъ и въ центрахъ, предпринимая съ этою цѣлью далекія поѣздки, разыскивая коммиссіонеровъ въ мѣстахъ съ историческимъ прошлымъ. Въ частности, напримѣръ, по гравюрамъ Шевченка, столь цѣнимымъ любителями и столь рѣдкимъ, г. Тарновскій достигъ собранія, какого нѣтъ ни у одного изъ самыхъ извѣстныхъ собирателей гравюръ въ Россіи, какъ Ровинскій и друг. Только собиратели офортовъ, допускающихъ возможность наименьшаго числа оттисковъ, поймутъ вполнѣ, что значитъ собрать 28 работъ одного мастера, т. е., въ данномъ случаѣ, почти весь трудъ его въ этой области искусства.

Изданный нынѣ альбомъ копій, облегчивъ вообще знакомство съ граверными работами украинскаго поэта, послужитъ драгоцѣннымъ подспорьемъ для собирателей офортовъ, области, въ которой, въ русской школѣ, Шевченко является однимъ изъ первыхъ мастеровъ. Этотъ родъ гравюры цѣнится особенно потому, что онъ наиболѣе индивидуаленъ. Офортъ требуетъ быстраго рисунка и не допускаетъ исправленій. Поэтому особенность руки и глаза художника, его оригинальныя черты и совокупность всѣхъ его усилій, характеризуемая словами «душевное настроеніе», передаются изъ всѣхъ видовъ гравюры, наиболѣе въ офортѣ. Черты Шевченка, какъ живописца, отразились также всего рельефнѣе въ этой излюбленной имъ отрасли гравюры.

По составу своему альбомъ состоитъ изъ снимковъ шести листовъ «Живописной Украины», четырехъ портретовъ лицъ художественнаго міра, шести снимковъ съ картинъ разныхъ художниковъ, трехъ композицій и семи портретовъ самого Шевченка. Если безусловной благодарности заслуживаетъ самая идея изданія, то исполненіе снимковъ мастерской г. Кульженко не всегда стоитъ на высотѣ задачи. Въ нѣкоторыхъ снимкахъ встрѣчаются блѣдныя пятна, въ другихъ не отвѣчаетъ оригиналу общій тонъ. Въ общемъ, однако, какъ одна изъ первыхъ попытокъ строго художественнаго мѣстнаго изданія, работа мастерской г. Кульженка можетъ все же считаться удовлетворительной.

В. Г.

Остатки домика И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ Полтавѣ, у соборной церкви, надъ возвышенностью, спускающеюся къ долинѣ Ворсклы есть два дворовыхъ мѣста; одно изъ нихъ принадлежитъ г. Ольховскому, другое—В. В. Сухиновой, которая живетъ на станціи Долинской харьково-николаевской ж. д. Прежде оба эти мѣста составляли одинъ дворъ, гдѣ жилъ родоначальникъ малорусской драматической литературы И. П. Котляревскій. Домъ его, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь *трамъ*, или сволокъ, но и то уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ надписи, бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: «...сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Року ҂аѱе мца ав...» По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время.

Если домъ, трамъ котораго сохранился до настоящаго времени, построенъ былъ въ 1705 году, то онъ могъ еще стоять въ то время, когда здѣсь жилъ Котляревскій. Узнать, когда именно былъ перестроенъ старый домъ и выстроенъ флигель, сохранившій его трамъ, намъ не удалось. Но, вѣроятно, это можно сдѣлать, если разспросить сосѣднихъ сторожиловъ.

Есть обыкновеніе сохранять вещи, напоминающіе о писателяхъ и художникахъ. Если отъ Котляревскаго осталось и не столько, сколько успѣли собрать почитатели Моцарта, Шекспира и др. художниковъ, то все-таки не мѣшало бы почитателямъ таланта Котляревскаго позаботиться, чтобы сохранить отъ гибели и то немногое, что осталось.

Говорятъ, что въ Полтавѣ явилась когда то мысль привести въ порядокъ его могилу. Было устроено гулянье, сборъ съ котораго долженъ былъ пойти на ея улучшеніе; но мы не знаемъ, чѣмъ это дѣло кончилось.

Теперь есть слухи, что оба мѣста, составляющія бывшій дворъ Котляревскаго будутъ продаваться въ іюнѣ или іюлѣ текущаго года. Кто купитъ это дворище? Цѣну обѣихъ усадебъ опредѣляютъ въ 8—12 тысячъ. Не могли ли бы труппы актеровъ, играющія постоянно «Наталку-Полтавку», воспрепятствовать какимъ нибудь способомъ исчезновенію предметовъ, напоминающихъ объ основателѣ мѣстной драматической литературы?

Театральныхъ школъ на югѣ Россіи нѣтъ; обучаются наши актеры на сценѣ, на глазахъ публики. Нельзя ли было бы мѣсто, гдѣ жилъ Котляревскій, употребить на устройство школы драматическаго искусства, сохранивъ въ ней въ такомъ или иномъ видѣ трамъ, подъ которымъ можетъ быть создавалась безсмертная комедія-оперетта?

Р.

Французскій поэтъ Гриценко. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Парижѣ вышли, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, двѣ небольшихъ книжки французскихъ стихотвореній, подписанныхъ характерною малороссійскою фамиліей. (V. De Gritzenko «Hellas», sonnets antiques. Paris 1886. Librairie des bibliophiles и его-же «Silhoutetes bibliques»). Это литературное явленіе въ своемъ родѣ единственное. Нѣсколько раньше, правда, извѣстная малороссійская писательница г. Марко Вовчокъ принимала участіе въ изданіи Этзе́ля «Magasin d'education et de recreation», гдѣ помѣстила переведенную съ малороссійскаго, историческую повѣсть «Маруся», оригиналъ которой такъ и не вышелъ въ свѣтъ. Но въ французскую поэзію сонеты г. Гриценка были, конечно, единственнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ писателемъ южно-русскаго происхожденія.

Въ книжкѣ сонетовъ, озаглавленной «Эллада», г. Гриценко является восторженнымъ поклонниковъ той лучезарной, дивной Эллады, которая рисуется сквозь дымку историческихъ воспоминаній и воплощается въ поэзіи Гомера и Софокла, въ греческой миѳологіи и въ непревзойденныхъ до сихъ поръ античныхъ статуяхъ, гдѣ идеальная строгость искусства и высшая простота сказали свое послѣднее слово на вѣчное удивленіе вѣковъ. Ряды такихъ поклонниковъ древней Греціи, такъ же какъ Греціи философской и научной, значительно порѣдѣли у насъ подъ вліяніемъ аористовъ и другихъ грамматическихъ формъ, восхищеніе которыми обязательно для нашего юношества. Но на Западѣ этихъ поклонниковъ не мало, да и не переведутся они никогда и вѣчнымъ очарованіемъ останется волшебный миражъ колыбели просвѣщенія Эллады.

По всему складу своему г. Гриценко писатель чисто западный, лучше сказать космополитическій. Онъ принялъ характерный обликъ французскаго поэта группы, такъ называемыхъ, «парнассцевъ» и воспѣваетъ Грецію древнюю и новую. Немногимъ дано воплотить въ словѣ античную красоту. Въ русской поэзіи Пушкинъ, Майковъ въ

небольшихъ вещахъ достигали античной рельефности и ясности впечатлѣнія; у нѣмцевъ—Гете и Шиллеръ и въ современной французской литературѣ, мало извѣстный въ Россіи, но очень замѣчательный поэтъ, Леконтъ де Лиль, по стопамъ котораго очевидно стремится идти г. Гриценко.

Вся книжка его какъ бы навѣяна обращеніемъ вышеназваннаго поэта къ Элладѣ, въ его «Poemes antiques»:

Les Dieux sont en poussiere, et la terre est muette;
Rien ne parlera plus dans ton ciel deserté.
Dors! Mais, vivante en lui, chante au coeur du poète
L'hymne melodieux de la sainte beauté.
Elle seule survit, immuable, eternelle!...

Стихи г. Гриценка свидѣтельствують о прекрасномъ классическомъ образованіи, даже эрудиціи, хотя остаются произведеніями дилетантскими, гдѣ поэзія проглядываетъ только иногда. Лучшая пьеса первой книжки, «Hélène», составляетъ перифразъ одного мѣста третьей пѣсни «Иліады», гдѣ описывается какое впечатлѣніе произвела красота Елены на троянскихъ старцевъ. Приводимъ этотъ сонетъ цѣликомъ, чтобы дать понятіе о манерѣ г. Гриценка:

Hélène aux cheveux blonds. Helene aux pieds d'argent
Quitte d'un pas hatif sa couche nuptiale:
Elle reve au passé: sous son grand peplos blanc,
Elle pleure en songeant à la Sparte natale,
Et vers les hauts remparts s'en va languissamment.
Les viellards d'Ilios sur la crete murale,
Le front chenu, siegent majestueusement:
Ils admirent la reine et sa grace fatale!
Sur leurs fronts, qu'a ridés l'implacable viellesse,
Passe comme une brise, un regain de jeunesse;
Ils se disent entre eux, tout bas: „En verité,
Il est juste qu'ici nous souffrions pour elle
La guerre et tous ses maux, car aucune Immortelle
N'a de plus souveraine et divine beauté!"

Вступительный сонетъ близко напоминаетъ извѣстное начало поэмы «Rolla» Мюссе. Авторъ оплакиваетъ въ немъ отошедшіе въ вѣчность блаженные дни древней Греціи, то пантеистическое баснословіе, которое входило нераздѣльнымъ элементомъ въ жизнь древняго эллина и отъ котораго такъ далеко наше время:

Sur la cime des monts il n'est plus de Déesse,
Ni dans les flots d'azur: la moderne rudesse
Effarouche la Nymphe, et les bois sont deserts!

Въ пьесахъ «Гераклъ и Омфала», «Non licet omnibus adire Corinthum», «Өиванскія женщины» «Вакханка» и другихъ, г. Гриценко подражаетъ французскимъ авторамъ въ этомъ родѣ: Ожье, Банвилю, Ришпэну, Бурже, у которыхъ найдется по двѣ—три прекрасныхъ пьесы этого пошиба. Къ сожалѣнью, начитанность и литературное образованіе не достаточны еще тамъ, гдѣ собственныя силы не всегда приходятъ на выручку.

«Библейскіе силуэты» посвящены Леконту де Лиль, котораго авторъ прославляетъ за вѣрность традиціямъ древней поэзіи и называетъ эллинскимъ философомъ и представителемъ библейской правды. Г. Гриценко вдохновляется образами ветхаго завѣта и рисуетъ силуэты преимущественно женщинъ Библіи, какъ Руфь, Эсөирь, Юдиөь, Батсеба, мазь Соломона, Иродіада и просто «Израильская дѣва», которую онъ изображаетъ идеальными чертами. Въ этой книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить пьесы «Руфь» и сонетъ III, какъ положительно прекрасныя. Послѣдняя пьеса воспѣваетъ Суламиту, послѣднюю любовь Соломона, которою вдохновлена была «Пѣсня пѣсней». Въ похвалу библейскимъ пьесамъ г. Гриценка достаточно сказать, что онѣ напоминаютъ тотъ типъ, образцомъ котораго служатъ «Еврейскія мелодіи» Байрона и не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями современныхъ еврейскихъ стихотворцевъ, такъ же далекихъ отъ античной красоты, какъ величавый языкъ Библіи далекъ отъ современнаго еврейскаго жаргона.

Намъ ничего неизвѣстно о житейскомъ положеніи нашего соотечественника, выступившаго въ печати въ качествѣ французскаго поэта. Какъ приставка де, такъ и складъ образованія говорятъ о происхожденіи и школѣ, пройденной г. Гриценкомъ. Направленіе этого образованія носитъ характеръ нѣсколько исключительной крайности, но самая эта крайность предпочтительнѣе того самодовольнаго невѣжества, которое лѣзетъ изъ всѣхъ щелей въ наши дни.

В. Г.

Еврейская торговля антикварными рѣдкостями получила широкое развитіе въ юго-западномъ краѣ. Несмотря на многократныя распоряженія о томъ, чтобы всѣ предметы древности, находимые при раскопкахъ, поступали въ правительственные музеи и древнехранилища, евреи съумѣли повести дѣло такъ, что большинство такихъ предметовъ и нерѣдко самые драгоцѣнные изъ нихъ попадаютъ въ ихъ руки. Евреи, торгующіе антиквар-

ными рѣдкостями, размѣстили своихъ агентовъ не только въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ юго-западнаго края, но и вообще на всемъ югѣ Россіи, какъ извѣстно, весьма богатомъ находками археологическихъ драгоцѣнностей. Какъ только еврейскій агентъ узнаетъ о находкѣ подобной драгоцѣнности или успѣетъ провѣдать о случайномъ нахожденіи ея у какого либо частнаго лица, въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущаго въ предметахъ древности, онъ спѣшитъ увѣдомить о своемъ открытіи патрона, а послѣдній немедленно появляется на мѣсто нахожденія драгоцѣнности и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заполучить ее въ свои руки. Для пріобрѣтенія высмотрѣнной интересной вещицы евреи прибѣгаютъ обыкновенно къ тѣмъ пріемамъ, какіе рекомендовалъ нѣкогда одинъ археологъ-любитель, поучавшій другихъ археологовъ такими словами: «Когда ты найдешь интересную для тебя вещь, прежде всего попытайся купить ее; если откажутся продать ее, попытайся вымѣнять на другую вещь, если и въ этомъ тебѣ откажутъ—украдь ее!» Но евреямъ въ такихъ случаяхъ приходится проявлять меньше настойчивости, чѣмъ любителямъ археологамъ, такъ какъ имъ очень рѣдко случается имѣть дѣло съ любителями археологами, а несравненно чаще—съ случайными владѣльцами археологическихъ рѣдкостей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ даже приблизительнаго понятія о цѣнности ихъ археологическаго имущества. Поэтому евреямъ очень рѣдко приходится прибѣгать къ третьему способу приведеннаго выше наставленія археолога любителя, чаще—къ двумъ первымъ, но евреи поступаютъ, конечно, не въ ущербъ себѣ и, пріобрѣвъ вещи за безцѣнокъ, стараются сбыть ихъ повыгоднѣе. Для евреевъ, разумѣется, безразлично, кому будетъ продана добытая ими вещь, лишь-бы подороже продать ее. И вотъ, составивъ болѣе или менѣе значительную коллекцію такихъ вещей, среди которыхъ немало попадается христіанскихъ древностей (крестовъ, иконъ и проч.), евреи отправляются съ ними въ Москву, Варшаву и Петербургъ, тамъ распродаютъ ихъ частнымъ лицамъ и заграничнымъ агентамъ, и только незначительная часть русскихъ древностей, очень часто безцѣнныхъ по своему научному и историческому значенію, попадетъ изъ еврейскихъ рукъ въ частныя русскія собранія, большинство же ихъ увозится за границу и дѣлается достояніемъ западно-европейскихъ музеевъ, какъ, напр., краковскихъ и львовскихъ, или же частныхъ коллекцій заграничныхъ польскихъ магнатовъ. Нѣкоторые изъ евреевъ, торгующихъ антикварными рѣдкостями, не ѣздятъ ни въ Москву, ни въ Петербургъ, а сидятъ въ Кіевѣ и здѣсь ждутъ покупателей. Но отъ этого не легче, и русскія древности, все равно, тѣмъ или инымъ путемъ, благодаря предпріимчивости и посредничеству евреевъ, увозятся подальше отъ русскихъ правительственныхъ древнехранилищъ. (Кіевлянинъ, 1891, № 113)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ имп. русскаго историческаго общества, томъ 68 й. Спб. 1889 г., IX, 741.

Настоящій томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ богатые матеріалы для южно-русской исторіи. Онъ содержитъ въ себѣ дворянскіе депутатскіе наказы лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. Редакція «Кіевской Старины» не мало сдѣлала для уясненія роли малороссійскихъ депутатовъ въ знаменитой Екатерининской коммиссіи: она издала цѣлый томъ наказовъ и актовъ о выборахъ, она напечатала обширное изслѣдованіе о нихъ г. И. В. Теличенка и мою статью, посвященную выборамъ и дѣятельности въ коммиссіи слободско-украинскихъ (харьковскихъ) депутатовъ. Теперь умѣстно будетъ посмотрѣть, какія *новыя* данныя по этому вопросу заключаются въ настоящемъ томѣ «Сборника».

Редакторъ «Сборника» проф. В. И. Сергѣевичъ печатаетъ всѣ сохранившіеся наказы и челобитья цѣликомъ, подрядъ и поступаетъ такъ, конечно, потому, что въ его распоряженіи имѣются подлинники. Къ малороссійской губ. относится 10 дворянскихъ наказовъ и 7 челобитій. О своихъ нуждахъ заявило дворянство всѣхъ бывшихъ полковыхъ городовъ (а ихъ, какъ извѣстно, было 10) и кромѣ того, глуховское, батуринское и погарское шляхетство, конечно, потому, что Глуховъ, Батуринъ и Погаръ считались городами. Значительная часть этихъ документовъ была издана уже въ «Кіевской Старинѣ»; только тутъ они были перепечатаны съ копій, а въ «Сборникѣ» съ оригиналовъ. Впрочемъ разногласія между тѣми и другими не замѣчается.

И. В. Теличенко для своей работы воспользовался только наказами, изданными въ «Кіев. Стар.». Теперь новые наказы, напечатанные въ «Сборникѣ» отчасти подтверждаютъ, отчасти дополняютъ

сдѣланную имъ характеристику шляхетскихъ нуждъ и пожеланій. Возьмемъ, напримѣръ, наказъ нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства. 1-я статья его трактуетъ о непригодности нѣкоторыхъ параграфовъ Литовскаго Статута; здѣсь, между прочимъ, интересно указаніе на то, что «вслѣдствіе отсутствія законодательства на природномъ языкѣ приходится пользоваться имъ на польскомъ, отъ котораго между тѣмъ въ послѣднее время стали отставать»; во 2-й говорится о спискахъ шляхетства; въ 3-ей о необходимости учрежденія въ Малороссіи дворянскаго корпуса и женскаго воспитательнаго училища, далѣе—объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими, объ утвержденіи за владѣльцами всѣхъ ихъ имѣній, о несправедливости наложеннаго Румянцевымъ подворнаго рублеваго оклада вмѣсто прежнихъ консистентскихъ дачъ, объ отягощеніяхъ посполитыхъ подданныхъ, объ учрежденіи въ Малороссіи государственнаго банка и хлѣбныхъ магазиновъ; все это такія просьбы, какія заявляло и дворянство другихъ повѣтовъ. Любопытно здѣсь указаніе на заимочный способъ возникновенія поземельной собственности. «Многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, говорится здѣсь, въ давнія времена занявъ пустыя въ свободности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государству прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу. Таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями, подъ именемъ Займищъ, такъ правами и привилегіею». Конечно, эта страничка изъ исторіи шляхетскаго землевладѣнія смахиваетъ на идиллію—деревни селили для собственной пользы; плотины запруживали иногда ко вреду другихъ;—но она все таки интересна потому что даетъ данныя для характеристики старшинской заимки, какъ юридической нормы. Заслуживаетъ вниманія также проектъ старшинъ о заведеніи особой коммиссіи, которая бы разбирала жалобы мѣстнаго населенія на притѣсненія воинскихъ командъ, и о назначеніи коммиссаровъ, которые бы сопровождали эти команды при ихъ передвиженіяхъ по Малороссіи. Такого же приблизительно содержанія и дворянскіе наказы другихъ повѣтовъ. Наказъ лубенскаго шляхетства, депутатомъ котораго былъ извѣстный Григорій Андреевичъ Полѣтика, проникнутъ консервативнымъ духомъ. Всѣ первые параграфы его заняты фактическими справками о малороссійскихъ правахъ. «И какъ мы, говорится здѣсь, по безпристрастному нашему разумѣнію почитаемъ сіи права во всѣхъ

нашихъ нуждахъ достаточные, не лицепріемные, злымъ строгость обстоятельно и точно, а прямымъ обидимымъ выгоду предписывающими, то полагаемся надеждою на безприкладное Е. И. В. милосердіе, что тѣжъ самые права при насъ и впредь оставлены будутъ». Интересенъ здѣсь 8-й параграфъ, гдѣ всячески доказывается право козаковъ отчуждать свои грунты въ пользу старшинъ. Еще болѣе интересенъ 15-й параграфъ, въ которомъ ярко выражается отрицательное отношеніе старшинъ къ извѣстной генеральной описи Малороссіи, предпринятой Румянцевымъ. «За учрежденіемъ въ Малой Россіи коллегіи, читаемъ мы здѣсь, по предложенію генералъ-аншефа и кавалера Петра Александровича Румянцева въ Малой Россіи введена еще отличная перепись такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣсы, луги, мельницы и протчія угодья и требуются показанія, сколько хлѣба засѣвается и сколько на какомъ мѣстѣ сѣна укашивается и сколько жъ съ мельницъ приходу въ годъ бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы и ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имѣніе, не минуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковой переписи съ самаго того времени, когда малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ подъ всероссійскую державу поддался, въ Малой Россіи не бывало и чтобъ оной быть, на то нѣтъ и не бывало высокомонаршихъ указовъ, а имѣются точные таковые указы, что здѣсь подушевной переписи никогда не бываетъ. Да чтобъ и нынѣ оной быть, на сіе мы именнаго Е. И. В. всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденнымъ же всѣми въ Бозѣ почивающими Е. И. В. предками нашихъ правъ и стародавнихъ обычаевъ быть оной переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги Статутъ, по артикулу 15, раздѣлу 3, установлено: всѣ привилегіи, стародавнія, земскія и вновь отъ насъ данныя вольности и обычаи добрые, старинные сохранять и ни въ чемъ того не нарушать, а новаго ничего не установлять; а была ли бы надобность что новое прибавить къ добру Рѣчи Посполитой, тогда сего не имѣетъ чинить, ниже уставовъ какихъ дѣлать, кромѣ за согласіемъ общимъ. Нашего жъ согласія на обѣ объявленныя переписи не было и къ тому никого съ насъ не сзывано, но безъ всего тое приказано сдѣлать». Здѣсь прямо Генеральная опись выставляется дѣломъ незаконнымъ. Общій смыслъ параграфа тотъ, что такая перепись представляла небывалое, необычноеявленіе въ исторіи Малороссіи. Этотъ взглядъ на ген. опись былъ

усвоенъ и авторомъ «Исторіи Руссовъ», который свое картинное изображеніе описи начинаетъ такъ: «Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, *была новость необыкновенная*». Въ наказѣ кіевскаго (т. е. собственно остерскаго и козелецкаго) шляхетства обращаетъ на себя вниманіе пунктъ о просвѣщеніи. «Ничто въ жизни для честнаго шляхетства, говорится тутъ, не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ то: университетъ московскій, въ Санктъ-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія, далекія государства и, доставая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы со многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность высочайшей В. И. В. волѣ и любви къ совершенному разума на сію степень возведенія вѣчно подданныхъ своихъ. Ваше И. В., яко премилосердая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, всемилостивѣйше соизволили въ разныхъ мѣстахъ своего государства завести училища и утвердить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества, въ просвѣщеніе ихъ разума и достиженіе разныхъ наукъ, а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для В. И. В. всеподданнѣйше просимъ, по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать и васъ высочайшею милостію во учрежденіи въ Малой Россіи универсисета въ городѣ Кіевѣ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ е. с. графомъ П. А. Румянцевымъ... На учрежденіе жъ и содержаніе оного университета В. И. В. пожаловать сумму изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ, а особо и ту сумму, которая до сего, по высочайшимъ указамъ, обѣщана малороссійскому народу въ заплату за забратіе на счетъ чрезъ бывшее военное съ турками и Пруссіею время волы, лошади, возы, провіантъ, фуражъ и протчее». Стародубское шляхетство по этому поводу замѣтило, что существующія въ Малороссіи латинскія школы (3 гимназіи—въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ) «къ большему просвѣщенію разума человѣческаго и къ полученію другихъ нужныхъ для службы государственной и къ пользѣ всеобщей наукъ суть недостаточны» и потому ходатайствовало объ учрежденіи внутри Малороссіи университета. Погарское дворян-

ство подняло очень важный для него вопросъ о стародубскихъ раскольникахъ—просило о выводѣ ихъ изъ малороссійскихъ земель или, по крайней мѣрѣ, объ отдачѣ подъ вѣдомство малороссійскихъ судовъ.

Но кромѣ дворянскихъ депутатскихъ наказовъ лѣвобережной Малороссіи (т. е. нынѣшней черниговской и полтавской губ.), въ «Сборникѣ» помѣщена цѣлая серія такихъ же наказовъ слободскоукраинской, т. е. нынѣшней харьковской губ. Слободская Украйна въ основной массѣ своего населенія представляла изъ себя такую же южно-русскую область, какъ и лѣвобережная Малороссія. Въ теченіе столѣтняго періода своего историческаго существованія она пользовалась значительною долею автономіи, хотя, конечно, сильно уступавшей автономіи Малороссіи. Тамъ во главѣ управленія стоялъ гетманъ; здѣсь такой мѣстной центральной власти не было. Слободская Украйна дѣлилась на 5 полковъ, во главѣ которыхъ стояли независимые другъ отъ друга полковники. Полковники зависѣли отъ бѣлгородскаго воеводы и разряднаго и великороссійскаго приказа, позже—отъ сената и военной коллегіи. Такое устройство существовало до 1765 года, т. е. до реформъ Щербинина. При немъ козацкіе полки были преобразованы въ гусарскіе, учреждена губернія (слободско-украинская), распадавшаяся на провинціи, которыя въ свою очередь дѣлились на коммиссарства. Реформа Щербинина вызвала нѣкоторое волненіе; иниціаторомъ его среди старшины былъ полк. Краснокутскій, который за это былъ судимъ и сосланъ въ Казань [1]). Произведенный по сему дѣлу розыскъ долженъ былъ естественно устрашить другихъ. Выборы депутатовъ въ Екатер. коммиссію, имѣвшіе мѣсто 2 года спустя, и составленіе наказовъ прошли, вообще говоря, въ противоположность Малороссіи, спокойно [2]). Въ силу всего этого и въ наказахъ слободско-украинскихъ старшинъ очень скромно заявляется о сохраненіи старинныхъ правъ и преимуществъ. Реформа только что была введена; выборами руководилъ виновникъ ея Щербининъ, «правившій губернаторскую должность» въ Харьковѣ. Дворяне стараются въ своихъ наказахъ отмѣтить свои реальныя нужды и потребности, преимущественно экономическаго и отчасти соціальнаго характера; политическій элементъ въ нихъ очень слабъ. Ахтырскіе старшины, напримѣръ, просили отъ отмѣнѣ соляной монополіи,

---

[1]) См. объ этомъ ст. Ив. В. Теличенка „Протестъ слоб. старшины и козаковъ противъ реформъ 1765 г." въ „Кіев. Стар." 1888 г., т. XX, стр. 244—270.

[2]) См. объ этихъ выборахъ мою статью „Къ исторіи Екатерининской коммиссіи" въ „Кіев. Стар." 1885 г. сентябрь.

объ освобожденіи отъ обязанности участвовать въ починкѣ находящихся въ ахтырской провинціи значительныхъ мостовъ, о льготѣ по части продажи вина и расквартированія воинскихъ командъ, объ утвержденіи за ними земель, которыми они владѣли безъ крѣпостныхъ актовъ въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями. Всѣ эти просьбы имѣютъ въ виду исключительно сословные интересы дворянства. Но не довольствуясь этимъ, слободско-украинскіе дворяне выступили еще съ такимъ ходатайствомъ, какого постѣснялись добиваться малороссійскіе старшины—они просили о запрещеніи крестьянамъ ихъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое. «По высочайшей В. И. В. конфирмаціи здѣшней губерніи войсковымъ казеннымъ обывателямъ, писали ахтырскіе дворяне, переходъ на поселеніе въ другія постороннія мѣста запрещенъ. А какъ за нами имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежомъ положеннаго шестигривеннаго оклада и судомъ въ здѣшней губерніи, которые малороссіяне, по своей прежней заобинности не имѣя о каковой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашень, отъ одного къ другому владѣльцу, такожъ въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и сыскать ихъ всячески невезможно, переходятъ, оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплатя указныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ, а оные чрезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ таковую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи, а при томъ, по свободности своей, и работать прилежности не имѣютъ, а когда принуждать и приводить къ законному порядку и земледѣльству, почитаютъ за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ, соблаговолено бъ было онымъ подданнымъ черкасомъ учинить въ переходѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщики и владѣльцы должны подданного дворомъ къ подлежащему строенію, пахотною и сѣнокосною землею и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не могли переходить. А ежели по своевольству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать, а когда будутъ принимаы, на таковыхъ положить взыскивать штрафъ». Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя теорію крѣпостнаго права; оно, по мнѣнію ахтырскихъ дворянъ, должно было принести одинаковую пользу и помѣщикамъ, и крестьянамъ; пользуясь же свободой, они не могли быть

достаточно усердны къ работѣ. Сумскіе дворяне также включили въ свой наказъ пунктъ о запрещеніи вольнаго перехода безъ билетовъ; приэтомъ они ссылаются на Высочайшій указъ 1763 года, (15 декабря), запретившій помѣщикамъ принимать крестьянъ, являвшихся безъ отпускныхъ билетовъ, и высказываютъ желаніе, чтобы билеты эти были оффиціально свидѣтельствованы, а за принятіе безъ нихъ крестьянъ назначенъ былъ штрафъ; а переходъ въ сосѣднія губ. былъ совершенно воспрещенъ. Остальные пункты челобитья сумчанъ касаются отчасти тѣхъ же вопросовъ, какіе были затронуты ахтырскими дворянами (льготъ по части повинностей съ ихъ подданныхъ, винокуренія, покупки и продажи соли, военныхъ постоевъ), отчасти новыхъ—гражданскаго суда, опеки надъ малолѣтними, (оба эти вопроса поставлены очень симпатично), гербовъ, положеній гг. Суджи, Мирополья и Бѣлополья. Дворянскіе гербы должны были получить всѣ лица, дослужившіеся до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ. Дворянство харьковской провинціи ходатайствовало объ укрѣпленіи за нимъ грунтовъ, купленныхъ у козаковъ, о возвращеніи земель, отошедшихъ подъ Украинскую линію и въ вѣдѣніе новороссійской губерніи; остальныя пожеланія совпадали съ ходатайствами сумчанъ и ахтырцевъ. Острогожское дворянство, ближе всѣхъ другихъ соприкасавшееся съ великорусскимъ населеніемъ воронежскаго края, должно было отстаивать ту привилегію, которую никто не нарушалъ у жителей остальныхъ четырехъ провинцій, право свободнаго винокуренія. Оно же съ особенною энергіею старалось о переименованіи б. козацкихъ чиновъ въ великороссійскіе и вообще о дарованіи ему дворянства. Но самыя неумѣренныя желанія оно выразило по части надѣленія его землей. «Находившіеся въ службѣ и отставные здѣшніе уроженцы, говоритъ оно, дворяне и старшины землями, сѣнными покосы и протчими угодьи нынѣ владѣютъ одни по отводамъ и по указамъ канцеляріи, другіе по своимъ стариннымъ заимкамъ, безъ данныхъ на то указовъ, иные же, не имѣя, по указамъ и по заимкамъ, особо никакихъ угодій, довольствуются въ обществѣ съ войсковыми жительми. Между всѣми оными есть такіе, кои по своимъ чинамъ въ землѣ и угодьяхъ имѣютъ крайній недостатокъ». На основаніи инструкціи губернатору велѣно было всѣ вообще земельныя дачи точно измѣрить и положить въ четверти. Острогожскіе же дворяне просили объ отводѣ имъ земель въ окружныхъ межахъ безъ измѣренія ихъ четвертями и десятинами. «Состоящія за дворянами и старшинами по отводамъ и указамъ отъ канцелярій и

по заимкамъ земли и угодья по тому ихъ владѣнію, по урочищамъ же, за ними отказать и отмежевать. Владѣющихъ въ обществѣ съ войсковыми жительми снабдить по ихъ чинамъ особыми дачами по пропорціи, установленной въ екатерининской провинціи; а у коихъ изъ отведенныхъ по указамъ и изъ заимочной положенной пропорціи недоставать будетъ, то и тѣмъ по ихъ чинамъ добавить». Чтобы понять всю серьезность этой просьбы, нужно вспомнить, какіе громадные участки получали помѣщики новороссійскаго края: кусокъ въ 1200 дес. считался минимальнымъ надѣломъ. Но если раздача крупныхъ поземельныхъ дачъ въ Новороссіи не принесла ожидаемыхъ выгодъ, то здѣсь, въ слободской Украйнѣ, она была уже совсѣмъ излишня, безполезна, несправедлива и, наконецъ, невозможна. Изюмское дворянство въ этомъ отношеніи высказало больше скромности: оно ходатайствовало только объ оставленіи за нимъ права на совмѣстное (съ войсковыми обывателями) владѣніе общественными землями. Относящіеся сюда параграфы очень любопытны; они содержатъ въ себѣ важныя данныя о характерѣ землевладѣнія. «Изюмской же провинціи войсковыя слободы по рѣкамъ Осколу и Донцу, состоящія промежъ себя отъ 80 и за 100 в. разстояніемъ, имѣютъ поселеніе, а внутрь, промежъ тѣхъ рѣкъ по разнымъ рѣчкамъ земляныя угодья, яко то: сѣнокосные луга и противъ тѣхъ луговъ пашенная земля, а за пашенною землею степъ...., а прочая за тѣмъ безводная степь какъ въ нашемъ, такъ войсковыхъ обывателей общемъ состоитъ владѣніи и на тѣхъ земляхъ во многихъ имѣются села и деревни по извѣстному владѣнію и урочищамъ, а у другихъ хутора и сѣнные луга съ обывательми черезъ межу и въ сосѣдствѣ на древнемъ сего народа обыкновеніи. Степь же какъ для весняного, лѣтняго, осенняго, такъ и зимняго времени обще блюдется для пастьбы скота, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ лошади, овцы, а иногда и скотъ рогатой и въ зимнее время, въ степи подъ снѣгомъ добывая ногами кормъ, довольствуется и никакихъ излишнихъ и за удовольствіемъ лежащихъ въ пустѣ земель, подлежащихъ къ описи, нѣтъ, но всѣ тѣ земли за вѣрныхъ предковъ нашихъ и наши службы не по уроку, и противъ великороссійскихъ владѣльцевъ и обрядовъ, но по заимкамъ промежъ себя по раздѣлу, по черкасскому обыкновенію, въ вѣчное владѣніе всемилостивѣйше пожалованы».

Если эти общественныя земли будутъ отняты, писали изюмскіе дворяне, то многіе лишатся своего основнаго дохода отъ степнаго скотоводства. Посему пусть все останется по прежнему, т. е. «кто по

рѣчкѣ сѣнными лугами владѣетъ, то противъ тѣхъ луговъ земля и протчее по другія дачи владѣть, за законъ почитая спокойное и по 765-й годъ указное безспорное владѣніе; також имѣющимъ старшинамъ и ихъ чинамъ и ихъ подданнымъ въ войсковыхъ слободахъ скотинными выпуски, пашенными землями и общимъ степомъ со всѣ-войсковыми обыватели пользоватись во обще и тѣхъ общихъ безводныхъ земель за излишнее наше владѣніе не причитать и оныхъ въ казенныя земли не описывать, дабы подъ именованіемъ казенными продажею и по другимъ раздачамъ отъ общества отойтить не могли, и оныхъ якобы въ пустѣ лежащихъ, а единственно нашихъ общихъ земель въ роздачу, кои издревле и всегда въ сей провинціи служили, никому иному не употреблять. утвердить то закономъ». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими общественными землями, которыя въ Малороссіи носили названіе *вольницъ* и которыя служили общимъ пастбищемъ для скота. Въ обширной изюмской провинціи такихъ вольницъ было, очевидно, еще не мало и благодаря имъ здѣсь и могло широко развиться степное скотоводство. Симпатичною чертою наказовъ слободско-украинскаго дворянства нужно признать ясно выраженное въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію. Ахтырскіе дворяне ходатайствовали о пріемѣ ихъ дѣтей въ такъ называемые добавочные классы харьковскаго коллегіума; здѣсь, по инструкціи губернатору, должны были преподаваться французскій и нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія; неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, въ коллегіумъ поступало много дворянскихъ дѣтей, и онъ отличатся всесословнымъ характеромъ. Сумское дворянство пошло дальше и просило объ открытіи въ Сумахъ университета для дворянъ и городскаго училища. «Какъ во многихъ состоящихъ подъ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и протчаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣріе, расколы и протчее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонравнаго народа непотребное, истребляется, то, взирая на толь высокоматернія Е. В. ко всѣмъ вѣрноподданнымъ изливаемыя щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища—первое для благороднаго дворянства, второе—для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ имп. университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ

предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержками, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ надзираніемъ для наученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ, разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила, проповѣдывать слово Божіе и научить простолюдиновъ Закона Божія, во многихъ мѣстахъ поправится. Какая жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно».

Мы нарочно такъ подробно остановились на наказахъ слободско-украинскихъ дворянъ, потому что они всѣ впервые теперь являются въ печати, если не считать краткихъ и случайныхъ отрывковъ изъ нихъ, приведенныхъ въ книгѣ проф. Ласкина «Законодательныя коммиссіи». Съ нетерпѣніемъ ждемъ того тома «Сборника», въ которомъ будутъ помѣщены городскіе наказы вообще и Малороссіи со Слободской Украйной въ частности.

Д. И. Багалѣй.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1891 г. 96 стр. Цѣна 25 к.

Извѣстному издателю Ф. Павленкову пришла въ голову прекрасная мысль—познакомить русское общество съ біографіями и дѣятельностью наиболѣе замѣчательныхъ представителей науки, политики и искусства въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Эта своеобразная библіотека начала выходить осенью 1890 года и закончится въ теченіи 2-хъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году. Однимъ изъ выпусковъ ея является та книжечка, заглавіе которой мы выписали выше. Въ ней помѣщена біографія дѣятеля, имя котораго съ признательностью долженъ вспоминать всякій интеллигентный южанинъ—Василія Назарьевича Каразина, виновника основанія университета въ Харьковѣ. «Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества, говоритъ г. Абрамовъ, Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи... Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ,

его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно». Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что В. Н. Каразинъ былъ *провинціальнымъ* дѣятелемъ, и полной признательности со стороны всѣхъ читателей (столичныхъ и провинціальныхъ) заслуживаютъ какъ издатель, такъ и авторъ настоящаго сочиненія, за то что они воскресили имя этого забытаго дѣятеля и напомнили о немъ широкимъ кругамъ нашей читающей публики. Г. Абрамовъ правъ, когда говоритъ, что присяжные историки игнорировали дѣятельность В. Н. Каразина (это относится даже къ извѣстному автору «Общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ» А. Н. Пыпину); но не правъ, утверждая, что «мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности». Самъ же онъ первымъ своимъ пособіемъ выставилъ «Украинскую старину» Г. П. Данилевскаго, конечно, имѣя въ виду помѣщенную въ ней біографію В. Н. Каразина. Біографія эта въ настоящее время уже не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ спеціалиста, но для своего времени она, несомнѣнно, давала не мало, да и теперь еще прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся личностью В. Н. Каразина. Будущій біографъ В. Н. Каразина возьметъ ее исходнымъ пунктомъ для своей работы. Покойный Гр. Петр. Данилевскій не былъ, правда, присяжнымъ историкомъ, но его «Украинская старина»—не историческій романъ, а сборникъ настоящихъ историческихъ монографій, имѣвшихъ въ свое время *научное* значеніе и съ этой точки зрѣнія оцѣненныхъ даже нашей академіей наукъ (за эту книгу онъ получилъ Уваровскую премію). И самому г. Абрамову,—что, впрочемъ, вполнѣ естественно—книга Г. П. Данилевскаго сослужила не малую службу. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Абрамовъ могъ сказать, что В. Н. Каразинъ «до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое какую біографію, ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представляетъ собою выдающееся явленіе». Самъ г. Абрамовъ ставитъ себѣ скромную цѣль. «Приступая къ составленію настоящаго очерка, говоритъ онъ, мы не задавались цѣлью создать, такъ называемый, солидный трудъ. Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ

обществомъ и нашею исторической наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни». Такой цѣли авторъ вполнѣ достигаетъ; мало того, онъ даетъ даже нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Абрамовъ отнесся къ своему дѣлу очень добросовѣстно и главное съ любовью; онъ познакомился со всѣми *важнѣйшими* источниками и пособіями по избранному имъ вопросу и на основаніи ихъ далъ намъ очень живо и тепло написанный очеркъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что значительная часть этихъ матеріаловъ была издана уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Г. П. Данилевскаго, и что г. Абрамовъ впервые сдѣлалъ краткую сводку ихъ, то его книжечка пріобрѣтаетъ нѣкоторое научное значеніе, а не является простою компиляціей извѣстныхъ пособій. Правда, г. Абрамовъ упустилъ изъ виду кое-какія существенныя печатныя данныя (въ родѣ, напримѣръ, записокъ Ярославскаго, статьи о. Ник. Лащенка о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ с. Кручина); правда, онъ не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ различія во взглядахъ на дѣятельность и личность Каразина; но онъ и не обѣщалъ намъ этого. А между тѣмъ, вообще говоря, его взглядъ на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спеціалиста историка — В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями. Но за то у него получается выпуклая характеристика его кипучей энергической дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г. же Семевскій несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы — за его стремленіе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченія была несовершенна, носила на себѣ печать «прожектерства», столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить ему это въ вину, заподозривать искренность его намѣреній не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суетливость В. Н. Каразина непріятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнія и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ вліянія на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскій довѣрился имъ вполнѣ.

Книжечка г. Абрамова достаточно полно рисуетъ намъ дѣятельность Каразина и по прочтеніи ея остается впечатлѣніе, что виновникъ основанія харьковскаго университета былъ дѣйствительно богато

одаренъ природою, отличался разностороннимъ (можетъ быть, даже слишкомъ разностороннимъ) умомъ, широкимъ энциклопедическимъ, но не поверхностнымъ знаніемъ и главное неукротимымъ стремленіемъ къ общественной дѣятельности.

Вся книга состоитъ изъ 8 главъ; въ 1-й и 2-й гл. разсказывается біографія Каразина и излагается петербургскій періодъ его дѣятельности, (приближеніе къ Александру I-му, роль въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія); въ 3-й говорится о заслугахъ, оказанныхъ имъ харьковскому университету; въ 4-й объ охлажденіи къ нему императора и внѣслужебной дѣятельности; 5-я посвящена уясненію его отношенія къ крестьянскому вопросу (въ теоріи и на практикѣ); въ 6-й изображается Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ, и какъ организаторъ филотехническаго общества; въ 7-й приводится содержаніе его писемъ къ имп. Александру I-му и Николаю Павловичу, результатомъ которыхъ была высылка въ имѣніе; въ 8-й заключительной главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ его жизни. Не всѣ главы отличаются одинаковою обстоятельностью; лучшими мы признаемъ тѣ, въ которыхъ говорится о политическихъ идеяхъ В. Н. Каразина, отношеніи къ крестьянскому вопросу и научныхъ открытіяхъ; заслуги его на пользу харьковскаго университета очерчены блѣдно; личной жизни В. Н. Каразина г. Абрамовъ вовсе не касается и предоставляетъ это сдѣлать будущему біографу, «который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями». Г. Абрамовъ, основываясь на «Украинской старинѣ», указываетъ, что сохранились «многотомныя записки В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя и доселѣ не появились въ свѣтъ». Но это, собственно, не записки, а громадная переписка В. Н. Каразина; къ сожалѣнію, впрочемъ, она, повидимому, погибла во время одного изъ пожаровъ, посѣтившихъ с. Кручинъ. Что же касается матеріаловъ, «хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ», то намъ они неизвѣстны.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. *За 25 коп.* читатель получаетъ изящно изданную на прекрасной бумагѣ книжку, украшенную портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедономъ. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію; по дешевизнѣ, по легкости и интересу изложенія оно доступно всякому образованному человѣку.

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ должны появиться біографіи слѣдующихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему югу—Гоголя, Пирогова, Шевченка и Щепкина. Не сомнѣвается въ успѣхѣ задуманнаго г. Павленковымъ предпріятія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, напоминаемъ читателямъ «Кіевской Старины», что при харьковскомъ университетѣ сосредоточенъ сборъ пожертвованій на памятникъ В. Н. Каразину. Для этой цѣли Высочайше разрѣшена подписка по всей россійской имперіи. Сборами завѣдуетъ коммиссія, состоящая изъ четырехъ профессоровъ. Подписные листы высылаются желающимъ. Пожертвованія принимаются и въ редакціи «Кіевской Старины». Фамиліи жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Д. И. Багалѣй.

В. И. Василенко. Мѣстечко Опошня, зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ.—Изданіе полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889. 40 стр.

Брошюра г. Василенка даетъ богатый и цѣнный статистическій матеріалъ для изученія жизни одного изъ крупнѣйшихъ поселковъ полтавской губерніи. Достоинство этого матеріала увеличивается еще тѣмъ, что собранъ онъ на мѣстѣ лично г. Василенкомъ, сначала въ качествѣ земскаго статистика, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя кустарныхъ промысловъ. Матеріалъ относится главнымъ образомъ къ 1882 году и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія относительно землевладѣнія, земледѣлія, жизненной обстановки жителей, торговли, промысловъ (гончарнаго, сапожнаго), рабочей платы и т. д. Къ сожалѣнію только, при обработкѣ этого матеріала, авторъ не выработалъ предварительно опредѣленной системы и предлагаетъ его въ поэтическомъ безпорядкѣ, такъ что для читателя требуется нѣкоторыхъ усилій, чтобы представить себѣ картину, какъ живутъ въ Опошнѣ люди: о постройкахъ, напр., говорится немного при общемъ описаніи Опошни на стр. 9, болѣе же подробное описаніе ихъ почему то заняло мѣсто между земледѣльцами и ремесленниками (стр. 25—27); тамъ же помѣстились свѣдѣнія и о просвѣщеніи въ Опошнѣ [1]); о

---

[1]) Любопытны замѣчанія г. Василенка о переходномъ состояніи Опошни, гдѣ „деревенская простота состязается съ городомъ“: украинская „мóва“ замѣняется солдатско-мѣщанскимъ жаргономъ; свитки—„куцынами“, чемарками, сюртуками; плахты—„спидныцями“ и т. д. (стр. 24).

садоводствѣ говорится на стр. 10 и на стр. 36—40; цѣны на продукты разбросаны по всей брошюрѣ, и здѣсь ужь нѣтъ возможности составить себѣ хоть какую-нибудь картину и т. д.

Общій выводъ, къ которому пришелъ г. Василенко при изученіи экономическаго состоянія опошнянскихъ жителей, очень неблагопріятенъ: въ большей части царитъ бѣдность ($63,_7$%) и хозяева имѣютъ не болѣе 3 десятинъ полевой земли; имѣвшихъ отъ 3—6 дес. въ 1882 году въ Опошнѣ было $15,_6$%, а имѣвшихъ больше 6 дес.— $20,_7$%. Сравнивая данныя относительно козачьяго землевладѣнія, добытыя земской статистикой въ 1882 году, съ данными переписи козаковъ въ Опошнѣ въ 1835 году, авторъ разбираемой нами брошюры приходитъ къ заключенію, что «въ теченіе можно сказать полувѣка— бѣдность не уменьшилась, а возростаніе земельнаго обезпеченія незначительной части совершается на счетъ сокращенія пропорціи обычнаго уровня благосостоянія болѣе многолюдной группы хозяйствъ». Въ настоящее время около $^2/_3$ козачьей группы находится въ бѣдности и нуждѣ.

Н. В.

Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій.—Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ, 1887. Стр. IX+305. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Книга г. Похилевича является первымъ выпускомъ обширнаго труда, задуманнаго авторомъ и имѣющаго цѣлью историко-статистическое описаніе кіевской губерніи. Еще въ 1864 году г. Похилевичъ издалъ *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи*—книгу, въ свое время обратившую на себя вниманіе и увѣнчанную Уваровской преміей. Съ той поры авторъ не переставалъ работать въ томъ же направленіи, собиралъ матеріалы, несмотря на всѣ затрудненія, встрѣчавшіяся ему на пути, на недоступность для него, какъ частнаго человѣка, въ общественныя библіотеки и правительственные архивы, «оберегаемые, какъ онъ выражается, угрюмыми архиваріусами» (стр. I). Но и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ автору удалось собрать довольно цѣнный матеріалъ для исторіи, главнымъ образомъ, землевладѣнія въ кіевской губерніи и воспользоваться важными документами, относящимися преимущественно къ церквамъ и монастырямъ и хранящимся въ разныхъ архивахъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, въ архивѣ дух. акад. и т. д. Съ этой стороны, ко-

нечно «замѣтки» г. Похилевича (какъ онъ самъ скромно называетъ свой трудъ) чрезвычайно полезная книга.

Архитектура книги очень проста. Начиная съ Вышгорода авторъ разсматриваетъ сначала села кіевскаго уѣзда, затѣмъ переходитъ къ радомысльскому. Подъ названіемъ каждаго села онъ излагаетъ его исторію, если ему удалось собрать хоть какія нибудь историческія или археологическія свѣдѣнія, сообщаетъ разстояніе села отъ ближайшихъ поселковъ, число жителей по вѣроисповѣданіямъ, по сословіямъ, количество надѣльной земли, сумму выкупныхъ платежей, городскаго налога, если дѣло идетъ о мѣстечкѣ или городѣ; сообщаетъ также и о крупныхъ владѣльцахъ. Для примѣра приводимъ описаніе первой попавшейся деревни—Креничъ, кіев. уѣзда: «Креничи,—въ 2 вер. отъ Подгорецъ, и въ 1 отъ Гвоздова, между горами со многими ключами, или креницами, образующими слабый ручеекъ; мѣстоположеніе благопріятствуетъ пчеловодству, которымъ нѣкоторые жители и занимаются съ успѣхомъ. Жит. об. п. 432; евр. 5; рев. 121; над. 478 дес.; вык. 581 р. 29 коп. Кромѣ того Иванъ Порембскій выкуп. изъ над. 6 дес. Универсаломъ Богдана Хмельницкаго 18 августа 1652 года, даннымъ кіевскому полковнику и всей старшинѣ, Креничи вмѣстѣ съ Ходосовкою «*наданы монастыреви паненскому Михайловскому* (т. е. Богословскому, что при Михайловскомъ мужскомъ). Села эти, по соединеніи всѣхъ кіевскихъ паненскихъ монастырей въ одинъ Флоровскій, стали принадлежать этому послѣднему (Акты зап. Рос., V, № 31). А въ универсалѣ Самуйловича 10 августа 1682 г. на имя игуменьи Меланіи сказано, что Креничи «*наданья пана Креницкаго*». Слѣдовательно, до монастырскаго владѣнія Креничи составляли частную собственность. Дѣйствительно, въ 1586 году кіевскій гражданинъ Василій Ходыка купилъ «*у шляхтича Гулевича село Креничи о четырехъ миляхъ отъ замку кіевскаго*»; и съ того времени сталъ именоваться «Ходыкою-Креницкимъ». (Кіев. Ст. 1885, часть I).

Нѣкоторые изъ документовъ, главнымъ образомъ, конечно, тѣ, которые еще не были напечатаны, г. Похилевичъ приводитъ цѣликомъ, какъ напр., поземельные документы Миколинской обители (стр. 40—42), ржищевскаго монастыря (стр. 146—151) и т. д.; другіе только въ извлеченіи или въ пересказѣ. Съ своей точки зрѣнія мы можемъ, конечно, иногда и пожалѣть о такой неравномѣрности, хотя считаемъ несправедливымъ упрекать г. Похилевича: у него была своя опредѣленная цѣль, которой онъ достигалъ, приводя документы во всѣхъ трехъ видахъ. Спасибо и за то, что онъ даетъ.

Статистическую часть мы признаемъ гораздо слабѣе исторической; во первыхъ, черезчуръ мало свѣдѣній даетъ г. Похилевичъ, ограничивая ихъ почти только цифрами о населеніи, земельномъ надѣлѣ, платежахъ и не касаясь другихъ сторонъ жизни, а во вторыхъ не указываетъ намъ источника, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, въ особенности же свѣдѣнія о народонаселеніи, которыя добыть у насъ на Руси, какъ извѣстно, чрезвычайно трудно. Мы боимся, чтобы въ собираніи этихъ свѣдѣній не участвовали волость и полиція, а потому, пока г. Похилевичъ не укажетъ своего источника, будемъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на особенность книги г. Похилевича, которой желательно было бы не видѣть въ послѣдующихъ выпускахъ его труда. Мы разумѣемъ странное въ концѣ XIX в. пристрастіе автора къ архаизмамъ (вящій, весь, градъ, оный и т. д.). Нельзя пройти молчаніемъ идеи г. Похилевича сблизить славянскія нарѣчія введеніемъ *русскаго* алфавита.

Къ книгѣ г. Похилевича приложены подробныя карты кіевскаго и радомысльскаго уѣздовъ, составленныя по Шуберту, а также и указатели именъ географическихъ, личныхъ и «указатель *нѣскольких*ъ предметовъ, выдающихся и наиболѣе интересныхъ для любознательнаго читателя». Изъ обзора одного только этого указателя можно видѣть, какія любопытныя свѣдѣнія заключаются въ трудѣ г. Похилевича, которому мы искренно желаемъ поскорѣй довести до конца начатое дѣло.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 5.—Русская Мысль 5.—Сѣверный Вѣстникъ 5.—Русскій Вѣстникъ 5.—Наблюдатель 5.—Русское Обозрѣніе 5.—Русская Старина 5.—Русскій Архивъ 5.—Историческій Вѣстникъ 5.

Русская Мысль V. *А. Я. Конисскаго. Просвѣщеніе въ Галицкой Руси.*—Авторъ подробно излагаетъ успѣхи просвѣщенія среди русиновъ за послѣдніе 20 лѣтъ (стр. 20—41).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткіе отчеты о книгахъ: «Журналы и отчеты полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1890 г.», «Задачи сельско-хозяйственныхъ обществъ и кіевское сельско-хозяйственное общество. И. Рева» и «Труды перваго кіевскаго областнаго съѣзда. И. Рева» (стр. 241—242).

Русское Обозрѣніе V. Въ отдѣлѣ Критика и библіографія — статья *В. Майкова*: «Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ», въ которой авторъ говоритъ не только объ увлеченіи Аксакова Гоголемъ, но и о вліяніи Гоголя на Аксакова въ его литературныхъ произведеніяхъ (стр. 438—455).

Русская Старина V. *Дневникъ А. В. Никитенко*. Нѣсколько словъ о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатаніи статьи Костомарова: «Вѣче въ Россіи» (стр. 389, 414 и 415).

«Т. Г. Шевченко». В. Демича. Авторъ, по словамъ своего дяди—землемѣра Д. Демича, приводитъ краткія свѣдѣнія о пребываніи поэта въ с. Бѣгачѣ, черниг. губ., у князя Кекуатова, въ 1847 г., гдѣ, по словамъ Д. Демича, Ш-ко и былъ будто бы арестованъ. У Д. Демича сохранился «аттестатъ» отъ кн. Кекуатова, подписанный между прочимъ и художникомъ Т. Шевченко, а также нарисованная имъ икона (стр. 429—431).

«Т. Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ». Родзевича. Приводится нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ жизни поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи на основаніи оффиціальной переписки, имѣющейся въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ закаспійской области. Переписка касается отсутствія болѣе 3-хъ лѣтъ формуляра Ш-ко, подробнаго разслѣдованія по поводу найденныхъ у него писемъ и стиховъ, отказа нарисовать для церкви Ново-Петровскаго укрѣпленія образа, отказа въ выдачѣ аттестата на званіе свободнаго художника, большаго переполоха, произведеннаго даннымъ Ш-ку комендантомъ крѣпости маіоромъ Усковымъ билетомъ на право свободнаго проѣзда въ С.-Петербургъ, минуя Уральскъ и пр.—Тутъ же указывается, что и до сихъ поръ въ укрѣпленіи есть посаженныя поэтомъ фруктовыя деревья и его «домикъ» (стр. 432—446).

Замѣтка Неклюдова о портретѣ Т. Г. Шевченко, написаннаго имъ самимъ въ 1859 г. Портретъ, доставшійся Неклюдову отъ Быковскаго, полученъ этимъ послѣднимъ отъ Дзюбика, которому подаренъ самимъ Шевченкомъ (стр. 447).

«Очерки и воспоминанія» Н. М. Колмакова (продолженіе). Указаніе на неудачное профессорство Н. В. Гоголя въ с.-петерб. у-тетѣ (стр. 460—461).

Бѣлозерская «Вас. Троф. Нарѣжный». Продолженіе біографіи (Р. Стар. № 9, 1890 г.) этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля начала XIX вѣка и писателя, бравшаго сюжеты для своихъ произведеній изъ южно-русской жизни и исторіи (стр. 471—487).

Въ замѣткахъ—приведено письмо гетмана Мазепы къ Меньшикову отъ 1704 г. по поводу даннаго ему порученія найти подходящаго священника для Шлиссельбургской церкви (стр. 498).

Историческій Вѣстникъ V. *Воспоминанія С. В. Скалонъ*, рисующія бытъ и образъ жизни помѣщиковъ Малороссіи конца XVIII и начала XIX вѣка, въ частности жизнь и личность извѣстнаго вельможи и сподвижника Александра

1-го Д. П. Трощинскаго и отца г жи Скалонъ В. В. Капниста, бывшаго при Екатеринѣ II-й кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ генеральнымъ судьей въ полтавской губ., очень любившаго свой родной край и заботившагося о благосостояніи его населенія. Тутъ же посвящено нѣсколько строкъ Ник. Вас. Гоголю—въ дни его ранней молодости (338—367).

Въ отдѣлѣ критики—краткій отзывъ о книгахъ: «Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ...» Бублика, изд. 2-ое и «Козаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи старокозацкаго быта». Абаза (стр. 494—496).

Дозволено ценз. Кіевъ, 15-го іюня 1891 г.

(Іюнь) 23. Неделя. На службу Божую приехалемъ въ Смѣлое, где, куповавшого жито Андрѣя призвавши, увѣдомилемся отъ него, что подводи, виправленніе зъ дому по жито, взяли тутъ, въ Смѣломъ, жита четвериковъ 40, а осталось еще купленного у его 2 четверики, а буромского тутъ въ дворѣ 3. Еще жъ грошей у его осталось отъ покупки житной 20 зол. На дорозѣ, едучому мнѣ въ Роменъ, оттуду посланніе ко мнѣ указы колежскіе 3, о поташѣ одинъ, о откупѣ зборовъ другій, а третій о недѣйствіи безъ подпису колежского унѣверсаловъ правителскихъ въ генералнихъ дѣлехъ, врученни мнѣ стали.

24. Отправленъ почтарь въ Глуховъ зъ писмами до ясневел., и до брегадир., о овощахъ къ нимъ посланнихъ, а до паней особливе отъ мене, о виправѣ, висилаючойся до Царичина. До домашнихъ моихъ писалемъ, приказуючи кухву оковитой горѣлки здѣлать и въ барила перелить. Туда жъ отсель послалемъ коробку зъ 100 трубками пѣнковими, барилко вина полинного. Оттоль велѣлемъ прислать отласъ рожевій, булдинокъ паръ 4 и пару карабѣнеровъ. Грошей моихъ, присланнихъ прежде до п. асаула полкового, 40 рублей, а теперъ обискавшихся у п. атамана роменского, отобравши, далемъ Якову Дубровѣ, онъ далъ Плетюнцѣ до тихъ 70 рублей и другихъ отъ его даннихъ.

25. Виправленъ сторожъ поліовій сенецкій Джикгилъ въ Глуховъ, зъ писмами двома до старшини енер., о виправу енералную въ Терекъ упоминаючися. Другое о графскомъ приказчику, возбранившомъ ревѣдовать козаковъ въ Константиновѣ [1]) и о присланню подорожной отъ правителей. Особливе до коллекгіи доношеніе послано черезъ его жъ отвѣтное, о полученнихъ 3 указахъ: объ откупѣ зборовъ, о недѣйствіи по указахъ правителскихъ о генералнихъ дѣлахъ, безъ подпису колежского писаннихъ, и о поташу. Писалемъ до паней своей о присилцѣ декокту и до Столповского о вѣдомостяхъ. Писалемъ до п. обозного, чтобъ пріехалъ въ Роменъ для общого совѣту,

[1]) М. Константиновъ, роменск. уѣзда, послѣ Мазепиной измѣны, подарено было Петромъ В. графу Головкину.

якъ артиллерію и иншіе дѣла полковіе споражать. Писалемъ до п.п. сотниковъ о присланню вѣденя о зборахъ ратушнихъ и о расходахъ онихъ, прежде нинѣшного указу шедшихъ на ратуши. До чорнуского п. сотника писалемъ о пѣщанскомъ человѣку, служившомъ при Грикгорашу, подъ часъ коммиссарства полкового, а теперъ атаманомъ тамошнимъ обиженнимъ. Праздновали день государева коронованія. По молебнѣ бувъ въ дому Бакѣева зъ товарищи и, по 2 чарки водки випивши, розийшлись по домахъ.

26. Послалемъ 4 кухви горѣлки при Андрѣю кролевецкомъ, зъ которихъ одну дать въ Лохвицѣ на шинкъ писалемъ до стар. лучанского, а зъ тихъ трехъ: одну въ Сухоносовцѣ, другую въ Лубняхъ, а третюю въ Кривой Рудѣ, для косарей, на шинкъ опредѣлити, о чомъ до Орановского писалемъ. До Занковского о приездѣ его въ Роменъ и о доправленню грошей покуховнихъ отъ шафара, 200 зол. и килкохъ шагъ, и чтобъ увѣдомился о двохъ палубцяхъ, робившихся для потреби моей въ Буромли. Зборщики полку всѣхъ сотенъ, отпущенніе зъ Глухова, являлися всѣ у мене и инструкцѣи, себѣ въ коллекгіи данніе, показовали. Худолѣй мимоездомъ въ Гадячъ бувъ у мене. Полубцівъ на двохъ колесахъ привезено пару, неокованнихъ и необбитихъ, зъ Александровки [1]).

27. П. Андрѣй, швакгеръ, зъ Михайловки [2]) єдучи въ Чернѣговъ, мимоездомъ бувъ въ Ромнѣ и въ дому. П. Андрѣй, братъ, приехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, зъ братовою. Укази въ всѣ сотнѣ послалемъ зъ обстоятелнимъ вираженнемъ, якъ готоватись и якій приборъ повинни мѣти козаки и самимъ п. сотникомъ онихъ аппробовать. Послалемъ въ Глуховъ до паней своей, черезъ почтара нашего роменского, грошей рублей 30, да писалемъ до правителей два листи: еденъ о козакахъ, повернувшихся зъ Дербенѣ, якъ висилать ихъ въ походъ настоящій, а другій о бунчуковихъ, что онихъ тилко есть, сколко въ реестрѣ, оттуду присланнимъ, найдуется виражено, цедулъ двѣ: 1, о Чигириндубровѣ, где не могутъ на стоячій въ

---

[1]) Село лубенскаго уѣзда.

[2]) Село лебединскаго уѣзда, харьковской губ., принадлежавшее Полуботку.

лакгерѣ полкъ, дровъ настатчити, 2, о вѣденіяхъ дворовъ, шедшихъ до ратуша прежде вновъ принесенного указу. До ясневел. писалемъ и листъ отъ оной, писанній до імператрици, включилемъ. П. Петру Калениченку реестръ далемъ купить мнѣ въ Шліонску флинту и пару пистолетовъ гладкихъ, и ладовничку.

28. Родителка послала воловъ 10 своихъ, а я 4, и вручили п. Петру Калениченку продать въ Шліонску, що учинити и обѣщался. Федора Юрченка зъ Демяномъ и Плетюнку зо всѣмъ отправили въ царичанскую дорогу. Федору зъ Демяномъ вручено: возовъ 7 воловихъ, кождій возъ по 4 воли, а въ тихъ возахъ, кромѣ харчи данной имъ, тютюну каменей 100, горѣлки простой 4, а оковитой 4 кухви, зъ якихъ куховъ попересипали въ барила, а барилъ всѣхъ 25, але и въ простіе 4 кухви, повсипали во всякую кухву по 2 носатки горѣлки оковитой; пшона четвериковъ роменской мѣри 9 и золот. сто; и сіе злѣценно Юрченку зъ Демяномъ. Плетюнцѣ зась дано грошей черезъ Якова 110 рублей: 10 рублей на проходъ, а 100 на купленне риби и соли въ Царичинѣ, зъ чимъ мѣетъ онъ назадъ вскорѣ и повернутись. Стар. Засулскій, бувши у мене, обявилъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ, 15 роювъ уже. Въ Сухоносовку до Орановского послали 6 воловъ. Въ Царичинъ пойшло воловъ: подъ возами 28, а про запасъ два, и того 30, а коней рижихъ двое. Бувъ въ пасѣцѣ и оглядѣлемъ старой пчоли 34, а роевъ 17, у Плавинищахъ. Зъ Чорного Яру, мая 26 отпущенній, Черевко приехалъ въ Роменъ и листи попривозилъ.

29. Праздновали день ангела государевого: въ церквѣ молебенъ отпѣли соборомъ и на ономъ 3 рази зъ пушокъ стрѣляли; по молебнѣ, господинъ Бакѣевъ зъ товарищи въ дому бувъ и, по 3 чарки водки випивши, отишолъ. П. обозній рано явился мнѣ, зъ которимъ, тако жъ и зъ п. писаремъ полк., уговорили написать по сотняхъ, жебы отъ вдовъ, немогучихъ висилать цѣлого козака въ походъ надлежащій, по коню взято подъ артиллерію полковую. Особливе коней купить за гроши полковіе. Принесенъ правителскій листъ, чтобъ юля 5 прислать въ Глуховъ извѣстіе, сколко въ полку лубенскомъ поставлено маяковъ и где и по сколко козаковъ при

онихъ обрѣтается. Зъ Глухова повернулся . . . . (?) зъ листамы, виешенамѣненнимъ правителскимъ и другимы.

30. Неделя. Казѣмиръ, слуга, посланній до родителя зъ лѣкарствами, повернулся назадъ. П. Кочубей и п. Трощинскій пизно приехали въ Роменъ, для ревизѣи всего полку. Писалемъ до п. сотниковъ о коняхъ подъ артиллерію, жебы у вдовъ побрать и прислали бъ до п. обозного.

Юль. 1. Орановскій приехалъ и о мѣдѣ взятой собою, говорилъ, что зъ оной въ Лубняхъ дѣлаютъ глеки и проч., а мѣди камень 1. П. Михайло батуринскій бувъ у мене, которому жита дать казалемъ четвер. 4. Взаимную въ контроверсѣяхъ зъ п.п. Кочубеемъ и Трощинскимъ, листовную въ Ромнѣ, имѣлисмо корреспонденцѣю. Бувъ городничій бодаквянскій зъ листомъ отца ігумена Михайловского кіевского просителнимъ о уменшенне стоялцовъ великорос., до которого отписалемъ.

2. Указъ въ потверженне другихъ указовъ, данъ атаманови роменскому, виганять людей до роботи валовой. П. суддѣ покойного синъ Яковъ приехалъ о чолобитчику лукомскомъ претендуючомъ много дечого, прося наставленія, що зъ нимъ чинити. Орановскому вмѣсто коней, данихъ прежде ему, въ перемѣну другихъ казалемъ дать. Попадя короваевская привезла унука своего и листъ отъ старости короваевского, въ якомъ ознаймуетъ о кобилахъ 12, отогнанихъ моихъ въ Кривую Руду, зъ которихъ лоша у дванадцятой здохло.

3. Комисаръ Григорій пріехалъ въ Роменъ, зазванній для ревѣзіи. Дацѣй лукомскій явился. До короваевского старости отписалемъ о виданне коня и харчевихъ рѣчей. Василь, молодикъ великій, виехалъ сего вечора у царичанскую дорогу. У Падка (?) меду купили вѣдерко по 9 зол. до вимѣру.

4. До п. сотника чорнуского писали, отвѣтуючи, чтобъ по прежнему зъ того человѣка папѣръ видаванъ былъ на росходи ратушніе, зъ которого и прежде видавалась, и приказуючи, жебы на жалобу Пѣщанского, служившого за писарчика при Григорашу, присилалъ конечне сюда атамана Пѣщанского. Повернулся сторожъ

зъ Глухова зъ листомъ отъ старшини енер., въ которомъ отвѣтуютъ, что промеморія еще не прислана въ канцелярію зъ коллекгіи—ежели висилать осталнихъ къ Дербенѣ или нѣтъ? И о томъ предложено въ листѣ томъ же, что бимъ готовался до походу. Тогда жъ указъ присланъ зъ енер. канцеляр. ко мнѣ, чтобимъ отобравши у сотниковъ репорти, сколко козаковъ до походу будетъ готовихъ, а сколко за скудостію въ домахъ останется, посилалъ до Глухова въ канцелляр.

5. Зъ пасѣчникомъ своимъ тутейшимъ плавинскимъ, уговоръ учинилемъ при п. писареви полковомъ: за лѣто все, поколь сховаетъ въ имшаникъ пчоли, дать ему грошей копъ 5, да харчъ наша, для чого и задатку далемъ таляра оному теперъ. Видѣлемся зъ Кочубеемъ. Послани укази до всѣхъ п. п. сотниковъ, чтобъ заразъ репортовали мене, сколко готовихъ, а сколко неготовихъ козаковъ до походу указанного. По жалобѣ Терновского, жителя сотнѣ лубенской, писано до старшини тамошней, жеби присилали сюда злодѣя, укравшого у него нѣкоторіе вещи, купно зъ тимъ, которій оніе переховувалъ.

6. Александръ пригналъ коней зъ футора Криворудского 4: сивострокатого, вороностврокатого, рижострокатого и голого, лошаковъ четвертаковъ. Орановскій отехалъ въ Сухоносовку, черезъ Глинскъ, где мѣлъ отъ паней судіиной отобрать грошей рублей 30, даннихъ зимою на жито.

7. Неделя. Оберъ фискалъ повернулся зъ Кіева, отъ князя Трубецкого, и видѣлся зъ мною въ церквѣ. П. сотникъ наказн. глинскій приехалъ и привезъ .....говъ (?) 5. П. Леонтія Янковского виправилемъ въ Волошиновку, куди зъ Лохвицѣ мѣлъ приехать и Григор. Остапенко, коммиссаръ, розискать про подданнихъ паней суддѣной и п. сотника глинского etc. По жито подводи прійшли зъ Глухова.

8. Выправлени зъ житомъ подводи, на которіе наложено жита четвер. 60, а вола одного въ позику зъ Засулля взяли, для того что не было одного вола, затимъ що при виходѣ ихъ зъ Тулиголовъ захоровалъ. Бондарцеви Остапу данъ указъ, жебы артил-

лерію споражалъ до походу. П. п. Івану Осталенку и Петру Верещацѣ данъ указъ ехать до п. п. ревизоровъ, на мѣсто сотника наказного Савуска. Писалемъ до Данила Кулябки и Григорія, писар. лубенского, жеби зехали въ Юсковцѣ и розискали заводъ мѐжи тамошними людми и трембачемъ.

9. Приехалъ человѣкъ господина Чечерина, коммендanта полтавского, зъ указомъ отъ коллекгіи малороссійской, жеби жида Лейбу и двохъ воровъ колодниковъ, людей его Чечерина, посилать въ Глуховъ. Повернулся зъ Сорочинецъ слуга п. Скоропадского Павелъ и подалъ мнѣ писмо отъ Луки француза, о его сюда прибытіи.

(Засимъ вырванъ листъ).

19. Ездилемъ до пасѣки своей на Плавинище, где опрочъ старой пчоли 34, показалось роевъ 48. Послали укази во всѣ сотнѣ — о перестереганню полтавцовъ, а барзѣй переволочанцовъ и щобъ безъ указу . . . . (?) не пропускать.

20. Коней двое своихъ продалемъ верховихъ, вороностврокатого за 55 зол. да рижестрокатого за 50 зол. Бандурка зъ Кухтикомъ утекли.

21. Недѣля. Воловики по жито зъ Глухова прійшли. Бандурку и Кухтика зискано. Въ Глуховъ по самую (жену Марковича?) послалемъ конѣ черезъ Леска сторожа; черезъ его жъ послалемъ и доношеніе родителское въ малороссійскую коллекгію, зъ экскузацѣею о умедленіи и оное, жеби далъ въ коллекгію, писалемъ до чорнуского п. сотника, туда жъ поехавшого. Зъ Астраханѣ, отпущеніе роменцѣ отъ родителя, Бувшенко, Томенко и Билимовъ зять, повернулись и прибули въ Роменъ и писма попривозили.

22. Листъ черезъ тихъ же зъ Астраханѣ отпущенихъ до п. миргородского [1]), писанний зъ Царичина, отъ брегадира Шамардина принесенній, послалемъ въ Сорочинцѣ, черезъ сотника яресковского Коломина, черезъ его жъ и до Луки писалемъ и до самого п. миргородского. П. полковнѣкова сумская у вечеру отехала въ

---

[1]) Полковника миргородского Данила Апостола, будущаго гетмана.

Суми. До Кочубея написалемъ отвѣтъ; и до Обозненка и Криштопенка писалемъ, чтобъ они имъ присутствовали. Зъ Глухова приносени двѣ писма правителскіе о Кочубею и Трощинскомъ, писанное зъ нарѣканнемъ одно, а другое о приборѣ въ походъ. Хлопцямъ и Мартину покрояно сукнѣ. Бандурка и Кухтикъ наказаніе за побѣгъ понесли.

23. Коня сивого купилемъ у Гудима старого, ценою за 90 зол., при битности брата п. Андрея и отца Александра Кролевецкого и другихъ слугъ. Жидовъ, на Дяченкову за проданній другимъ тютюнъ скаржившихся, росправилемъ, такожъ и Цися зъ супплѣкантомъ голѣнскимъ. Пожаръ близъ Николая свят. учинился у вечеру, але толко одна згорѣла хата, где дракгуне въ мѣсто того, чтобъ розривать хату, людей били и рабовали. Желѣза купилемъ полъзвязки и 6 фунт. родзѣнокъ. До Константинова зъ листомъ правителскимъ посилалемъ Котлубая.

24. Городничимъ устроилемъ Нестора и наказъ пунктами ему далемъ, якъ и чого смотрѣть. Воловики зъ житомъ въ Тулиголови посланни и черезъ нихъ послано 14 колѣсъ воловихъ и въ кучцѣ (клѣткѣ?) 2 пари огаровъ и о томъ до Остапа писано; а взято жита зъ ями тутъ 39 четвериковъ, пожичили у Василя писара 15 четвериковъ, а мѣли взять въ Смѣломъ 6 четвериковъ. Зъ Глухова писма принесени правителскіе: о дачѣ возовъ компанѣйцамъ, отъ самой и господара о поведеніяхъ домовихъ, и привозѣ лагонского вина въ Глуховъ зъ Березной. Отъ правителей доношеніе зъ поправкою назадъ прислано.

25. П. бунчучній зъ обознимъ прилуцкимъ и Столповскимъ канцеляристою, переехали Роменъ и поехали черезъ Сорочинцѣ чили Гадячъ, въ Ахтирку, до князя Михайла Михайловича Голицина. Греки купци були у мене зъ протестомъ на индуктарей, же у нихъ не по давнемъ обикновенію индукту взимаютъ и для того въ Свѣнскъ на ярмарокъ не поехали, але протестъ учинивши и подписавши своими руками, дали мнѣ. Прикажчикъ константиновскій бувъ у мене и говорилъ, что писано къ нему отъ правителей

нашихъ о зборщикахъ, жеби тамъ устроени били, а то по колежской промеморіи.

26. Г. генералъ маіоръ Роппъ переездомъ зъ Варви до Гадячого бувъ въ Ромнѣ и, часъ одинъ чили другій забавивши, и отехалъ почтою, а за почту прогоннихъ денегъ не платилъ. Малъ бувъ контентъ зъ господи, якая показанна була въ дворѣ п. суддѣной. Родителка до Андріевки виехала. Торгъ зъ жидами на тютюнъ учинили, подлѣйшій по 2, а лутшій по 3 зол.

27. Зборщиковъ два прислано на перемѣну зъ Лукомля и зъ Пѣратина. Раховано гданчанъ [1]) Чернѣцкого, Алексѣя, Якова и Селецкого, а раховали отецъ Савѣцкій, Яковъ дозорца, сотникъ наказ. Савуско и атаманъ Гѣня. Зъ Криму родителскихъ прійшло 5 возовъ зъ товарами. Указы знову послани въ сотнѣ о крайней готовности въ походъ. До Орановского о разныхъ интерессахъ, а до стар. буромского о палубахъ отвѣтъ, и до другихъ, до Леонтія и до Мацковского Василя, о видачѣ харчи на Кривую Руду писано.

(Засимъ вырванъ листъ или два).

Августъ. 24. Всѣ полки князь рано ревѣдовалъ, радемъ поставивши пѣшо и велѣвши стрелять имъ [2]). По ревѣзіи обѣдалъ у миргородского [3]). По обѣдѣ, комменду вручилъ миргородскому. Сотникъ сенецкій князеви супплѣку на мене подалъ, за посаженне его на армату, якую князь вичитать велѣвши, казалъ помиритись. После князь заездилъ до гадяцкого и прилуцкого полковниковъ, где немного посидѣвши, и отехалъ къ Красному Куту, 4 часа зъ полдня, а приехалъ въ Красній Кутъ 10 часа. За нимъ и я поехавши ночовалемъ, не доехавъ Красного Кута, на полѣ.

25. Недѣля. Приехалемъ у Красній Кутъ рано и, бувши у князя, обѣдалемъ зъ нимъ. Тамъ же изъ полковникомъ ахтирскимъ Лесевицкимъ видѣлемся и зъ полковникомъ Ларіоновимъ. По обѣдѣ

---

[1]) Возвратившихся изъ поѣздки въ Гданскъ (Данцигъ).

[2]) Говорится о смотрѣ козачьяго войска княземъ М. М. Голицынымъ на Коломакѣ. См. Русск. Арх. 1880 г., I, 195.

[3]) Т. е. миргородского полковника Апостола.

зъ Краснаго Кута за княземъ поехалемъ и дорогою едучи, о своей нуждѣ ему говорилемъ; и зъ нимъ же передъ вечоромъ приехалемъ въ Каплуновку; а передомъ стрѣлъ насъ полковникъ Загрязкой кіевского полку тамъ стоячого. Булисмо зъ княземъ у вечернѣ, а по вечернѣ бувъ за князя молебенъ, а по молебнѣ чудотворной иконѣ всѣ прикладовалися. Церковъ и иконостасъ хорошіе. Сотникъ балаклієвскій Лѣсаневичъ да писаръ полковій Узюмского полку були передъ княземъ и супплѣку дали на полковника узюмского Гахалстрова (?). Старшина енералная пріехали въ обозъ до Коломаку.

26. Муштровалъ князь полкъ кіевскій и конно и пѣшо, часовъ зъ 6. По муштрѣ, обѣдали у полковника Загрязкого. По обѣдѣ, поехалъ князь въ Ахтирку, за которимъ и я поехалемъ зъ Загрязкимъ и, опровадивши его за верстъ 5, пожегналисмо и вернулися назадъ. Князь, при отклонѣ моемъ, милостиво мене отпустилъ. Ночовалемъ на той сторонѣ Красного Кута. Старшина енер. пріехавши въ обозъ, а не заставши князя, поехали за нимъ въ Ахтирку.

27. Обѣдъ мѣлемъ переехавши Красній Кутъ, куда пріехали писаръ полк. Савѣцкій и сотникъ сенецкій и сказали, что едутъ зъ супплѣкою, данною отъ ихъ миргородскому по приказанню миргородского жъ, и зъ мною обѣдали. Приехалемъ заранни до Буцкого броду сюда, и заехалемъ первей до прилуцкого полку, къ п. п. суддѣ и сотнику полковимъ, и взялемъ оттуду для свѣдителства сюди, въ лубенскій полкъ, Березинского. Пришли ко мнѣ обозній полковій и всѣ сотники и когда спиталемъ ониxъ про супплѣку, на мене написанную отъ нихъ до миргородского, первей обозній, а потомъ сотникъ чорнусскій, а послѣ и всѣ сказали, что они такой супплѣки не хотѣли писать, жебы мнѣ отставленну быти отъ комменди, тое жъ и не подписовалися бъ, але мусѣли тое учинити зъ принужденія миргородского п. полковника, которій того вечора, якого князь отехалъ, призвавши всѣхъ лубенцовъ до себе, публѣчно лаявъ родителя моего, а после приказалъ, жебы конечне написали на мене супплѣку, сказавши и тое, же если не напишутъ и не подпишутся, то онъ ихъ въ такіе заженетъ тарапати, що

трудно имъ війти будетъ, о чомъ я того жъ вечора, писалемъ до князя, до аттютанта Шипова и до Бирулева. Вечералемъ у лохвицкаго сотника зо всѣми.

28. Бувъ я рано у миргородского, которій ласкавъ ко мнѣ оказался. Обѣдалемъ у суддѣ миргородского. Холодовичъ отъ п. полковника нѣжинского передомъ пріѣхалъ, зъ которимъ у п. п. суддѣ и сотника полковихъ прилуцкихъ булисмо. Такъ же у Галагана, а оттоль у п. Стефана Миклашевского, где при мнѣ и сотникъ чернускій бувши явне тое говорилъ повторе, что приказовалъ онимъ миргородскій писать на мене супплѣку и же бранилъ родителя. Стаховичъ вечералъ и ночовалъ у мене.

29. Чернѣговскій полкъ прійшолъ. Ездилемъ зъ чернускимъ сотникомъ до п. Миклашевского, где многая о томъ же говорилъ при п. Миклашевскомъ; зъ нимъ же пріехавши въ обозъ, обѣдалемъ. Писма, до правителей отъ мене писанніе, знову зъ Ромна ко мнѣ прислано, и отъ Василя, писаря, грошей зол. 100 на служителей войсковихъ. Передъ вечеромъ полкъ нѣжинскій прійшолъ и я тогда жъ бувъ у нѣжинского п. полковника. Писалемъ до родителки о своей нуждѣ.

30. Писаръ и сенецкій (сотникъ) отъ князя повернулись; тако жъ и Гаврило молодикъ повернулся, зъ отвѣтомъ до мене княжимъ, же онъ не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять мене отъ комменди. Обѣдалемъ у нѣжинского зъ гадяцкимъ. Максимовичъ у вечеру передъ нѣжинскимъ говорилъ тое, что миргородскій велѣлъ супплѣку писать и бранилъ отца моего.

31. Отправилемъ 3 человѣка въ Роменъ и чрезъ нихъ писалемъ до коллегіи о томъ, что обозній не вернулся въ Роменъ для правленія полкового, хочай ѐму и говорилемъ. До прокурора пространно, а до ясневелможной кратко, о своей нуждѣ писалемъ. До Занковского о удержанню ся его тамъ. До писара глух. о ревѣзѣи сенецкой, до господара пунктовъ нѣсколконадцять, о интерессахъ домовихъ. По обѣдѣ у гадяцкого зъ нѣжинскимъ булисмо, а потомъ зъ нѣжинскимъ и у мене були п. п. суддя и сотникъ пол. прилуцкіе.

Септевр. 1. Неделя. У нѣжинского полковника бувъ банкетъ, але толко миргородскій да прилуцкій полковники не були. Листи

зъ Астраханѣ отъ отца, отпущенніе 7 и 12 юля, принесенни ко мнѣ зъ Ромна. Стародубскій полкъ прійшолъ.

2. Писма писалемъ до родителя въ Астрахань и до родителки о своемъ поведеніи. Обозній, бувши у мене рано, говорилъ тое, что оному приказовалъ миргородскій, жебы отпустить отсюду лукомского атамана да жебы тамъ атаманомъ не бувъ, але инного бъ избрано.

3. У нѣжинского пол. обѣдалемъ. Миргородскій листъ отъ старшини енер. и 2 суплѣки присилалъ до нѣжинского, жебы подписался о избраніи гетмана и отставцѣ зборовъ писанніе. Заездилемъ до прилуцкихъ (старшинъ), а оттоль до Миклашевского. Соколничій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами, обявляючими тое, что присланъ въ Роменъ зъ коллекгіи указъ зъ солдатомъ взять нѣкоторихъ людей родителскихъ до коллекгіи респектомъ зборовъ.

4. Пѣлули пурккгуючіе, у Алвиза взявши, пріймалемъ. Козакъ полтавского полку, бувши у мене, сказовалъ, что родитель мѣвъ по Преображеніи на море пойти. П. Григор. швакгеръ бувъ у мене.

5. Писма отправлени черезъ Леска сторожа въ Роменъ и грошей зол. 100 до панеи моей зъ писмомъ. До брегадира, прокурора и Кошеліова о взятихъ зъ Ромна людяхъ дворовихъ въ коллекгію взглядомъ зборовъ. Тогда жъ и до родителя въ Астрахань. Присилалъ миргородскій асаулу свого полкового Семена, что бимъ до его ехалъ зо всею старшиною. Тогда жъ бувъ я у его и подписался на суплѣцѣ, але подписавшись, говорилемъ о нѣкоторихъ термѣнахъ, что оніе досадни кажутся, вмѣсто протесту.

6. Писаръ пол. Савѣцкій приносилъ рано ко мнѣ суплѣку другую до п. миргородского писанную и подписанную отъ старшини, на якій я не подписалемся [1]). Почтарь зъ Ромна пріехалъ зъ листомъ Янковского, которимъ змѣнкуетъ, что отобранъ Бекетовимъ у Гадячу провіянтъ, привезенній зъ полку лубенского. Тотъ же почтарь привезлъ вина полинного барилко и барило пива. Зарудній пріехалъ. Грошей по лѣчбѣ Якова показалось 150 зол., якіе въ

---

[1]) Говорится объ извѣстныхъ „Коломацкихъ челобитныхъ", напечатанныхъ въ приложеніи къ Кіевск. Стар. 1890 г., стр. 102—110.

скринку вложилемъ. Трембачамъ роздати гроши казалемъ и для того 100 зол., присланнихъ зъ Ромна, отдалемъ черезъ Городиского и Худолѣя обозного, которій и подавалъ по части, оставивши у себе 60 зол.

7. Соколничого отправилемъ и ему жъ вручилемъ листи до родителя, отъ мене и нѣжинского п. полковника писанніе и отъ его жъ до сотника глуховского. Лубенскій сотникъ пріехалъ въ обозъ. Обѣдалисмо у глинского наказного сотника.

8. Неделя. Службі Божой слухалемъ у нѣжинского; по обѣднѣ зъ прилуцкимъ полковникомъ були въ наметѣ, а потомъ поехалисмо до гадяцкого и тамъ всѣ обѣдалисмо.

9. У миргородского бувъ я рано и, мало посидѣвши, отійшолемъ. Коней 120 нѣжинского полку, короповской сотнѣ, у ночѣ зпужались и разбѣглись, але потомъ обискались. Обѣдалемъ у нѣжинского. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Григорія, оттоль до п. п. Миклашевскихъ, где въ карти игралемъ и вечералемъ у п. Стефана. Укази 2 принесенни у вечеру, отъ малороссійской коллекгіи зъ Глухова отпущенніе, зъ которихъ въ одномъ предлагается тое, чтобъ хто хотѣлъ покупалъ медъ зборній десятинній [1]), а въ другомъ, якъ пенку (пеньку́) дѣлать и укази въ обоихъ тихъ указахъ для для публѣкацѣи всенародной включенни.

10. Почтара, которій сюда привозилъ пиво да вино, отпустилемъ назадъ зъ писмомъ, а зъ нимъ и Данила татарина захоровавшого. Стрелцовъ человѣка 9 послалемъ для добычи въ степъ. П. Григорій швакгеръ обѣдалъ у мене зъ п. судденкомъ нѣжинскимъ Василемъ и другими.

11. Черезъ слугу п. полковника нѣжинского, писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной и до своей жени. Обѣдалемъ у нѣжинского полковника. Игравши въ карти, програлемъ 3 рублѣ.

12. Обѣдалемъ въ дому. Гаврила молодика послалемъ въ Полтаву для покупокъ нѣкоторихъ, которому и грошей на оніе далемъ рублей 10.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) О „медовой десятинѣ“, которая въ это время собиралась въ Малороссіи, по распоряженію Вельяминова, см. Русск. Арх. 1880 г., I, 159.

25. Надъ 200 козаками, оставленними у Буцкого броду, оставилемъ каммендѣромъ лохвицкого сотника Гамалѣю, а самъ передъ обѣдомъ рушилемъ оттуду къ Ахтирцѣ, полкъ отпустивши при обозномъ домой. Обѣдалемъ не доэжжая Красного-Кута, зъ п. Демяномъ Якубовичемъ, Раковичемъ и Левенцемъ. Мимоездомъ п. полковникъ гадяцкій постоялъ и, випивши зъ своею панею по кубку вина, отехалъ до Каплуновки. А ми, по обѣдѣ поехавши, ночовалисмо не доежджая Ахтирки болшъ милѣ.

26. Приехалисмо къ Ахтирцѣ рано и перенявши миргородского, приездившого туда жъ, зъ нимъ сталисмо за городомъ, у левадѣ. Булисмо у князя, кушали и подпили значне. Князь ласкавъ до всѣхъ оказовался. Отпустивши всѣхъ, велѣлъ мнѣ удержатись. У вечеру отойшовши отъ его, булемъ у Бирулева, а оттоль до квартири своей поехалемъ и вечералемъ у п. Демяна Якубовича. Отдалемъ князови бандурку малого своего.

27. Рано булисмо у князя и, кагве (кофе) напившись, пошлисмо зъ нимъ до церкви. По службѣ, миргородскій подалъ князеви супплѣку за подписомъ цѣлихъ полковниковъ о томъ, чтобъ ихъ коллекгія не посилала салдатъ зискуватъ, и князь обѣщался служить по возможности, а до того сказалъ, же онъ не надлежитъ (?). Миргородскій и протчіе отклонились, а мене удержалъ князь на обѣдъ; и обѣдалисмо зъ Милорадовичемъ гадяцкимъ пол. По обѣдѣ я, отехавши, ночовалемъ якъ бы у 3 милѣ, не доежджая Комишевъ села, и вечералемъ тамъ у п. Демяна Якубовича.

28. Обѣдалисмо у Веприку, якъ бы у 2 милѣ отъ ночлега. По обѣдѣ завчасу приехавши въ Гадячъ, булисмо у Турковского, господара гадяцкого, и випивши по 3 кубки меду, отехалемъ и ночовалемъ у села Липового.

29. Неделя. Передъ Ромномъ стрѣтили мене братъ п. Андрѣй, Бутурлимъ и прочіе, и приехалисмо въ Роменъ на службу. Полянскій, Іванъ Макаровичъ, присилалъ офѣцера въ церковъ до мене, зъ поздравленіемъ приезду моего. Бакѣевъ по службѣ бувъ и простился зо мною, бо мѣлъ отехать къ Царицину. Худолѣй, Василь глинскій и проч. отехали домой.

30. Листи получилемъ отъ атамана чигириндубровского о Гордѣевичу, о коню, о которомъ писалъ енер. Роппъ, чтобъ заплатить оного утраченого капитанского. У оберъ-кригсъ-коммиссара Полянского былемъ у вечеру. Отъ Орановского листъ принесенъ зъ требованемъ денегъ на заплатку за пчоли.

1. Октовр. До Орановского писалемъ и грошей 10 рублей послалемъ. До родителя въ Астрахань писалемъ и до атамана отписалемъ чигир.-дубровского. Глинскій Василь и Зарудненко були въ Ромнѣ. Сенецкій сотникъ проехалъ черезъ Роменъ.

2. Листъ правителскій, 24 септ. отправленній зъ Глухова, принесенъ зъ требованіемъ о присилку вѣденія маетностей змѣнничихъ и другого вѣденія о умершихъ въ Терку и Ладозѣ козакахъ.

3. О присилкѣ тихъ вѣденій указы и листи къ сотникамъ порозсилалемъ. Писалемъ въ Глуховъ до ясневел. о своемъ приездѣ. До старшини енер. тожъ о приездѣ, а другой листъ, отвѣтуючи на ихъ писмо, и до господара. Ямщикъ на войта скаржился. Принесени зъ коллекгіи малорос. 2 указы. одинъ о непропуску старцовъ безъ пропускнихъ грамотъ монаршихъ, а другій о предуготовленіи лѣса и дровъ на магазейны. Раховали Семениху, бувшую шинкарку лохвицкую, и показалась она винна по реестру Романовомъ 177, а подлугъ еи сказки, 109 зол. и копѣекъ 5. У Мѣрочника, шинкара роменского, отобралъ Романъ грошей зол. 60.

4. Писалемъ до сотниковъ о приуготовленіи роботниковъ, дерева и дранѣ на магазейны. Особливо писалемъ о пересмотрѣ монаховъ зъ Греціи приезджаючихъ, на форпостахъ, до чигир.-дубр. сотника. Василь Дяченко, бувши у мене, принесъ табаку гишпанского и пуздерко въ ценѣ. У вечеру виехалемъ зъ Ромна въ Андрѣевку, и стрѣвшись зъ Григоріемъ, коммиссаромъ полковимъ, едучимъ въ Глуховъ до правителей зъ реестрами о собраннихъ денгахъ на церковъ Печерскую [1]) розговорувалемъ зъ нимъ долго, а приехалемъ потимъ на ночь въ Андреевку. Отъ писара Савѣцкого писмо принесено о заводѣ походномъ и о его заочной будто

---

[1]) См. выше, стр. 14.

конфузіи зъ горливостю виражаючое. П. Василю Дяченку, за пуздерко, далемъ черезъ отца Савѣцкого 27 зол.

5. Бувъ глинскій сотникъ наказ. и прикажчикъ андріяшовскій Грудзѣнскій. Козаки зъ Царицина повернулись сотнѣ глинской, которіе туда посилани були зъ писмами.

6. Желяза послали зъ Андрѣевки въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллегію малороссійс. Черезъ его жъ писалемъ до прокурора о присилцѣ ему и до господара. Зъ Ромна получилемъ листъ отъ Билима о злодѣяхъ, андрѣяшовскимъ прикажчикомъ пойманнихъ, и самихъ двохъ злодѣевъ. Зарудній зъ своею женою и сотничка глинская пріехали.

7. Рано поехалемъ зъ Андрѣевки степомъ ромадановскимъ и на обѣдъ приехалемъ къ Бодаквѣ, у футора гадяцкого полковника. Оттуду поехавши, ночлегъ мѣлъ на озницѣ (?) противъ Сенчи. Проехалъ писаръ Савѣцкій до Сорочнинецъ зъ села своего.

8. Обѣдалисмо не доиждяжаючи Пѣсочокъ, села монастира мгарского; оттуду поехавши на ночъ, приехали къ Березнякамъ и тамъ вечернѣ вислухали.

9. Тамъ же въ Березнякахъ утренѣ и службы божой вислухали, а поехавши оттоль, на поздній обѣдъ приехали въ Криворудскій футоръ. По обѣдѣ зревѣдовали стадо конское.

10. Асаулу арматного поставилемъ сотникомъ наказнимъ лукомскимъ. Попъ лукомскій бувъ отецъ Петро. Писма зъ Ромна принесенни отъ Билима, о приехавшихъ салдатахъ и поручику Пенякову въ Роменъ. Отъ сотника лубенского вѣденіе о умершихъ козакахъ въ походахъ ладожскомъ и дербенскомъ прислано. Зъ Луки отъ родителки прислано писмо о приехавшемъ капитану Сеничову для осмотру мѣста на магазени. Леонтій економъ бувъ.

11. При отездѣ зъ футора рубля грошей далемъ дворникови на розніе потреби. Былемъ у Жостѣру и своихъ 3 дрикгантовъ осмотрувалемъ и машталѣрови Іванови далемъ 6 зол., оттоль поехавши къ перевозу и перевезшись, на ночъ пріехалемъ въ Оржицю.

12. Зъ Оржицѣ послалемъ листъ откритій въ Лукомле Кузмѣ асауловѣ на сотництво наказное. Поехавши оттоль, обѣдалемъ въ

Денисовцѣ, гдѣ и Пѣковчиха [1]) видѣлася. Пріехалемъ на ночъ въ Короваи и въ лазнѣ зъ братомъ, п. Андреемъ, мился.

13. Неделя. Листъ приносенъ ко мнѣ отъ правителей о грошахъ печерскихъ писанній [2]) и о присилцѣ запорожця и Худолѣя. Отвѣтъ учинилемъ въ коллекгію на 2 укази, одинъ—о непропуску монаховъ зъ Греціи безъ жалованнихъ грамотъ, а другій—о магазенахъ, чтобъ предуготовленіе било. Родителка коня даровала молодого. Гуляли доволно.

14. Ездилемъ до Ангелювщини и вибралемъ двохъ лошаковъ третяковъ, ворониххъ, одного легчаного, а другого дрикганчука. Старосту короваевского перемѣнили. Тіе лошаки послалемъ въ Кривую Руду, черезъ Мартина молодика. Пріехали на ночъ въ Пѣратинъ, где капитанъ Семичовъ бувъ и видѣлся зъ мною взглядомъ магазеновъ. Зборщики тамошніе були. Кватира була у п. Худолѣя.

15. Рано оттоль поехалемъ на обѣдъ въ Сухоносовку. Отецъ Пясецкій бувъ у мене. Писалемъ до Худолѣя въ Пѣратинъ о приездѣ его въ Глуховъ. До Милорадовича василковского отписалемъ и тогда жъ и тотъ листъ послалемъ.

16. Сотникъ чорнускій бувъ у мене. Обѣдали у отца Пясецкого. Зъ Горошина атаманъ прислалъ 2 пари огаровъ и пару журавлювъ. Алексѣйцю конюшество вручилемъ и далемъ ему зол. 10 на потреби. Черезъ его жъ послалемъ въ Горошинъ до атамана зол. 50 на купленне лѣса. Орановскому коня гнѣденкого даровалемъ. Осмотрувалемъ набѣлу, которого тамъ показалось масла 12 и сира 12 дѣжокъ. Чорнускій сотникъ опроважалъ насъ и простился. Ночовали у 10 верст. отъ Лохвицѣ.

17. Пріехали на службу въ Луку. Подгуляли. Писма отъ лукомского сотника и отъ Савѣцкого писара. Отъ прикажчика константиновского. Гуляли доволно.

---

[1]) Вдова лукомскаго сотника Василія Матвѣевича Пиковца, вышедшая потомъ вторично замужъ за серба Славуя Требинскаго. Младшій сынъ „Пѣковчихи"—Степанъ впослѣдствіи сталъ зятемъ автора Дневника.

[2]) См. выше, стр. 14 и 46.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIII, 1891 г. Апрѣль, Май и Іюнь.